ФАИНА РАНЕВСКАЯ

КРЫМСКИЕ КАНИКУЛЫ

ДНЕВНИК ЮНОЙ АКТРИСЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Судьба Фаины Раневской неразрывно связана с Крымом.

Здесь она сыграла свои первые роли, впервые удостоившись аплодисментов и криков «браво!». Здесь провела больше пяти лет – с 1918-го по 1923-й. Здесь пережила Гражданскую войну, а по пути сюда чудом избежала расстрела. Здесь стала настоящей актрисой. Здесь «наточила язычок», научившись отвечать на оскорбления легендарными остротами и афоризмами, которые потом повторяла вся страна.

И все эти крымские годы Фаина Георгиевна вела дневник, который ждал публикации почти столетие. Первое издание этих «Крымских тетрадей» – уникальная возможность услышать живой голос великой актрисы.

- Фаина Георгиевна Раневская
  - ○
  - ○
  - ○ От редакции
  - ○ Тетрадь первая
  - ○ Тетрадь вторая
  - ○ От редакции
  - ○ Тетрадь четвертая
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107

- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151

- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195

- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218

Фаина Георгиевна Раневская Крымские каникулы: дневник юной актрисы

* * *

Иллюстрация художника Е. Шуваловой

От редакции

Крымские дневники Фаины Георгиевны Раневской были обнаружены случайно. Все началось с присоединения Крыма к России. Некий московский врач, попросивший нас не разглашать его имени, давно лелеял мечту о маленьком домике у моря. Мечта сбылась летом 2015 года, только вот продавец, унаследовавший дачу от дальней родственницы, устроил покупателю неприятный сюрприз – не освободил, как было оговорено, дачу от находившегося на ней старого хлама. «Я проклинал его на чем свет стоит, а теперь с ужасом думаю о том, что могло бы произойти, выполни он свои обязательства! – говорит покупатель. – Бесценные тетради могли оказаться на свалке!»

Тетради были обнаружены случайно. Врачи по природе своей любопытны и любят копаться в бумагах. Новый владелец знакомился с содержимым книжных шкафов, прежде чем от него избавиться. «Было такое чувство, что нельзя выбрасывать бумаги, не просмотрев их», – признается он. Интуиция не подвела: среди множества папок, журналов и газетных подшивок были обнаружены три толстые тетради, исписанные мелким, но разборчивым почерком. Подумав, что в его руки попали мемуары бывшего владельца дачи, умершего два года назад, новый владелец начал их читать и читал спокойно до тех пор, пока не наткнулся на фамилию Раневская…

Возможность ознакомления с мемуарами великой актрисы и их публикации была представлена нам при условии неразглашения имени нашего благодетеля (иначе человека, делающего такие подарки, и не назвать). «Я не хочу осложнений, – признался он. – Вдруг бывшие хозяева начнут со мной судиться за эти дневники, которые они сами бросили на даче. А то и до международного скандала может дойти. Но и не обнародовать дневников моей любимой актрисы я тоже не могу».

У нового владельца дачи и дневников есть мечта – дождаться открытия музея Раневской в Таганроге. Об этом много говорится, но воз и ныне там. «Я отдам тетради в музей, – говорит он. – И тогда уже можно будет открыть свое имя. Тогда я буду спокоен за дневники Раневской. У музея их никто не отберет».

Тетрадь первая

23 апреля 1918 года[1]. Евпатория

В детстве было положено начинать дневник с объяснения, для чего он ведется. Все девочки писали одно и то же. Про прекрасного принца, которому они отдадут дневник в придачу к руке и сердцу. Я тоже писала такую чушь. Сейчас это кажется невероятным, но когда-то я всерьез мечтала о принце. Чтобы он приехал за мной в гимназию (непременно в гимназию, а не домой, чтобы все обзавидовались!) в высокой золотой карете цугом, чтобы форейтор трубил в рог, а грум объявил бы на всю Атаманскую, что к Фане Фельдман приехал принц. В своих глупых мечтах я заходила так далеко, что рисовала в воображении сцены моего кокетства. Все девочки толпятся у окон, любуясь каретой; воображала: Соня Абрамович от зависти падает в обморок, а я стою как ни в чем не бывало и думаю – выходить мне или нет? Это я-то, которую после спектакля приходится придерживать за фалды, чтобы я не выбегала кланяться вперед всех! Да я бы к этому принцу в окно выпрыгнула прежде, чем карета подъехала бы к входу, и переломала бы все кости! Хорошо, что принц так и не приехал.

Я хотела написать совсем о другом, но в голову полезла чушь, и рука послушно ее записала. Надо бы вырвать лист и начать писать заново, но рука не поднимается вырывать листы из такой хорошей глянцевой шестидесятикопеечной тетради. Я же себя знаю – за час изорву всю тетрадь. И зачеркивать тоже не хочется, пусть останется так. Леночка Фрейфельд, которая занималась со мной математикой, говорила, что в дневниках нельзя ничего зачеркивать. Дневник – это голос души. Леночкины уроки были единственными, которые мне нравились. Мы болтали обо всем, кроме математики. Было очень интересно разговаривать со взрослой девушкой. Семь лет разницы – это же бездна. А потом Леночка спохватывалась и шепотом, чтобы не слышала мама, диктовала мне, что я должна написать в тетради. Думаю, что мама все знала, но не вмешивалась. Она знала, что к математике у меня нет никаких способностей, и, в отличие от отца, понимала, что в дырявом кувшине вода не удержится. Но отец настаивал, чтобы я занималась. Леночку мама пригласила потому, что хотела дать возможность заработать бедной еврейской девушке. Мне вообще везет на людей с именем Елена. У меня до сих пор хранится картинка от шоколада Guerin-Boutron с портретом

греческой принцессы Елены[2]. Мама восхищалась ее красотой и говорила: вот принцесса, которая вышла замуж по любви. Я когда-то удивлялась: а разве может быть иначе? Мама вздыхала и гладила меня по голове. Я понимала, что она хотела сказать этим вздохом. Мой отец из тех людей, которые вызывают уважение, но не любовь.

Тетрадь – две прекрасные тетради – мне подарила на Пасху Павла Леонтьевна[3], для того чтобы я записывала в них свои роли. Не списывала бы текст, а записывала мысли, которые меня посещают, чтобы ничего не упустить. Это очень правильный совет, Павла Леонтьевна не дает плохих советов. Пока думаешь о роли, в голове мысли так и роятся, но за пять минут до репетиции куда-то исчезают. Передавая мне подарок, Павла Леонтьевна сконфуженно улыбалась и говорила, что праздник есть праздник и что вероисповедование не препятствует тому, чтобы порадоваться вместе со всеми. Пасха в этом году выдалась нерадостная, да и Песах был не лучше. Времена нынче такие, что всем не до радости. Сейчас на смену большевикам пришли немцы и сердюки. Кто знает, чего от них ждать?

Когда я услышала про праздник и вероисповедование, со мной случилась истерика. Я хохотала как безумная. Павла Леонтьевна и Наталья Александровна, которую я никак не привыкну называть Татой[4], испугались. Тата пыталась дать мне воды, но я выбила кружку у нее из рук. Хорошо, что это была медная кружка, а не фарфоровая чашка. Мы «допиваем», как выражается Павла Леонтьевна, остатки роскошного чайного сервиза на дюжину персон, подаренного ей поклонниками ее таланта. Я говорю проще: добиваем, но пока еще осталось несколько чашек и блюдец вместе с чайником без крышки. Крышка – пустяк, ее спокойно можно заменить блюдцем.

Закончив смеяться по причине утраты сил, я отдышалась и рассказала, в чем дело. Когда я впервые в жизни собралась покинуть родительский дом, отец устроил скандал. Обычно он старался выражать свое негодование тихо, ведь на первом этаже нашего дома находилась контора, но на этот раз потерял самообладание и кричал с балкона мне вслед так, что слышала вся улица. Смысл его криков можно было передать двумя словами: «Убирайся, неблагодарная!» Но отец любил говорить красиво и даже в гневе следовал этой привычке. Среди множества фраз была и такая: «Забыв свой дом, ты станешь праздновать Песах с гоями!» Ее-то я и вспомнила. Слова отца оказались пророческими. Я даже получила на Пасху подарок от Павлы Леонтьевны. Стыжусь, что сама не подумала о том, что надо ей сделать подарок.

На пароходе, плывшем в Евпаторию, я встретила подругу детства Розочку Дворкович, которая теперь уже стала Гозман, и узнала от нее новости о своих. Толком Розочка ничего сказать не могла, потому что ее муж-дантист не входил в круг знакомых отца и они не бывали у нас дома. Но хотя бы я узнала, что родители с братом живы и, кажется, здоровы. Розочка не слышала, чтобы кто-то из наших был болен, а такие слухи разносятся мгновенно. Чужое горе вкуснее чужой радости. Несмотря на нашу ссору с отцом, я часто о нем вспоминаю. Мой отец очень упрям, и это упрямство часто идет ему во вред, как в делах, так и в жизни. О таких говорят, что он делает для себя то, что ему и десять врагов не смогли бы сделать. Если он вбил в свою голову, что актерство есть неприличное занятие для девушки из приличной семьи, то его невозможно переубедить. Интересно, что бы он сказал, узнав, что в нашей труппе есть графиня, дочь действительного статского советника? Я тоже упряма, и если у отца язык как молот, то мой словно бритва. Могу зарезать одним словом. Когда отец бил себя в грудь кулаком и кричал, что его знает вся губерния, а я собираюсь его опозорить, я сказала, что Коммисаржевскую[5] знает вся Россия, а Сару Бернар[6] – так весь мир. Сара Бернар пришлась очень кстати. О Коммисаржевской отец еще мог сказать, что гои могут сходить с ума как им вздумается и честному еврею нет до этого дела. Но про Сару Бернар этого не скажешь, она еврейка. Отец покраснел так густо, что я забеспокоилась, как бы с ним не случилось удара. Незадолго до того умер от удара наш дворник, кухаркин муж. Колол дрова, взмахнул топором и осел на землю. Я видела его лицо, оно было багровым.

Когда у отца заканчивались доводы, он ставил мне в пример сестру. То был его ultima ratio regum[7]: «А вот Белла…» – «Я Фаня, а не Белла!» – кричала я в ответ. Удивительная логика! Неужели сестры должны думать и поступать одинаково только потому, что они сестры? И братья должны следовать тому же правилу? Что за глупость? Сестра моя всегда думала только о замужестве и больше ни о чем. Очень боялась, что ей придется выйти замуж за нелюбимого. Этого все девицы боятся. Но сестре повезло, она вышла замуж по любви. Вернее будет сказать, немного по любви, немного из практических соображений. Пополам напополам, как говорят в таких случаях. Но то моя сестра, а то я. Единственному мужчине, к которому у меня возникли чувства, я сразу же заявила, что сцена – это моя жизнь и я готова пожертвовать всем, но только не ею. Мне казалось, что он меня поймет, потому что он тоже был служителем муз, как и я. Только служил не Мельпомене, а Эрато. Писал такие стихи, что я

влюбилась в него, кажется, на третьей строчке. И сразу же соорудила в воображении пьедестал, на который водрузила свой идеал. Его видела Чеховым, а себя – Ольгой Книппер. (В скобках замечу, что ее фамилия совершенно не годится для афиш, потому что царапает слух. Книппер-выпер-триппер… Фельдман и то лучше. Вот Коммисаржевская – это совсем другое дело.) Увы, мой идеал оказался с гнильцой. Он не смог понять моей приверженности к театру. Павла Леонтьевна считает (и не без оснований!) что мужчины неспособны чувствовать так глубоко и тонко, как чувствуем мы, женщины. Мужчины более несдержанны в выражении своих эмоций, от этого им и кажется, что они чувствуют по-настоящему. И если они кого-то способны понять, то только себя. Как шутит Павла Леонтьевна, у мужчин есть одно-единственное достоинство: они аплодируют энергичнее женщин. За это им можно простить некоторые недостатки.

Как бы то ни было, но я признательна отцу за то, что он укрепил меня в желании стать актрисой. Если бы он этому не противился, если бы я знала, что меня ждут дома с распростертыми объятиями, то, возможно, сдалась бы после первых же неудач. Вернулась бы домой, вышла бы замуж и лишь иногда, под настроение, вспоминала бы о своей мечте. Если бы… Но я знала, что после наших споров и того, что он кричал мне вслед, я могу вернуться в Таганрог только известной актрисой. Такой, как Сара Бернар. Чтобы меня встречала на вокзале толпа поклонников, а городской голова поднес хлеб-соль на серебряном блюде. Чтобы афишами с моим именем были заклеены все тумбы, а моя фотография красовалась бы на первых страницах газет. Только так я могу вернуться, и никак иначе. Иначе будут презрительные взгляды и снисходительные усмешки, а также вечное: «Говорил же я тебе». Нет! Не хочу!

Я знаю, что отец станет искать мое имя в каждой газете, которая попадется ему в руки. Непременно станет, хоть и кричал, что постарается поскорее забыть о том, что у него была такая дочь, как я, которая опозорила его перед людьми. Когда я взяла себе псевдоним, то отправила отцу телеграмму. «Фаина Фельдман стала Фаиной Раневской и больше не позорит имени своего отца» – было написано в ней. Почтовая барышня смотрела на меня с брезгливым интересом, не иначе как приняла меня за проститутку. Мечтаю о том, как когда-нибудь выйду на сцену и увижу, что в зале сидят мои родители. Я уже знаю, что я сделаю. Соберу после спектакля в охапку цветы, которыми меня забросают поклонники, и преподнесу им. Возможно, даже скажу какой-нибудь экспромт.

Я исписала чуть ли не дюжину страниц (как только хватило

усердия?), а вот о главном так и не написала. Не объяснила, почему и для кого я буду вести дневник. Пора объяснить и закончить на этом. Я собиралась писать в день по страничке, а написала вон сколько. Дело в том, что мне страшно. Я чувствую себя лепестком, подхваченным бурей. Мне кажется, что мир сошел с ума. Рухнул порядок, на котором все держалось, и теперь все летит в бездну. Сначала мне было весело наблюдать за этим процессом. Потом веселье улетучилось, осталось только любопытство. Но после того, как я чудом избежала расстрела (это было еще до знакомства с Павлой Леонтьевной), в душе моей поселился страх. Поселился и никуда не уходит. Меня сняли с поезда под Ростовом какие-то революционные солдаты, больше похожие не на солдат, а на разбойников. До сих пор стоят перед моими глазами их бородатые ухмыляющиеся физиономии. Солдаты узнали во мне «барыню» и собрались меня расстрелять. Другие мысли не пришли в их дурные головы, потому что я тогда только оправилась от инфлюэнцы и выглядела ужасно. Лицо бледное, с заострившимися чертами, волосы колтуном, под глазами черные круги. Если бы сообразила повязать платок вместо шляпки, то солдаты бы, наверное, меня не тронули, приняв за свою. Но не сообразила и чуть было не отправилась на тот свет (недавно услышала выражение «отправить в штаб к генералу Духонину»). Не могу выразить словами страх, охвативший меня при мысли о том, что сейчас я (я! я! я!!!) буду убита. Солдаты останутся, а меня не будет. За что? Почему? Это же несправедливо!

Страх придал мне сил. Сорвав с головы злополучную шляпку (единственную мою приличную шляпку), я ударила ею по лицу ближайшего солдата, обругала его последними словами и стала кричать, что я бедная девушка, прислуга, которой подарила шляпку барыня, и теперь за эту шляпку меня хотят расстрелять. Если бы я так выразительно играла на сцене, то сорвала бы невероятные аплодисменты. Солдат мог меня застрелить, мог ударить прикладом, но мой натиск, а в особенности те слова, которые я ему кричала, ошеломили его. Я ругалась неизящно и грубо, как площадная торговка, и продолжала колотить солдата шляпкой. Он смешно отмахивался от меня рукой, а его товарищи начали смеяться и подзадоривать меня. Поняв, что меня не собираются ни удерживать, ни расстреливать, я смачно плюнула под ноги моим мучителям и швырнула туда же шляпку. Все равно она уже так измочалилась, что не годилась для носки. А потом я ушла, не торопясь и продолжая сетовать на то, как несправедливо меня обидели. Могла бы идти и побыстрее, потому что поезд, в котором остались мои вещи, ушел прямо перед моим носом.

Хорошо еще, что деньги и документы были при мне, спрятанные в самом надежном для женщины месте, куда солдаты еще не успели добраться. Успокаивая себя тем, что жизнь дороже вещей, я забилась в какой-то заплеванный угол и стала ждать следующего поезда, не имея представления о том, когда он придет. Никто не имел об этом представления. От страха я дрожала, лязгала зубами. Окружающие решили, что я тифозная. Кто-то отправился за каким-то фельдшером, но фельдшер так ко мне и не пришел. Сомневаюсь, чтобы в этом хаосе мог быть фельдшер. Какая-то сердобольная женщина дала мне краюху черствого хлеба и луковицу. Я грызла луковицу и удивлялась тому, что на моих глазах не выступают слезы. Да что там слезы! Я и вкуса не чувствовала, и есть не хотела, так мне было страшно. Ела только потому, что больше нечем было заняться.

С тех пор я боюсь того, что жизнь моя может оборваться в любое мгновение. Я пропаду в этом омуте, ничего после себя не оставив и не прославив своего имени. О какой славе может идти речь, если чаще всего мое имя не упоминается на афишах? Много чести для Раневской писать ее на каждой афише. Вот потому я и решила вести дневник. Хочется знать, что после меня останется что-то на память. Возможно, мои записки попадут в руки моих родителей. Кто знает? В жизни случаются удивительные совпадения. А как только жизнь наладится (я верю, что так оно и будет), я перечту то, что написала, всплакну над былым и сожгу эту тетрадь. А пока пусть она мне послужит. Ту тетрадь, что в зеленой обложке, я назначила для записей, касающихся моих ролей, а эту, синюю, – для дневника.

На сегодня достаточно. Уже руку сводит судорогой. С гимназической поры не писала так много, да еще и по своей воле. Сейчас, как чернила высохнут, покажу дневник Павле Леонтьевне. Она должна знать о его существовании. На всякий случай. В последнее время я привыкла делать многое «на всякий случай» и жить с оглядкой. Иногда сама себя не узнаю, удивляюсь. Такое чувство, будто за прошедший год постарела на двадцать лет.

25 апреля 1918 года. Евпатория

Павла Леонтьевна дала мне еще один совет, касающийся моего дневника. Не следует указывать много имен. Лучше заменять имена инициалами. Самые близкие люди, такие как она, не в счет. Мы хорошо понимаем друг друга, а вот не очень близких людей упоминание их имени в моих записках может покоробить. Если говорить о самой Павле Леонтьевне, то

сокращать ее имя кажется мне верхом неуважения с моей стороны. Она мой друг и моя наставница, она относится ко мне с необыкновенной добротой, ее семья стала моей семьей. Я просто боготворю Павлу Леонтьевну. Мне очень приятно произносить ее имя и писать его на бумаге. Она требует, чтобы в домашнем кругу я называла ее по имени, но у меня язык не поворачивается. В ней заключено столько подлинно аристократического величия, что немыслимо назвать ее Павлой и, тем более, Поленькой.

Догадываюсь, почему Павла Леонтьевна дала мне такой совет. Она крайне деликатна и ни за что не скажет чего-то такого, что может меня задеть. За исключением тех случаев, когда речь идет об актерстве. Тут уж она не дает мне спуску. Обращает внимание на самые незначительные промашки и заставляет повторять каждую реплику до тех пор, пока она не прозвучит естественно и убедительно. А потом всплеснет руками: ах, Фанни, я тебя совсем замучила своими придирками. Давай пить чай! Мы пьем чай, и я плачу от умиления и признательности (на самом деле плачу), когда Павла Леонтьевна подкладывает мне в чашку лишний кусок сахара. Дело не в сахаре, хотя настоящий сахар в наше время стал едва ли не драгоценностью, а в той нежности, с которой она заботится обо мне. Так вот, я догадываюсь, что истинная причина, побудившая Павлу Леонтьевну дать мне такой совет, кроется в том, что мы вчера узнали от С. И. У ее знакомой дамы на здешней городской свалке большевики расстреляли мужа, скромного почтового чиновника, ревматика, совершенно далекого от политики. Расстреляли беднягу из-за того, что он был упомянут в каких-то бумагах, найденных у графа Владимира Мамуна, сына бывшего городского головы Евпатории. Графа Мамуна тоже расстреляли. А я же в глазах большевиков – классовый враг, дочь купца первой гильдии. Я как могла скрывала это, говорила, что мой отец держал бакалейную лавчонку. В Таганроге на самом деле был бакалейщик Фельдман, только не Гирш, а Исаак. Но моя подруга Розочка, которую я встретила, когда плыла в Евпаторию, разболтала о моих родителях всему пароходу. Теперь вся труппа знает, что я дочь «того самого Фельдмана из Таганрога». И это совсем не та слава, которой я могла бы радоваться. Я бы предпочла, чтобы про моего отца говорили: «Это тот самый Фельдман, который отец актрисы Раневской». У большевиков мы с Павлой Леонтьевной были бы, что называется, «два сапога пара», потому что она из потомственных дворян. Это еще хуже, чем быть дочерью купца первой гильдии. Никогда не думала, что я, мнящая себя патриоткой своего отечества, буду радоваться приходу немцев. Но радуюсь. С ними спокойней. Но кто знает, как могут измениться

обстоятельства? Я слышала, что большевики подписали с немцами мир, и боюсь, что немцы могут отдать им Крым. Выторгуют себе что-то и отдадут. Отец любил повторять, что литвак[8] и немец при желании даже с чертом договориться могут. Но большевики любят театр, это и я успела заметить, и другие члены нашей труппы. А вот нужен ли русский театр немцам, это еще бабушка надвое сказала. Мне немцы представляются нетеатральной нацией. У них и пьесы сплошь неуклюжие, неостроумные. «Коварство и любовь» Шиллера не может спасти даже блистательная игра актеров. Пример: я видела Юрьева[9] в этой пьесе, также видела его в «Разбойниках», но видела и в «Дон Жуане» и «Борисе Годунове». Играл он неизменно блестяще, но впечатление от спектаклей было совершенно разным. Павла Леонтьевна очень метко сравнивает хорошую пьесу с шампанским. Хорошая пьеса бьет в голову актерам, создает настроение, кураж, поднимает в небеса. А скучная пьеса камнем тянет вниз, не дает развернуться таланту. Получается как в той поговорке: облако велико, а дождик маленький. Недаром же Павла Леонтьевна выбрала для моего дебюта (то был подлинный дебют, потому что все, что было до него, я считаю не заслуживающим внимания) роль итальянской певицы Маргариты Каваллини из «Романа» Шелдона. Эту пьесу можно обозвать как угодно, но скучной ее не назовет никто. Она бьет в голову, как шампанское. Мне нравится пьеса, мне нравится моя роль, мы репетируем второй месяц (каждый день, даже на пароходе репетировали!), но я ужасно трушу. Больше всего боюсь не того, что меня не примут зрители, а того, что Павла Леонтьевна сочтет меня бездарностью и откажется иметь со мной дело. Ее признание для меня важнее всего на свете. Павла Леонтьевна добра, она ангел, но она не станет зря тратить время и силы. Я должна доказать, что достойна ее внимания, что заслуживаю иметь такую наставницу, как она.

Я ужасно трушу. Во время знакомства с местным театром едва не лишилась чувств от волнения, когда представила себя на сцене. Долго стояла на террасе. Притворялась, будто любуюсь морем, а на самом деле приходила в себя на воздухе. Мне рассказали, что театр открывала труппа Михаила Медведева[10]. Пели «Жизнь за царя». В спорах с отцом Медведев был моим козырем, наравне с Сарой Бернар. Сара Бернар была женщиной, зато Медведев был сыном белоцерковского раввина Бернштейна. Белоцерковские Бернштейны приходились дальней родней нашему таганрогскому доктору Шамковичу, который учился в гимназии вместе с Чеховым. Он рассказывал, что отец Медведева очень хотел, чтобы его сын стал кантором[11], но сильно на этом

не настаивал и предоставил сыну возможность самому выбирать свой жизненный путь.

Театр большой, обещают аншлаг. Павла Леонтьевна радуется, а я трушу, трушу, трушу. Если сто раз напишу это слово, то все равно не передам, как я боюсь своего дебюта. Я волнуюсь, даже когда сплю. От волнения я делаю один промах за другим. Смеюсь, как лягушка, переигрываю с итальянским акцентом, несмотря на то что брала несколько уроков у настоящего итальянца (Павла Леонтьевна очень хвалила меня за такое рвение, но будет ли от всего этого толк?), жестам моим недостает естественности. Чувствую себя деревянной куклой, которой управляет неумелый кукловод. Написала неправду. Кукловод у меня замечательный, это я никуда не гожусь. У моей дорогой Е. Г.[12] (вот, я следую совету Павлы Леонтьевны и пишу инициалы вместо имен) есть чудесное выражение – «марципан гороховый». Им она называет никудышных бесталанных актеров. Не хочу оказаться гороховым марципаном. Если провалюсь, то скажу всем, что решила уехать домой, а сама утоплюсь в море. Один гимназист рассказывал мне, что в море топиться проще, чем в реке, потому что вода соленая. Не помню, в чем была суть, но в случае провала состояние мое будет таким, что я и в луже смогу утопиться. Если я не смогу сыграть роль после того, как со мной целых два месяца мучилась такая гениальная актриса, как Павла Леонтьевна, то это будет означать, что никакого толку из меня не выйдет. Мало мне своих волнений, так еще и приходится целоваться на сцене с А., а от него всегда сильно разит чесноком. Но этому горю легко помочь. Я могу сама наесться чеснока перед премьерой, но что делать со всем остальным? Павла Леонтьевна говорит, чтобы я забыла обо всем своем и думала только о Маргарите. Я стараюсь, но ничего не выходит. Мысли постоянно сбиваются. Да и как им не сбиваться, если играю Маргариту, всего лишь играю, вместо того чтобы стать ею. Я стараюсь, я очень стараюсь, утро начинаю с пения итальянских песен. Услыхав мое громкое «Vieni sul mar, vieni a vogar…» птицы в страхе улетают, а собаки начинают выть. Черт с ними, с птицами и собаками. Как бы зрители не освистали и не разбежались бы в самом начале! Милая С. И., желая подбодрить меня, рассказывает о своем дебюте. Она играла Липочку в «Своих людях» вместо заболевшей примы (такая вот выпала удача) и от волнения вместо «разодета, как игрушка али картинка журнальная» сказала «раздета, как на картинке». Ужас и стыд! Допустить столь вульгарную оговорку, да еще и на первой же минуте! Но, к счастью, никто, кроме суфлера, который погрозил С. И. пальцем и сделал страшные глаза, этой оговорки не заметил.

С. И. открыла мне свой секрет. Оказывается, она тоже волнуется (до сих пор!) перед выходом на сцену. И, чтобы успокоиться, декламирует негромко отрывок из державинской «Благодарности Фелице». Когда поверх струистой влаги благоприятный дунет ветр… Отрывок надо выбирать трудный для произношения, но такой, чтобы нравилось его декламировать. Я вначале захотела выбрать из Пушкина, но одернула себя. Пушкиным можно восхищаться, Пушкиным можно наслаждаться, Пушкиным можно упиваться, но нельзя успокаиваться Пушкиным. Это, на мой взгляд, неприлично. Потом вспомнила милого поэта Игоря Северянина. Когда-то, попав под впечатление звучности его псевдонима, я подумывала о том, чтобы назваться Фанни-Фиалкой или Фанни-Греческой. Е. Г., узнав о моих планах, тонко и необидно меня высмеяла. Редко кто умеет высмеять необидно, для этого надо иметь не только острый ум, но и доброе сердце. Я передумала и не стала фиалкой.

У Игоря Северянина я выбрала отрывок про элегантную коляску, привлекший меня своей необычностью. «Элегантная коляска, в электрическом биенье, эластично шелестела по шоссейному песку, в ней две девственные дамы, в быстро-темпном упоенье, в ало-встречном устремленье, это пчелки к лепестку». Опробовала на последней репетиции. Убедилась, что действует, и поблагодарила С. И. за добрый совет. Надо будет попросить С. И. дать мне несколько уроков аристократических манер. С манерами, благодаря нашей бонне Эмилии Генриховне, дело у меня обстоит неплохо, но мне не хватает аристократизма, который С. И. впитала с молоком матери. Она умеет одним взмахом лорнета выразить свое отношение к собеседнику. А как она держит бокал! Как пьет из него! Но С. И. волшебно перевоплощается, если надо сыграть простолюдинку. В роли Старой Виттихен[13] она выглядит настоящей ведьмой.

Я хочу научиться всему и сразу, а Павла Леонтьевна и С. И. советуют мне не торопиться. «Не торопитесь жить, милая», – это любимое присловье С. И. А как мне не торопиться? Мне уже пошел третий десяток, а я еще ничего не успела сделать. Лешковскую[14] и Массалитинову[15] в мои годы приняли в труппу Малого театра.

Евпатория стала совершенно другой. Мне кажется, будто я здесь впервые.

16 мая 1918 года. Евпатория

Почти забыла о том, что собралась и даже начала вести

дневник. Синяя тетрадка лежит без дела, зато зеленая исписана уже порядком. Я ношу ее с собой постоянно. Откланявшись, бегу в свою каморку и начинаю записывать мысли, пришедшие в голову во время спектакля. Самые ценные мысли посещают меня на сцене, причем во время спектакля, а не на репетициях. Павла Леонтьевна убеждена, что дело в зрителях. Присутствие зрителей делает меня собранной и придает сил. Она права. Я трусила и продолжаю трусить ровно до того момента, как ступаю на сцену и вижу тысячу незнакомых лиц. Страх уходит, и я сама тоже куда-то исчезаю, чтобы не мешать моей Маргарите. Прежде со мной такого не случалось. Павла Леонтьевна считает, что это происходит оттого, что я впервые в жизни по-настоящему вошла в роль. Благодаря ее помощи. Это я дописала про помощь. Сама Павла Леонтьевна настолько деликатна, что ничем не подчеркивает свою причастность к моему триумфу. С ее слов выходит так, будто все произошло благодаря моему таланту, без ее участия. Милая Павла Леонтьевна! Если я всю свою жизнь посвящу ей, то все равно не смогу отплатить ей за то, что она для меня сделала.

Когда я пишу «триумф», то немного преувеличиваю. Настоящего триумфа не было. Меня не выносили из театра на руках, не засыпали цветами, и местные газеты не торопятся слать ко мне репортеров. Но мне аплодировали и кричали «браво», хотя я ожидала свиста. И на фоне моих ожиданий эти аплодисменты можно считать триумфом. Павла Леонтьевна придерживается того же мнения. Мы отпраздновали день рождения актрисы Раневской. Тата испекла рыбный пирог. Тата – изумительная мастерица. Ирочка[16], побывав на премьере, нарисовала меня в роли Маргариты. Очень сильно мне польстила, я сама себя не узнаю. Предсказала Ирочке славу великой портретистки. Людям нравится, когда им льстят, хоть словом, хоть кистью. Ирочка ответила, что будет актрисой, как мама. Не сомневаюсь, что и на этом поприще талантливый ребенок добьется успеха.

Я наконец-то разгадала секрет моей новой семьи. Если бы не думала столько о своей роли, то разгадала бы его давно. Этот секрет – любовь. Мы все любим друг друга (я, наверное, сильнее всех) и каждую минуту стараемся проявить эту любовь. Ирочке совсем не обязательно было рисовать меня, а Тату никто не просил печь пирог, с которым она возилась больше, чем со свадебной гефилте фиш[17]. У нас дома гефилте фиш готовили кусочками, что еще труднее. Мама считала, что нам с сестрой надо уметь стряпать, и вместе с кухаркой учила нас. Сестра, стоило ей только уколоть костью палец, начинала ныть, что она не собирается быть кухаркой и не хочет учиться стряпне. Мама на

это строго отвечала, что кухарками мы не будем, но будем хозяйками, а любая хозяйка должна разбираться в том, что делается на кухне. Иначе она не сможет указать кухарке на ее просчеты и недостатки. Я никогда не возражала против этих кухонных уроков. Не потому что люблю стряпать (нет, не люблю), а потому что кухарки встречаются во многих пьесах. Чтобы правильно показать человека, надо хотя бы в общих чертах иметь представление о его профессии, знать особенности национального характера и пр. Взять хотя бы такой персонаж, как купец первой гильдии. Невозможно сыграть просто купца, зрители освищут. Надо понимать, кто он, этот купец. Русский? Еврей? Или он из староверов? Различий много. Где он проживает? Московские купцы выглядят совсем не так, как таганрогские. Для того и нужна актеру тетрадка, чтобы записывать туда все нюансы, касающиеся роли. Драматург об этих нюансах не напишет, иначе каждая пьеса будет размером с Талмуд. Зритель этих нюансов не увидит, он пришел наслаждаться искусством, а не изучать персонажи. Но если у кого-то из персонажей чего-то недостанет, то зритель это сразу же почувствует. Невозможно перевоплотиться, не имея понятия о том, в кого ты перевоплощаешься. Поручи дураку строить дом, он выроет колодец. Я придумала своей Маргарите Каваллини биографию. Я знаю, откуда она родом, я знаю обстановку ее дома, имена ее подруг, я знаю, кто были ее родители, я знаю о ней все-все. Эти нюансы – кирпичики, из которых строится образ. Когда мы смотрим на дом, мы не думаем о кирпичах и не замечаем их, но стоит только одному кирпичу выпасть, как дыра сразу же бросается в глаза и из нее тянет сквозняком.

Кажется, у меня появились поклонники. В первых рядах начала узнавать некоторые лица. Никто пока еще не приглашал ужинать. Павла Леонтьевна вспоминала, что в былые времена вершиной сомнительного «успеха» являлось приглашение ехать кутить к цыганам на всю ночь. В Нижнем один ее поклонник, чересчур рьяный и очень влиятельный, устроил настоящую осаду театра. Расставил у всех выходов своих людей с наказом не выпускать Павлу Леонтьевну. Очень уж он мечтал с ней отужинать (и не только). Но глупец не учел, что имеет дело с великой актрисой. Загримировавшись старухой, Павла Леонтьевна без помех покинула театр, а поклонник на следующий день получил выволочку от полицмейстера и угомонился. Мечтаю, чтобы ради меня кто-то сделал нечто подобное. Но стоит мне взглянуть в зеркало, как мечты тут же улетучиваются. Павла Леонтьевна красива настоящей ангельской красотой. Мне до нее далеко. Во всех отношениях. Мой добрый

ангел успокаивает меня, когда я раздраженно отшвыриваю от себя зеркало (одно я уже разбила). Она говорит, что все красавицы недовольны своей внешностью и только дурнушкам нравится, как они выглядят. Ссылается при этом на латынь: ubi nil vales, ibi nil velis[18]. Стало быть, я исключение из этого правила, я недовольная дурнушка. Единственное мое богатство – это волосы. Надеюсь, что со временем добавлю к ним голос. Я постоянно занимаюсь декламацией и впитываю орфоэпию от Павлы Леонтьевны. Вспомнив про Демосфена[19], отправилась на берег, набрала в рот камушков и попыталась продекламировать «Анчар». Ничего не вышло, едва не подавилась. Выплюнула камни, расплакалась и ушла. Какая-то старуха привязалась и начала меня утешать. Не иначе как решила, что ходила к морю для того, чтобы утопиться. Что еще делать у моря в непогоду? Надо попробовать вместо камней сливы. Они крупные, не подавиться и держать их во рту должно быть приятнее, чем камни.

19 мая 1918 года. Евпатория

Случайно попался в руки старый номер журнала «Театр и искусство» с повестью Куприна о том, как он был актером. Никогда не думала, что автор бесподобного «Гранатового браслета», чудесной «Суламифи» и яркого «Поединка» мог написать такую пошлость, такой гнусный пасквиль! Моему возмущению нет предела! Как можно так писать о провинциальном театре? У Куприна кругом ленивые бездари! Но, применительно к театру, «провинциальный» не означает «низкопробный». Уж я-то могу судить об этом! Долго возмущенно трясла журналом перед Павлой Леонтьевной, читая ей вслух один отрывок за другим, потом рассвирепела настолько, что порвала чужой журнал. Моя милая Павла Леонтьевна смеялась так заразительно, что весь мой пыл куда-то испарился, и я начала смеяться вместе с ней. Оказалось, что она тоже читала этот пасквиль, очень давно. Я сказала, что для меня Куприна больше не существует, и попросила впредь никогда не упоминать его имени в моем присутствии. Встала в трагическую позу и заявила, что мне жаль слез, пролитых над «Гранатовым браслетом». Павла Леонтьевна рассмеялась пуще прежнего и посоветовала мне не следовать примеру тех, кто вместе с водой выплескивает из ванны ребенка. Куприн сильно погрешил против истины, собрав воедино, в один описываемый им театр, все плохое, что только могло иметь место, но разве стоит из-за одного пасквиля лишать

себя «Гранатового браслета» или «Суламифи»? Возможно, что не стоит, но читать Куприна с былым удовольствием я уже никогда не смогу. Павла Леонтьевна в свое время прочла этот пасквиль entre les lignes[20] и убеждена, что к написанию его Куприна побудило уязвленное самолюбие. «Я чувствую, что он страстно желал стать актером, попробовал, но не вышло, вот он и злобствует», – сказала она.

Я попыталась склеить журнал, но из этой затеи ничего не вышло. Слишком уж хорошо старалась, когда рвала его. Завтра пойду каяться перед его владелицей, здешней билетершей. Куплю ей конфет.

Нет, ну какой же все-таки мерзавец этот Куприн! Писателю, как человеку искусства, непростительно так отзываться об актерах. Даже если у самого роман с Мельпоменой не получился. Если когда-нибудь сподоблюсь написать пьесу, то уже знаю, чью фамилию дать самому отвратительному персонажу. Если бы я была мужчиной, то разыскала бы Куприна и вызвала на дуэль. Дуэль! Мне очень нравятся дуэли, особенно если все остаются живы! Это так возвышенно и благородно. Сердце мое замирало, когда Е. Г. рассказывала мне о дуэли двух поэтов[21], которую остряки окрестили «второй чернореченской дуэлью»[22]. С одним участником я впоследствии познакомилась[23], стихи другого произвели на меня сильное впечатление. Я радуюсь тому, что оба они остались живы. Но Куприна я бы застрелила, не дрогнув. Мне хочется верить, что застрелила бы, так сильно я его ненавижу.

Чтобы успокоиться, перечитываю записки Щепкина[24].

20 мая 1918 года. Евпатория

Видела во сне маму. Она сидела в своем любимом кресле и рассматривала альбом с фотографиями. Этому занятию мама может предаваться бесконечно долго. У нее превосходная память, которая по наследству перешла ко мне. Мама помнит, когда и при каких обстоятельствах была сделана та или иная фотография. Она перелистывает не страницы альбома, а свои воспоминания. Когда доходит до фотографии, на которой есть покойный братик, то плачет. Когда я вошла, мама закрыла альбом и долго смотрела на меня. Я ждала, что мама что-то скажет, но она только смотрела. Взгляд ее был очень печальным. Потом на улице закричали пьяные, и я проснулась. Сна уже не было. Захотелось написать маме письмо, что я и сделала. Теперь можно отправить письмо, потому что в Таганроге тоже немцы. Не удержалась и вложила в конверт афишу со своим именем. Мы возмущались

тем, что афиши были напечатаны на дрянной тонкой бумаге, но якобы сейчас хорошей бумаги достать негде. Зато такие афиши превосходно помещаются в конверте. Маме будет приятно, отцу, как я надеюсь, тоже. Возможно, они вставят афишу в рамку и повесят в гостиной. С первыми афишами так можно поступать, это не mauvais ton[25].

Павла Леонтьевна хочет, чтобы я сыграла Шарлотту Ивановну в «Вишневом саде». «Раневская в роли Раневской – это анекдот», – шутит она. Я и сама понимаю, что еще не доросла до этой роли. Интересно, как по мере накопления опыта меняются взгляды и мнения. Когда-то, когда я ехала из Таганрога в Москву, мне казалось, что любая роль мне по силам. Ох уж это упоительное всемогущество неофитов! Ничего-то они не умеют, ничего не знают и ничего не боятся. Боязнь приходит с опытом. Обожжешься разок-другой – и начинаешь трезво оценивать свои возможности. Предложи мне Е-Б.[26] сейчас роль Раневской, я бы отказалась. От Маргариты к Раневской – это все равно что из корнетов в фельдмаршалы. А вот Шарлотта мне по плечу. Павла Леонтьевна велела мне учиться фокусам и чревовещанию. «Чревовещанию выучиться несложно, надо только гороху хорошенько наесться», – глупо пошутила я, но моя неуклюжая шутка имела неожиданный эффект. Павла Леонтьевна смеялась до слез и сказала, что я не инженю, а комик. Когда, хотелось бы мне знать, я была инженю? Шарлотту решила списать с моей бонны Эмилии Генриховны, между ними есть сходство. Только вот фокусов Эмилия не знала, но зато чудесно пела романсы. С душой пела, проникновенно, так, что всех на слезу прошибало. Мне казалось странным, что ревельская[27] немка так поет русские романсы. Теперь я догадываюсь, что наша Эмилия могла мечтать о сцене. Возможно, она даже пробовала себя на ней, прежде чем податься в гувернантки. Я решила, что моя Шарлотта будет неудавшейся драматической актрисой. Провал на сцене привел ее в цирк. Ее эксцентричность есть следствие невостребованного, перебродившего таланта. Шарлотта – далеко не второстепенная роль. Недаром Чехов хотел, чтобы ее сыграла Книппер, но та меньше чем на Раневскую не была согласна. В Таганроге Книппер не любили. Ревновали ее к Чехову, нашему великому земляку, и считали чересчур меркантильной. Много разного говорили о ней, и все нелицеприятное. Но для меня она – жена Чехова, и одно лишь это обстоятельство уже возводит ее на пьедестал. Она украсила своей любовью последние годы жизни Чехова, а те, кто упрекает ее в невнимании, просто не в состоянии понять, что актриса, если она настоящая актриса, больше всего на свете любит театр. Я ее понимаю, потому что сама такая. Театр

для меня все, он моя жизнь и воздух, которым я дышу.

Шарлотта Ивановна – сапожник без сапог. Ей некого уже воспитывать, у нее никого нет, ее фокусы и вся ее эксцентричность есть не что иное, как жалкая попытка обратить на себя внимание. Ее собачка – это попытка скрасить одиночество. Я чувствую и понимаю Шарлотту, потому что совсем недавно, до встречи с Павлой Леонтьевной, я была такой же одинокой и неприкаянной. Некий поэтичный молодой человек сравнил меня с цветком, втоптанным в пыль. Слово «втоптанный» сильно меня задело. Я ответила поэту грубостью, после которой нашей недолгой дружбе пришел конец. Я ужасно непрактичная, ведь молодой человек писал пьесы. Он все порывался прочесть мне одну из них, а я тогда больше думала о хорошем ужине и мягкой постели, нежели о пьесах. Напрасно я так. Вдруг он стал бы моим Чеховым? (Это я шучу над собой, ведь второго Чехова на свете быть не может, точно так же, как не может быть второго Пушкина).

Павла Леонтьевна соглашается со мной, но советует добавить в толкование роли практицизма. «У Чехова все продуманно и мотивированно», – повторяет она. Шарлотта – гувернантка при взрослых детях. Раневская в любой момент может прогнать ее. Шарлотта выбрала себе роль домашнего (придворного) шута. Она забавляет всех, потому что иначе ее могут выгнать, а идти ей некуда. Буду думать еще над толкованием образа. Я уже додумалась до того, что в прошлом у Раневской и Шарлотты была какая-то общая тайна, но пока еще не поняла, нужно ли думать об этом дальше.

У Павлы Леонтьевны есть своя теория, суть которой заключается в том, чтобы начинающие актеры играли как можно больше разных ролей, не замыкаясь в одном амплуа. Она говорит, что амплуа погубило не один талант, потому что оно обедняет опыт, не дает актеру показать себя со всех сторон. Драматургов, по ее мнению, тоже следует менять. Нельзя застревать в одном драматурге, говорит она, советуя мне после Шарлотты присмотреться к Гоголю или Островскому. Присмотреться! Как будто все зависит только от моего желания! Как будто я вольна выбирать себе роли! Милая Павла Леонтьевна! Она хочет, чтобы я как можно скорее почувствовала себя большой, настоящей актрисой. Она держится со мной как с равной, приподнимает меня до своего положения. Должна отметить, что отношение ко мне в нашем нынешнем актерском товариществе сильно отличается от отношения в труппе Л. Там меня третировали, тонко, деликатно, но третировали. Я сильно переживала, и мои переживания не могли не сказаться на моей игре. Здесь же никто

меня не третирует. Я со всеми на равных. Иначе и быть не может, ведь мне покровительствуют такие титаны, как Павла Леонтьевна и С. И. На деле главой нашей труппы является Павла Леонтьевна. Е-Б. самолично ведает только нашим повседневным укладом. Относительно всего, что связано с искусством, он советуется с Павлой Леонтьевной и не принимает решений без ее одобрения.

Относительно Шарлотты. Обдумав новую роль, я озадачилась собачкой. Зачем Чехов придумал собачку, я понимаю. Я не могла понять, как с ней быть. Мне приходилось видеть на сцене чучела собачек и кошек. Меня это коробило. Сразу же возникало впечатление искусственности. Придумала каламбур: искусство не терпит искусственности. При мысли о том, что мне придется таскать за собой чучело на цепочке, пропадало все желание работать над ролью. Я слышала про дрессированных собачек, но в Евпатории таких нет. В наше время никто не хочет дрессировать собачек. Выход подсказала наша многоопытная С. И. Она посоветовала мне найти старую собаку и хорошенько кормить ее перед спектаклем. Старые собаки имеют спокойный нрав, а хорошо насытившись, впадают в некое подобие спячки. Такая собака будет покорно ходить за мной, никак не раздражаясь ни на действие, ни на публику. Весьма удачно у здешней билетерши К. В. (той самой, у которой я взяла злополучный журнал с гнусным пасквилем Куприна) оказался прелестный белый шпиц. Именно такая собака мне и нужна. Буду с ним как настоящая Дама с собачкой. Я, правда, не блондинка, но зато шпиц белый. Шпица зовут Трезор. На мой взгляд, это имя больше подходит крупной сторожевой собаке, но имя не столь важно. Важно то, что Трезор имеет спокойный нрав и мы с ним уже подружились. По совету хозяйки, которая совершенно не сердится на меня за порванный журнал, я купила Трезору мясных обрезков, покормила его из своих рук, и теперь мы друзья. Как-нибудь прогуляюсь с ним по бульвару, чтобы он лучше привык ко мне.

22 мая 1918 года. Евпатория

Здесь совсем мирная, прежняя жизнь. Только плоховато с яствами, и от немецких мундиров в воздухе витает какое-то напряжение. Мы столько лет воевали с Германией, а теперь немцы хозяйничают в Евпатории. Они вежливы, некоторые офицеры приходят на спектакли, но все равно в них чувствуется нечто чужое. «Мир стал похож на дом Облонских, – горько шутит Павла Леонтьевна. – Все смешалось, и невозможно представить, чем все это закончится». Павла Леонтьевна верит в то, что все

закончится хорошо, а мне как-то в это не верится. Кажется, что дальше будет только хуже. В феврале прошедшего года все радовались отречению императора. Казалось, что начнется новая, необыкновенная жизнь. Слово «свобода» звучало как нечто волшебное. Свобода! Республика! Долой войну! Свобода обернулась анархией и беспорядками. Война, которая прежде была далекой, вдруг стала близкой, люди посходили с ума. Я еще могла понять, когда Россия воевала с Германией, потому что это разные империи, у которых разные интересы, но меня ужасает, когда русские стреляют в русских. Белые, красные… Невозможно представить, что еще совсем недавно эти люди спокойно жили бок о бок друг с другом, ходили в одни и те же гимназии, посещали одни и те же театры и не помышляли о том, чтобы стрелять друг в друга. В детстве я зачитывалась «Les Misérables»[28] и искренне сочувствовала Вальжану. Как оказалось, настоящие вальжаны сильно отличаются от литературных, причем не в лучшую сторону. Благородства и сострадания в них нет ни на грош. Нам каждый день рассказывают о том, что совсем недавно творилось в Евпатории, которая сейчас кажется таким мирным городом. Этот город обстреливался с моря из орудий своими же, русскими, кораблями. Следы разрушений я видела собственными глазами. Революционеры уничтожали контрреволюционеров и социально чуждый элемент. Социально чуждыми считаются все офицеры, от прапорщика до генерала, все, кто имел классный чин или хотя бы лавку. Людей расстреливали на городской свалке, увозили на стоявшие близ берега корабли и оттуда сбрасывали в море. Здесь с ужасом и ненавистью произносят фамилию Немичей. Это дети местного полицейского урядника, которые руководили расправой над людьми. Сейчас они арестованы. Год назад я бы не поверила в то, что рассказывают в Евпатории, но после того, как сама чудом избежала расстрела, верю. Сейчас такое время, что невольно веришь всему плохому. Брата нашей молочницы утопили в море только за то, что он ходил с георгиевской медалью. Раз носишь царскую награду, значит, контрреволюционер. Сердце мое замирает, когда думаю о родителях, прежде всего об отце. До всех этих потрясений он считался одним из самых богатых людей в городе, несмотря на то что наша семья никогда не выставляла своего богатства напоказ. Отец вырос в бедности и оттого знает цену деньгам. Он никогда не швырял их на ветер. В сравнении с другими богачами, мы жили довольно скромно. Эта скромность находила свое выражение и в том, что наша семья занимала только второй этаж нашего дома. Первый отец отвел под контору. Когда его спрашивали, не тесно ли нам на втором этаже, он

отвечал: «Слава Всевышнему, у меня есть кабинет, у нас с женой есть комната, у мальчика есть комната, у девочек есть комната, у прислуги есть комната и есть где принимать гостей. Чего еще нужно? Я же не могу одновременно спать в двух комнатах».

В газетах пишут разную чепуху. В одной газете напишут так, в другой эдак. Новости нам приносит Тата с рынка. На рынке знают все. Говорят, что большевики объявили всеобщую мобилизацию, отчего их армия вырастет в несколько раз. В газетах же пишут, что большевики кругом отступают и что Добровольческая армия со дня на день возьмет Екатеринодар[29] и двинется на Москву. Мы больше верим рыночным новостям, нежели газетным. Еще говорят, что скоро в Крыму высадятся англичане с французами. Интересно, как на это посмотрят немцы? Голова идет кругом. В этом хаосе вокруг нас театр выглядит островком спокойствия. Прекрасно понимаю тех, кто приходит на наши спектакли. Прекрасно понимаю, почему у нас каждый день аншлаг. Людям хочется спокойствия. Им хочется окунуться в атмосферу прежней жизни. Хочу поговорить об этом с Павлой Леонтьевной.

4 июня 1918 года. Евпатория

Вчера Павла Леонтьевна праздновала именины. Я решила сделать ей хороший подарок. Собрала все деньги, что у меня были, и отправилась на поиски. Денег у меня было много, потому что накануне я выпросила у Е-Б. аванс. Он не хотел давать (Е-Б. из тех, кто расстается с деньгами словно с жизнью), но я его упросила. При необходимости я могу быть очень настойчивой. Пришлось сказать, зачем мне нужны деньги.

Что подарить, я не знала. Чувствуя себя богачкой, я металась от одного к другому. Очень трудно делать подарки близким людям. Тому же Е-Б. я не задумываясь купила бы портсигар и на этом успокоилась. Но Павле Леонтьевне хотелось подарить что-то необыкновенное, красивое и вместе с тем полезное. Кочевая актерская жизнь не позволяет обрастать ненужным имуществом. Голова моя раскалывалась от дум. Мысли об украшениях я отбросила сразу. Павла Леонтьевна не из тех, кому можно дарить дешевые побрякушки, а на настоящие драгоценности моего капитала не хватало. К тому же я боялась, что мне всучат подделку. Я же совершенно не разбираюсь в камнях, да и настоящего золота от надраенной медяшки не отличу. Это мой отец, едва взглянув на кого-то, мог сказать: «У Залкинда дела пошатнулись, прежде его запонки были бриллиантовыми, а

теперь они стеклянные». Или что-то еще в этом роде. Я так не могу.

Красивые статуэтки тоже не годились. Не хотелось увеличивать наш скарб. Веер – мелко и как-то пошло. Долгое время я перебирала шали, но так ничего и не выбрала. У Павлы Леонтьевны утонченный вкус. Она подбирает вещи с необыкновенным изяществом и очень вдумчиво. Не хотелось вынуждать ее носить из деликатности то, что ей не нравится. А носить бы она непременно стала, чтобы меня не расстраивать. Я прошлась по проспекту, затем свернула не туда и вышла к лечебнице. Возле лечебницы меня осенило. Я поняла, что нужно Павле Леонтьевне. Чайный сервиз! Новый красивый чайный сервиз взамен нынешнего, от которого скоро останутся одни воспоминания. Понадеявшись на то, что моего капитала достанет на сервиз, я вернулась на проспект и обнаружила, что хороших сервизов в магазинах нет. Один из приказчиков сказал мне, что хрупкий товар не смог пережить эту зиму, а новые партии не приходят из-за войны. Он же посоветовал мне поискать сервиз на местном рынке. Я послушно пошла на рынок. Там мне встретилось несколько сервизов (посуды вообще продавалось много), но среди них не было ни одного целого. Где чашки не хватает, где сахарницы. Я сильно расстроилась и решила купить серебряную чайную пару, которая приглянулась мне в одном магазине. По дороге я убедила себя, что серебряная пара лучше, чем сервиз. Она вечная, небьющаяся. Я шла и представляла, как Павла Леонтьевна с Ирочкой станут пить чай из подаренных мною чашек. Лучше бы я внимательнее смотрела за моей сумочкой, дырявая голова! А еще лучше бы сделала, спрятав кошелек за пазуху. Во время переездов я так и делала, но в Евпатории меня посетило чувство, будто вернулась спокойная прежняя жизнь, и ко мне вернулась моя обычная безалаберность. Я разомлела под здешним ласковым солнцем. В Евпатории особенное солнце и небо тоже особенное. И Черное море не сравнить с Азовским. Удивляюсь и негодую – какому дураку пришла в голову мысль назвать это чудесное синее море Черным. Он выходил на берег по ночам или был слеп? Мне нравится любоваться морем с террасы. Воображаю себя античной героиней, этакой таврической гетерой. Впрочем, в гетеры меня навряд ли бы взяли, физиономией не вышла.

Отвлеклась. Итак, когда я схватилась за сумочку, то обнаружила в ней здоровенную прореху. Вор, чтобы ему расти головой в землю, разрезал сумочку и вытащил кошелек с пудреницей. Что за времена, когда воры прихватывают с кошельками пудреницы? Или пудреница выпала, пока я шла?

Странно. Я как тот Ицик-дурачок, у которого дом сгорел, а он горюет о горшке с чолнтом[30]. Потеряла весь свой капитал и горюю о пудренице. Что мне было делать? Пришлось снова идти к Е-Б. Увидев мое заплаканное лицо, он сразу же обо всем догадался и спросил только, где меня обокрали. «В городе», – ответила я, удивляясь про себя столь глупому вопросу. Он бы еще спросил, кто украл мой кошелек. Кряхтя так, будто у него запор, Е-Б. выдал мне несколько кредиток и твердо сказал, чтобы до августа я не приходила к нему за деньгами. Денег хватило на букет – правда, на роскошный. То был не букет, а целый сноп, за которым я не видела дороги. Я не хотела ничего говорить Павле Леонтьевне, чтобы не портить ей настроения, но она, как и Е-Б., по моей печальной физиономии догадалась о том, что со мной произошло нечто неприятное. Мне стыдно. Считаю себя актрисой, а не смогла сыграть веселье. Впрочем, перед Павлой Леонтьевной притворяться бесполезно. Она чувствует малейшую фальшь, а меня так просто видит насквозь. Узнав о пропавшем кошельке, Павла Леонтьевна начала тормошить и целовать меня. При этом она так заразительно смеялась, что я забыла о кошельке. Напоследок только пожелала вору, чтобы каждая украденная копейка обернулась для него годом плача. Боюсь, что ему придется рыдать до Страшного Суда. И поделом ему. Если уж так приспичило быть вором, то грабь банки, обворовывай склады, а не лазай по женским сумочкам. Удивляюсь, как вообще у мужчины может подняться рука обокрасть женщину? Впрочем, не удивляюсь. Если руки поднимаются расстреливать женщин, то и обокрасть тем более поднимутся.

Павла Леонтьевна не любит шумных застолий, но ее именины (уж не я ли тому виной?) вызвали небывалый ажиотаж у труппы. Заговорили даже о бенефисе[31], но было ясно, что это чушь, ведь за сутки бенефиса не подготовить. Вместо бенефиса было шумное застолье в ресторане. Павле Леонтьевне наговорили кучу комплиментов (заслуженных! заслуженных!) и даже наша vieille sorcière[32] А. Д. сказала именинице нечто доброе. То был первый раз на моей памяти. Обычно А. Д. только и знает, что браниться и ворчать. Меня она прокляла за то, что я случайно воспользовалась ее гримом. Это получилось нечаянно. Мы сидели рядом, и я впопыхах запустила руку не туда, куда следовало. А. Д… сразу же начала осыпать меня разными нелестными эпитетами. Я не осталась в долгу. А. Д… невозможно игнорировать, поскольку она говорит страшные гадости и умеет задеть за живое. Поняв, что ей меня не переспорить, наша sorcière выскочила из гримерки, сказав напоследок, что такую дуру, как я, никто не возьмет замуж. Я расхохоталась ей вслед и крикнула,

что даже не думаю о замужестве, потому что обручилась со сценой. Эти слова слышали многие, кто не слышал, тому рассказали, и теперь время от времени кто-то из наших вдруг «спохватывается»: Раневская, позвольте, а где ваше обручальное кольцо? Я всякий раз стараюсь ответить по-новому. У нас ценится остроумие. Удачная шутка может сделать человеку репутацию. К примеру, В. В., играющая все роли на один манер, как Лизу из «Дворянского гнезда», пользуется уважением за свои «бонмошки»[33] и эпиграммы, которые она сочиняет на ходу. Я пробовала сочинять эпиграммы, но у меня ничего не получилось. Рифму подобрать несложно, это всего лишь две-три строчки, но дело не в рифме, а в соли. Мои эпиграммы пресные, как маца, поэтому я их даже здесь приводить не стану, не говоря уж о том, чтобы прочесть кому-то вслух.

Совсем забыла написать о том, что перед пропажей кошелька я видела во сне, будто получила толстую пачку денег и никак не могу их сосчитать. Крупные деньги снятся к прибыли, а мелочь к тратам и потерям. Не могу понять, в чем моя прибыль? Разве только в том, что бутафор В. И. починил мою сумочку. Поставил изнутри кожаную заплату, замазал сверху какой-то особой ваксой, и сумочка стала как новая.

7 июня 1918 года. Евпатория

Все говорят о каком-то генерале по фамилии Сулькевич[34]. Он из Вильны, но почему-то считается татарином. Никогда не слышала о том, чтобы в Виленской губернии были татары. Подозреваю, что он литвак, прикинувшийся татарином в своих целях. Должно быть, вел торговлю с татарами и от них научился татарскому. Торговля располагает к изучению языков. Мой отец кроме еврейского и русского хорошо знает немецкий и польский, немного хуже говорит по-гречески и по-турецки. Сулькевич, которого я в глаза не видела, нравится мне больше, чем немцы. Хотя немцы мне ничего плохого не сделали, но они здесь чужие. Впрочем, немцы, кажется, не собираются никуда уходить.

10 июня 1918 года. Евпатория

Сегодня Тата попросила меня сходить с ней на рынок. Я понимаю, чем была вызвана эта просьба. Цены растут день ото дня, и бедная Тата, давая отчет о своих тратах (которого, впрочем, у нее никто не спрашивает), волнуется, как бы мы не

подумали, что она делает на нас свой гешефт. Мы, разумеется, так не думаем, потому что такого честного человека, как Тата, невозможно заподозрить в чем-то неблаговидном. Но Тата волнуется и потому захотела, чтобы я пошла с ней. Помня недавний случай с кошельком, я не стала класть все свои деньги в новый, подаренный мне Павлой Леонтьевной. Оставила там какую-то малость, а остальное спрятала за пазуху. От того, что деньги лежат за пазухой, происходит двойная польза. Так надежнее, и, кроме того, они греют душу. На рынке я обратила внимание на то, что наша добрая Тата уже успела перезнакомиться со всеми торговцами. С ней здоровались и те, у кого она ничего не покупала, интересовались делами, а одна баба богатырских статей дала нам несколько яблок для нашей «миленькой девочки». Ирочку здесь тоже хорошо знают, потому что она часто увязывается за Татой, когда нас с Павлой Леонтьевной нет дома. Ирочка боится оставаться дома одна, даже днем. Я ее плохо понимаю. Чего бояться, ведь кругом свои люди, члены нашей труппы? Что касается меня, так я в детстве нисколько не тяготилась одиночеством. Напротив, любила остаться одна, чтобы никто не мешал мне мечтать. Ах, эти детские мечты! Так хочется ненадолго вернуться в то время, когда мне было семь или восемь лет. Ненадолго, только для того, чтобы ощутить на губах вкус детства. Заново отвоевывать свою свободу я не хочу. Моя подруга Ривка Луцкер (ее имя я могу написать, потому что бедная Ривка умерла во время родов) говорила, что моя война с отцом напоминает ей войну Алой и Белой роз. То был намек на длительную и бестолковую войну между родственниками. Но я своего все же добилась. Добиться бы того, чего хочу, и на сцене… Вчера показала Павле Леонтьевне Шарлотту в первом действии, когда та проходит через сцену. Я хочу пройти так, чтобы зрители сразу же все поняли про Шарлотту. Это ее второй выход. У Чехова сказано просто: «проходит через сцену», но ведь пройти можно по-разному. Я перепробовала разные походки, пока не остановилась на одной, показавшейся мне наиболее подходящей, но Павла Леонтьевна ее забраковала. Сказала, что я переигрываю с суетливостью и оттого создается впечатление, будто моя Шарлотта чем-то напугана. А на самом деле это не так. И то, как Шарлотта отвечает Лопахину, тоже не понравилось Павле Леонтьевне. Она сказала, что я произношу реплику блекло, так, что за ней не видно характера. Чтобы мне стало понятнее, она несколько раз произнесла: «Если позволить вам поцеловать руку, то вы потом пожелаете в локоть, потом в плечо» – на разный манер, меняя интонацию и выражение лица. Передо мной прошло несколько разных Шарлотт.

Презирающая мужчин, равнодушная, кокетливая, тяготящаяся своим девичеством… Всего одна фраза, причем не самая важная, но Павла Леонтьевна смогла выразить все, что хотела. Я даже и не мечтаю о том, что когда-нибудь смогу достичь такого бесподобного совершенства. Увы, я не обладаю и сотой долей таланта моей дорогой подруги. Я думаю и пишу об этом спокойно, потому что нисколько не завидую Павле Леонтьевне. Ей невозможно завидовать. Можно только восхищаться ее талантом, ее красотой, ее добротой и прочими замечательными качествами. Глядя на нее, я жалею о том, что не умею рисовать. Было бы так славно написать ее портрет. Я даже придумала композицию. Актриса вошла в гримерную после спектакля. Душой и мыслями она еще на сцене. В ушах звучат аплодисменты. Глаза широко раскрыты, верхняя губа чуточку приподнята. Голова вполоборота, точеный профиль отражается в зеркале… Эх, ну почему я не умею рисовать?

Чревовещанию, которому мне давно хотелось научиться, учусь у С. И. У нее превосходный метод. Стоит мне чуть шевельнуть губами, как я получаю болезненный тычок лорнетом. Учеба идет очень быстро. Сегодня на рынке сказала одной торговке: «Такой сметаной только сапоги мазать!» Та завертела головой, не понимая, кто посмел охаять ее товар. Здешние торговцы не похожи на таганрогских или ростовских. Они скорее выбросят товар, чем снизят на него цену. У нас в Таганроге под конец дня цены на рыбу, мясо и плоды значительно снижались. Каждый старался расторговаться до конца, пока товар не пришел в негодность. Между домами было соперничество, следили за тем, когда чья кухарка идет на рынок. Идет попрежде, следовательно, не вынуждена считать каждую копейку. Здесь же протухлая рыба на закате дня стоит столько же, что и утром. Редко когда сбросят какую-то малость. Тата объясняет это тем, что весь «духовитый», как она выражается, продукт перед самым закрытием скупают повара из местных заведений. Им-то отдают за бесценок, потому что они постоянные покупатели и забирают все. Я этому не верю. В тех заведениях, которые мы посещаем, готовят из свежего. У меня такое чуткое обоняние, что обмануть меня невозможно. Впрочем, мы бываем в приличных заведениях, а о том, что творится в тех, что рангом ниже, не имеем понятия.

У Чехова о Шарлотте сказано очень скупо. Когда я пожаловалась на это Павле Леонтьевне, она удивилась: разве это плохо? Это, напротив, хорошо, потому что дает актеру простор для трактовки роли, не связывая его по рукам и ногам. Павла Леонтьевна призналась мне по секрету, что терпеть не могла играть Софью в «Горе от ума», потому что Софья прямая и

плоская, словно линейка. Я решила, что моя Шарлотта не станет тяготиться своим одиночеством, а будет искать в нем спасение от искусов своей прежней, чересчур бурной жизни. А то, что она несостоявшаяся драматическая актриса, я попробую передать избыточной жестикуляцией и склонностью к драматическим позам. А руку стану отдергивать не раздраженно, а испуганно и с налетом грации. Так, будто бы Шарлотта и не прочь, чтобы Лопахин поцеловал ей руку, но боится, что, уступив в этом, уступит еще и еще. Это не Лопахину она говорит: «Если позволить вам поцеловать руку, то вы потом пожелаете в локоть, потом в плечо», а самой себе. Мол, если я позволю сейчас поцеловать мне руку, то потом захочу поцелуя в губы, и неизвестно, чем это в итоге закончится. То есть известно чем, но я этого не хочу. Вернее, может, и хочу, но боюсь. Думаю, что для следующей роли мне придется покупать новую тетрадку, потому что дневник я стараюсь вести аккуратно, а из «театральной» тетради то и дело приходится вырывать листы и начинать писать заново. Сегодня я вижу образ так, а завтра совсем иначе. Я много собираюсь написать о Шарлотте. Считаю, что каждую следующую роль надо осмысливать глубже, чем предыдущую. Много глубже. Тогда будет прогресс. Я слышала, что за городом расположился какой-то бродячий цирк. Он настолько примитивен, что ему не разрешают давать представления в городе. Надо будет там побывать, освежить цирковые впечатления. Тысячу лет не была в цирке, несмотря на то что очень люблю цирк. В нашем кругу принято считать цирк «низким» искусством, предназначенным исключительно для плебса. Или не искусством вообще. Некоторые из моих собратьев-актеров даже отказывают цирковым артистам в праве называться артистами. Говорят просто: «цирковой», кривя при этом губы или же «шут», «скоморох», «балаганщик». Но я придерживаюсь иного мнения и особенно высоко ценю клоунаду, потому что знаю, как тяжело заставить зрителя смеяться. Заставить плакать много проще. В хорошей клоунаде все отточено и выверено до предела, словно в каком-то сложном приборе. Ничего лишнего, одна квинтэссенция. Я не люблю только дрессировщиков, потому что они мучают животных, добиваясь, чтобы те выполняли трюки. Я вообще не люблю, когда кого-то мучают или кто-то мучается. Если вижу, что кому-то плохо, то стараюсь подбодрить, сказать что-то хорошее. Порой из-за своей простоты попадаю в неловкое положение. Правильно же говорят, что простота хуже воровства. Некоторые люди склонны видеть подвох в искреннем сердечном участии. Им кажется, что я подлизываюсь к ним с какими-то корыстными целями. Вот свежий пример. Местная городская управа вынудила

Е-Б. дать две тысячи на оплату текущих городских расходов. (Это помимо обязательного городского сбора, который уплачивается с каждого спектакля!) Такое возмутительное вымогательство прикрывается благородными целями. Большевики причинили городу большой ущерб, городское хозяйство в полном расстройстве (так оно и есть), надо поправлять дело всем миром. Е-Б. считает, что деньги будут прикарманены местными чинушами. У него сложилось о них крайне нелицеприятное мнение. Увидев расстроенного Е-Б., я улыбнулась ему и сказала, что к потерям следует относиться с философским спокойствием. Известно же, что одной рукой Бог берет, а другой дает. Е-Б. вместо того, чтобы воодушевиться, набросился на меня с упреками. Кричал, что чужое горе всегда кажется мелким, что самой мне, когда у меня украли кошелек с меньшей суммой, было не до улыбок и пр. Я стояла словно оплеванная и не знала, куда себя деть. Была готова провалиться сквозь землю. По лицу моему текли слезы. Я и так не красавица, а когда плачу, то становлюсь отталкивающе неприятной. Но мои слезы не тронули Е-Б. Высказав мне все, что считал нужным, он ушел. Правда, на следующий день пригласил меня в кабинет и принес извинения. Сослался на нервы и больную печень. Я догадываюсь, что здесь не обошлось без вмешательства Павлы Леонтьевны. Утешая меня, она сказала, что «старому саврасу» (так мы между собой зовем Е-Б. за его неумеренное любострастие) это с рук не сойдет.

Не могу представить, что бы я делала без моего доброго ангела.

18 июня 1918 года. Евпатория

История с двумя тысячами на покрытие городских расходов имела неожиданное и нехорошее продолжение. То ли местным властям показалось, что Е-Б. слишком легко расстался с деньгами, то ли их аппетиты растут соразмерно росту цен, но они потребовали от Е-Б. внести еще три тысячи. Иначе, как было сказано, спектакли будут прекращены по какой-нибудь причине, которую при желании найти нетрудно. Е-Б. в ярости, мы все в недоумении и растерянности. Павла Леонтьевна ходила к городскому голове и сумела (она все умеет) убедить его в том, чтобы он оставил нашу труппу в покое. Главным ее доводом был тот, что мы своими спектаклями поднимаем настроение горожан, дарим радость, помогающую забыть ужасы, пережитые в недавнем прошлом. Обаяние Павлы Леонтьевны огромно, словно океан. Голова утонул в этом океане и приказал оставить нас в покое. Но

Е-Б. продолжает пребывать во взвинченном состоянии, да и сама Павла Леонтьевна то и дело вспоминает пословицу: «жалует царь, да не милует псарь». Они опасаются, что, несмотря на распоряжение своего начальника, местные чиновники начнут нам всячески досаждать. «Почему?» – удивилась я. «В назидание другим, чтобы охотней давали им деньги», – объяснила Павла Леонтьевна. Временами она иронизирует над моей житейской неопытностью. Говорит, что я совершенно не похожа на купеческую дочь. Купеческие дочери хваткие, ушлые, им пальца в рот не клади, а я похожа на наивную институтку. Тата выражается проще. «Вы, Фаина, совсем не похожи на еврейку. Покупаете не торгуясь, соглашаетесь не думая», – говорит она. «Соглашаетесь не думая» – это относительно того, что если кто-то просит моей помощи, то я забываю о своих делах и бегу помогать. Что же касается моего неумения торговаться, то тут добрая Тата сильно ошибается. Торгуюсь я так, что небесам жарко становится. Я же литвачка, а известно, что литвакам пальца в рот не клади. Но мне неловко торговаться. Город маленький, множество людей видело меня на сцене в образе романтической героини. И каково им будет наблюдать за тем, как я торгуюсь, покупая рыбу или картошку? Мой образ сразу же померкнет. Я знаю, о чем говорю, потому что сама пережила нечто подобное в Москве, когда Е. Г. ввела меня в тамошнее актерское общество. Мне, бредившей театром, все актеры казались небожителями, какими-то особенными существами, отличавшимися от простых смертных. Мне представлялось, будто они разговаривают между собой исключительно на возвышенные темы и в жизни ведут себя точно так же, как и на сцене. Сейчас я смеюсь над своей тогдашней наивностью. Актеры – такие же люди, как и все, и ничто человеческое им не чуждо. Возвышенным существом актер становится только на сцене. Но я хорошо помню, сколь сильное потрясение я пережила, обнаружив, что актеры ведут себя за столом точно так же, как и гости моего отца. Рассказывают глупые анекдоты, говорят пошлости, могут выпить лишнего. Было такое чувство, словно кто-то сорвал с актеров волшебное покрывало… Не хочу, чтобы с меня тоже срывали это покрывало. Решила, что буду возвышенной, отстраненной от нудных житейских мелочей. Что такое сэкономленный полтинник, в конце концов? Счастья на него я все равно не куплю. Все равно он утечет у меня сквозь пальцы, потому что я ужасно непрактичная, хоть и умею торговаться. Про таких, как я, говорят: ветром ей приносит и с дымом уходит.

Видимо, нам вскоре придется покинуть Евпаторию. Жаль, я уже успела привыкнуть к ней. Если бы меня попросили назвать ее

одним словом, я бы выбрала слово «уютная». Евпатория – уютный город. Мой родной Таганрог не такой. Он пыльный, шумный, суетливый. А здесь все иначе. Уют и томная нега. Павле Леонтьевне Евпатория тоже нравится. Она сказала, что хотела бы дожить здесь свой век. Я бы тоже не отказалась. Уже начала репетировать прощание с Евпаторией. Хожу по берегу и декламирую: «Прощай, свободная стихия, в последний раз передо мной ты катишь волны голубые и блещешь гордою красой!»[35] Гулять по берегу приятно, но и страшно. Море может выбросить к ногам тела несчастных, которых сбросили с корабля несколько месяцев назад. Эти ужасные подарки море преподносит регулярно, поэтому в шторм я предпочитаю любоваться им издалека.

Вероятней всего, мы переберемся в Симферополь. Павла Леонтьевна, как мне кажется, совсем не расстраивается по поводу предстоящего отъезда. Говорит, что здесь мы все равно не остались бы надолго. Она права. Сборы падают, и былых аншлагов уже нет. На Симферополь все возлагают большие надежды. Все-таки это губернский город, а сейчас так и вовсе столица Крыма. «Столичный город», на мой взгляд, звучит презентабельнее, чем «губернский». Павла Леонтьевна сожалеет о том, что мы вряд ли сможем осенью вернуться в Ростов. Жаль лишаться зимнего сезона в таком городе, как Ростов, тем более что и договор на него давно подписан, но что поделать? Пурим[36] не каждый день. В детстве мне приходилось бывать в Симферополе, и впечатления о нем сохранились самые приятные. «Какой веселый город!» – радовалась я на потеху своей чопорной сестре. Разница в возрасте у нас с сестрой небольшая, но мне всегда казалось, что сестра старше меня по меньшей мере лет на десять. Она и в детстве была не ребенком, а маленькой женщиной, рассудительной, сдержанной, чинной. В прошлом году Симферополь мне совершенно не понравился, но причина была не в нем, а во мне. Я оказалась там проездом, одна, почти без денег, в полном смятении. Одна антреприза умерла голодной смертью, другая развалилась, когда антрепренер сбежал, прихватив с собой кассу. Какое тут может быть настроение? Мир виделся мне в мрачных красках. Я проклинала подлого С. Ф.[37], который оставил меня и моих товарищей без денег. Причем использовала еврейские проклятия, самые страшные. Позже смеялась. Какой смысл желать С. Ф., чтобы его брюки протерлись до дыр от шивы[38], если он не еврей? Я далека от того, чтобы идеализировать людей, но до его бегства я и предположить не могла, что антрепренер может обокрасть свою труппу. Как можно? Ведь такой поступок означает гибель репутации. Ни один

актер не станет иметь дела с таким антрепренером. С. Ф. преподал мне суровый урок.

Я уверена, что на этот раз мои впечатления от Симферополя будут теми же, что и в детстве. Я еду туда не одна. К тому же, при всех недостатках Е-Б., в его честности можно не сомневаться. Я давно заметила, что люди с неприятным характером обычно оказываются честными, а все мошенники производят приятное впечатление. Мошенникам нужно вызывать доверие у окружающих, вот они и стараются. Мне надо учиться отличать притворное дружелюбие от истинного. Я ужасно доверчива, потому что мне хочется находить в людях только хорошее.

20 июня 1918 года. Евпатория

Решено – мы перебираемся в Симферополь. Даем прощальные спектакли и запасаемся вяленой рыбой в дорогу. Снова аншлаг, несмотря на то что Е-Б. поднял цену на билеты. Мне кажется, что нас здесь полюбили. С удовольствием думаю о том, что когда-нибудь вернусь сюда с большой колодой (выражение С. И.) ролей и в зале будут говорить: «Узнаете? Это та самая, которая играла итальянскую певичку, как ее… кажется, Маргарита…» Павла Леонтьевна в шутку называет Евпаторию «Дебюторией», намекая на мой удачный (ах, не сглазить бы) дебют.

Чревовещание я освоила в совершенстве. Даже лаять научилась. С. И. находит, что у меня сильная диафрагма. Развлекаю Ирочку во время прогулок. Вдруг начинаю лаять в людном месте. Люди шарахаются и смотрят под ноги в поисках собаки. Ирочка радуется. Когда она смеется, то становится как две капли воды похожа на свою мать. В ней чудесным образом уживаются детская непосредственность и взрослая практичность. Подозреваю, что практичность выработалась во время походов за покупками с Татой.

2 июля 1918 года. Симферополь

Мы в Симферополе. Поселились в ужасных номерах, грязных, пропахших, да в придачу с клопами. Мне при виде этой роскоши вспомнилась наша таганрогская гостиница «Бристоль». Небо и земля! Местные номера тоже держит армянин, но ему далеко до Багдасаровых[39]. К сожалению, приходится довольствоваться тем, что есть. Город переполнен беженцами, заняты все углы. Кажется, что здесь собралась вся Россия. Я сама не успела и шагу ступить,

как встретила Л. И., знакомую мне по Малаховке[40]. Л. И. со слезами рассказывала, как они с сестрой добирались из Москвы до Крыма. В сравнении с тем, что пришлось пережить им, мои собственные переживания уже не кажутся мне страшными. Возможно, что дело в разнице характеров. Я стараюсь придать плохому образ комического. Даже из истории с моим несостоявшимся расстрелом сделала анекдот. Опустив ненужные подробности, сосредоточила внимание на том, что именно я кричала солдатам. Рассказываю выразительно, слушатели умирают со смеху. Интересный нюанс – чем больше я об этом рассказываю, тем легче мне это дается. Пережитый ужас, засевший где-то внутри, постепенно превращается в анекдот. Л. И. не такая. Рассыпанная пудра для нее трагедия, а прыщик на носу означает конец жизни. Разумеется, все тяготы жизни в ее изложении выглядят чрезмерными. Л. И. сказала, что они с сестрой живут на то, что им удалось привезти с собой. Не знаю, откуда у них могут быть драгоценности, если в Малаховке Л. И. ходила в штопаных чулках и питалась пирожками с кашей да требухой. Beauté provocante[41] Л. И. дает почву для подозрений, но я сделала вид, что верю ей. Когда я счастлива, мне хочется, чтобы все вокруг тоже были счастливы, поэтому я предложила Л. И. замолвить за нее словечко. Мне так приятно было бы оказать кому-то протекцию. Приятно делать добрые дела, и кроме того, я считаю своим долгом помогать людям, ведь мне тоже многие помогали, начиная с Е. Г. и заканчивая моей дорогой Павлой Леонтьевной. Чуть ли не ежедневно с огромной признательностью вспоминаю великую С.[42] Встреча с ней была для меня благословением. С. дала мне надежду в тот самый миг, когда надежда была для меня важнее всего. Я собиралась возвращаться домой, простившись со своей мечтой. Билета еще не купила, но уже думала о том, что скажу отцу.

Л. И. поблагодарила меня (довольно холодно, если не сказать, что сухо) и отказалась. Сказала, что у нее есть иные планы и что в Симферополе они с сестрой не собираются надолго задерживаться. Здесь все надеются на скорые изменения к лучшему. Сама я мало на что надеюсь. Стараюсь как можно реже думать о будущем. Потрясения недавнего времени отбили у меня охоту заглядывать в будущее. Какой смысл строить планы, если их исполнение не зависит от нашей воли? Два-три года назад мне и в страшных снах не могло бы привидеться столь ужасное будущее. «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем, довольно для каждого дня своей заботы»[43], – говорит Павла Леонтьевна, и она, как всегда, права. Моя забота о завтрашнем дне заканчивается на попытках сделать

небольшие сбережения. Но меня преследует злой рок. Стоит мне только отложить немного, как тотчас же случается нечто, вынуждающее меня к неожиданным тратам. Перед самым отъездом из Евпатории какие-то негодяи украли наши платья, вывешенные Татой на просушку. Мы с Павлой Леонтьевной предпочитаем думать, что то были не обычные воры, а поклонники, которые разорвут платья на лоскутки и сохранят их на память. Но что бы мы ни выдумали себе в утешение, от необходимости шить новые платья это нас не избавляет. Какое счастье, что у нас есть Тата. Она потомственная портниха и шьет бесподобно. Тата могла бы зарабатывать на жизнь шитьем и даже открыть ателье, но ей не хватает бойкости и смелости, необходимых для ведения собственного дела. Наша таганрогская мадам Петракович как портниха Тате и в подметки не годится, но зато язык у нее подвешен как надо. Уболтает во время примерки так, что не заметишь изъянов. И все со сладенькими словечками, с восторгами. А Тата робкая, из нее слова надо тащить клещами. Отложенное ушло на покупку материи. По совету С. И., мы сделали это в Евпатории, потому что в Симферополе все дороже. От моих сбережений снова ничего не осталось.

Под впечатлением хороших евпаторийских прощальных сборов Е-Б. расщедрился на рекламу. Дал объявления в местные газеты и, кроме того, опубликовал несколько восторженных статеек. Статейки эти опубликованы в разных газетах и подписаны разными именами, но слог везде один и тот же. Все их написал И.[44], молодой поэт, которого, по его собственному выражению, волны судьбы прибили к нашей труппе. И. молод годами, но уже умелый, отъявленный сердцеед. Трудно устоять перед его обаянием. Когда он смотрит на меня своими выразительными черными глазами, я млею. Возможно (всего лишь возможно!), что пылкие взгляды И. могли бы разжечь в моей душе чувство, но, на беду И., он слишком непостоянен. Очаровав меня, он устремляется чаровать Павлу Леонтьевну, а часом позже уже осыпает комплиментами кого-то еще. Из-за такого непостоянства И. никто не воспринимает всерьез. Как говорят, лучше немного хорошего, чем полная чаша плохого[45]. Люблю слушать, как И. читает стихи, свои и чужие. Он без преувеличения вкладывает душу в произносимые им слова. Мне есть чему у него поучиться. На наших спектаклях И. руководит клакой, состоящей из нескольких его приятелей (И. здешний, симферопольский). Его клака не стоит нам денег и весьма доброжелательна. Она никого не освистывает, а только аплодирует. И. приехал в Симферополь вместе с нами. Он признался мне по секрету, что пишет пьесу из современной жизни и рассчитывает на то, что Е-Б. ее поставит.

Тот, насколько я поняла, обещал ему это, правда, не прямо, а в обычной своей манере – туманными намеками. Я посоветовала И. не слишком полагаться на Е-Б. и пообещала, что стану его рецензентом. Сдается мне, что в рецензентах у И. уже ходит вся наша труппа. Он со многими о чем-то шепчется с тем же таинственным выражением лица, с которым рассказывал мне о пьесе.

Усердно тружусь над моей Шарлоттой Ивановной. Непрестанно докучаю Павле Леонтьевне с вопросами и сомнениями. Если все сложится хорошо… Ах, я даже подумать боюсь об этом, не то чтобы написать. Сыграть в пьесе Чехова – великое счастье для любой актрисы, но для меня, его землячки, это счастье втройне. Заветная мечта глупой и самонадеянной артистки Раневской – сыграть Раневскую в нашем таганрогском театре. Предложи мне кто сделать выбор между «Вишневым садом» на таганрогской сцене и в Малом театре, я бы, не задумываясь, выбрала бы Таганрог, город, в котором Чехова не только чтут, но и искренне любят.

Цены в Симферополе заоблачные. Закрытие границы (кто только это выдумал?) привело к тому, что цены стали расти еще быстрее. Генерал Сулькевич не может договориться с гетманом Скоропадским, и потому хлеб теперь отпускается по карточкам. На человека дают один фунт в день, но при желании (и наличии денег) можно купить сколько угодно хлеба, только за тройную цену. В слове «гетман» мне слышится нечто опереточное. Донос на гетмана-злодея царю Петру от Кочубея… Зачем этот нехороший гетман вздумал перекрывать границы? Он же приличный человек, генерал, окончил Пажеский корпус. Не понимаю. Ничего не понимаю.

Возвращаясь домой с провизией, Тата хлопает себя руками по бокам и говорит: «Ох, матушки мои родимые!» Переняла у нее этот жест и эту фразу. Пригодится. До встречи с Павлой Леонтьевной я жадно впитывала только то, что видела на сцене. У актеров это называется «обезьянничать». Павла Леонтьевна научила меня наблюдать жизнь, подмечать интересное не в актерах, а в обычных людях.

Рассмешила Павлу Леонтьевну за обедом, когда мы ели суп. Я вслух пожалела о том, что к этому супу (довольно жиденькому) у нас нет грибенес. «Грибы нес? – переспросила Павла Леонтьевна и рассмеялась. – Ах, как смешно!» Я объяснила, что «грибенес» – это шкварки.

15 июля 1918 года. Симферополь

Я сыграла Шарлотту Ивановну! Я выходила кланяться в «Вишневом саде»! Павла Леонтьевна держала меня за руку! Нас несколько раз вызывали из-за кулис аплодисментами. Я прекрасно понимаю, что моя заслуга в том весьма мала, если не сказать ничтожна, но мне невообразимо приятно. Павла Леонтьевна сказала, что я была неподражаема. Понимаю, что она, по доброте душевной, преувеличивает, чтобы меня ободрить. Но я и сама довольна тем, как играла, довольна настолько, насколько я вообще могу быть довольной собой. Мои скромные успехи нравятся далеко не всем членам нашей труппы. А. М., игравший Лопухина, отпустил в мой адрес несколько ехидных замечаний. Ехидство было скрыто под маской дружеского участия, но все равно проступало. Когда меня пытаются уколоть под маской дружеского участия, я всегда теряюсь, не зная, что мне делать, принимать ли вызов или сделать вид, будто я, по простоте душевной, ничего не заметила. Чаще предпочитаю притворяться простушкой. Так же поступила и на этот раз. А. М. – крайне неприятный человек. Кичится своим знакомством со Станиславским и тем, что якобы состоит (или состоял) с ним в переписке.

Е-Б. вдруг начал говорить о том, что нам лучше бы было перебраться из Евпатории в Одессу. Там, мол, и публика богаче, и сборы лучше, и молоко белее, и вороны поют соловьями (про молоко и ворон я добавила от себя). Никто не может понять, какая муха его укусила. Павла Леонтьевна говорит, что это обычная зависть. Кто-то что-то сболтнул, а наш Е-Б. загорелся. Всерьез его слова никто из нас не принимает. О какой Одессе может быть речь, если с симферопольским театром у нас подписан контракт, а с одесским ничего не подписано? Вдобавок надо окупить расходы, связанные с переездом, печатанием афиш и пр. С. И., от которой ничего не скрыть, подозревает, что причиной странного поведения Е-Б. может быть кокаин. Кокаинистов здесь очень много. Люди пытаются «запудрить» свои страхи. Многие не находят нужным скрывать эту привычку, а некоторые даже бравируют ею. Дамы стыдливо носят кокаин в пудреницах, а мужчины в тех баночках, в которых он и продается. Любая торговля немыслима без обмана – кокаин разбавляют зубным порошком. Думаю, что С. И. права. Ее догадки всегда подтверждаются.

17 июля 1918 года. Симферополь

Напрасно я молча сносила шпильки, которые мне подпускал

А. М. С подобными людьми нельзя быть покладистой. Не встречая отпора, они нападают все чаще и пытаются уязвить больнее. Сегодня, в паузе между репетициями, он завел разговор о Ханжонкове[46], который снимает картины в Ялте и будто бы между делом обратился ко мне и сказал, что с таким голосом, как у меня, лучше посвятить себя не сцене, а экрану. Эти слова сопровождались смешками, придававшими сказанному вид дружеской шутки, но тем не менее больно меня уязвили. Я решила, что с меня довольно, и посоветовала А. М. то же самое, приведя к месту еврейскую пословицу: «Немой дурак всем кажется мудрецом». А. М. покраснел, начал раздувать щеки, но по моему взгляду понял, что я настроена решительно, и стушевался. Должна отметить, что мой ответ вызвал гораздо больший смех, нежели слова А. М. Зная мстительный характер А. М., я теперь буду начеку. В жизни он мне ничем навредить не сможет, но на сцене может устроить подвох – задержать свою реплику или сделать что-то еще. Проще всего незаметно скорчить смешную рожу. Я ужасно смешлива и не могу сдержать смех. Кое-как научилась маскировать его под кашель. Павла Леонтьевна, когда я ей рассказала о стычке с А. М., смеялась и сказала, что у меня начинают прорезаться зубки. Какие там зубки! При виде А. М. у меня прорезаются клыки.

Проклятый А. М., чтоб его схватило! Он разбередил мне душу. Я прежде никогда не мечтала о кинематографе и всегда считала, что голос и волосы – это лучшее, что у меня есть. Теперь я недовольна своим голосом. Пью сырые яйца и мечтаю о том, чтобы Ханжонков приехал по делам в Симферополь, пришел на «Вишневый сад», пленился моей игрой и предложил мне роль в одной из своих картин. (У нас в Таганроге тоже жили Ханжонковы, но, насколько мне известно, этот Ханжонков из Новочеркасска).[47]

Я вдруг осознала главное преимущество кинематографа. Пусть он немой и бесцветный, но зато он вечен. Картина, в которой я сыграю, сможет пережить меня на века. Ни с кем не делюсь вспышкой своего тщеславия. Даже с Павлой Леонтьевной. У нас принято иронизировать в адрес кинематографических актеров. Сцене я никогда не изменю, но между делом иногда можно позволить себе сняться в картине. Как говорила наша кухарка, иногда и кантор ходит в бордель. Но мои мечты, скорее всего, так и останутся мечтами. С моей физиономией путь в кинематограф заказан. В театре зрители сидят далеко от сцены и не видят всех деталей. Вдобавок выручает грим. В картинах же лица показывают на весь экран, и поэтому там нужны красавицы вроде Веры Холодной[48] или Веры Каралли[49].

Перечитала то, что написала, и отругала себя за глупые мысли. Такое чувство, будто я изменила театру. Запретила себе думать о кинематографе. Вместо этого думаю о красоте. Почему одни лица считаются красивыми, а другие нет? Кто это придумал? Что такое красота? Почему есть некрасивые люди, но не бывает некрасивых кошек? Для меня главное в человеке – это глаза. Их не напрасно считают зеркалом души. Душа отражается в глазах. Если глаза живые, выразительные, если они излучают свет и тепло, то такого человека я считаю красивым, не обращая внимания на форму его носа. Если же глаза тусклые, как у дохлой рыбы, то правильный нос и прочие достоинства не поправят дела. Примеров тому много, достаточно посмотреть по сторонам.

Неожиданные встречи продолжаются. Сегодня на улице столкнулась с моей землячкой С. И., дочерью одного из главных конкурентов моего отца. Несмотря на то что наши отцы недолюбливали друг друга, моя сестра и С. были подругами. С. И. рассказала, что ее отец умер, что она вышла замуж, что муж ее сейчас служит у Деникина и она очень беспокоится за него. Разумеется, любая женщина станет беспокоиться о муже, который ушел воевать. Если бы я была министром, то приказала бы давать молодоженам отсрочку от воинской службы на год, чтобы они успели насладиться прелестями семейной жизни. Старший брат С. И. стал большевиком. Она не понимает, как это могло произойти. Я тоже не понимаю, как сын купца и промышленника может стать большевиком, ведь большевики против собственности. Спросила С. И. о своих, но она ничего не смогла рассказать. Я пригласила С. И. в театр. Сказала, чтобы она не покупала билет, а вызвала бы меня. Каждый из участвующих в спектакле имеет право провести двух человек. Я еще ни разу не пользовалась этим правом. С. И. дает уроки игры на фортепиано. Мне приятно сознавать, что в такое сумбурное время, как наше, люди ходят в театры и учат детей музыке. Это вселяет надежду на то, что все образуется.

25 июля 1918 года. Симферополь

Выходя на сцену в роли Шарлотты Ивановны, чувствую зуд в пятках, так мне хочется сыграть Раневскую. Одергиваю себя, напоминаю, что такая прыть до добра не доведет, что всему свое время, но это плохо помогает. Такое чувство, что я смогу справиться с любой ролью. Невероятное, окрыляющее чувство. Никогда в жизни не испытывала ничего радостнее. Павла Леонтьевна говорит, что все это от того, что я наконец-то

поверила в свои силы и перестала волноваться по пустякам. На самом деле волноваться я не перестала, но теперь волнуюсь иначе. Уже не боюсь, что меня вышвырнут из труппы, не боюсь, что меня освищут. Волнения стали более приземленными. Боюсь оговориться, боюсь, что мне долго не дадут новой роли, боюсь, что Е-Б. и здесь рассорится с городскими властями и нам придется переезжать в Одессу или еще куда. Мне не хочется уезжать из Симферополя. Мне здесь нравится, нравится больше, чем в Евпатории, несмотря на отсутствие моря. Подобно всем людям, выросшим у моря, я не испытываю к нему особенного пиетета. Могу любоваться им часами, могу побарахтаться в воде, но не страдаю от его отсутствия так, как, например, С. И. Для нее морской воздух – сокровище. Ирочка тоже скучает по морю. Она вообще в последнее время изменилась. Дичится, неохотно вступает в разговоры, а совсем недавно была такая болтунья. Если пытаюсь растормошить ее, начинает дерзить. Подозреваю, что она влюбилась. Поделилась своими догадками с Павлой Леонтьевной. Та удивилась: не рано ли? Я рассказала, что сама в первый раз влюбилась всерьез в одиннадцать лет и обезумела от этой любви так, что потеряла сон и аппетит. Едва до нервной горячки дело не дошло, но вдруг я увидела, как мой возлюбленный (он служил в конторе у отца) очищает нос от содержимого при помощи двух пальцев, и моя любовь тотчас же исчезла. Оказалось, что у Павлы Леонтьевны была похожая история. Она точно так же охладела к одному красавцу поручику, когда увидела его в сильном подпитии. Ей тогда было четырнадцать лет. Мы договорились не докучать Ирочке, дать ей побыть наедине со своими чувствами. Спустя некоторое время она станет прежней. Мне очень любопытно, в кого она влюблена. Предполагаю, что это кто-то из нашей труппы. Или же это наш обольстительный красавчик И.?

11 августа 1918. Симферополь

Сегодня в театре был обыск. Перевернули все вверх дном, копались даже в личных вещах. Среди мундиров было несколько господ в штатском. Оказалось, что здешний плотник хранил в своей мастерской динамит, упакованный в банки консервов товарищества Кефели. Я своими глазами видела из окна, как солдаты выносили из театра ящики и складывали на подводу. Было очень страшно думать о том, что в любой миг театр вместе со всеми нами может взлететь на воздух. Нас согнали по разным комнатам, и, пока шел обыск, мы сидели там под караулом. Я попала в хорошую компанию. Со мной были С. И. и наша инженю

О. К. С. И. рассказывала о том, что творилось в Киевском театре после убийства Столыпина. Никому не было покоя, всех допрашивали, искали сообщников убийцы. Я не понимаю, зачем искать сообщников в театре, если убийца был из публики. С. И. тоже не понимает. Всех нас тоже допросили, но очень быстро. Спрашивали о плотнике, который успел скрыться, и о том, с кем он поддерживал отношения. Е-Б., привыкший во всем видеть плохое, опасается уменьшения сборов. Кто, мол, захочет посещать театр, в котором хранился динамит? Павла Леонтьевна успокаивает его тем, что все здравомыслящие люди понимают, что после обыска опасаться нечего. Динамита уже нет. Павла Леонтьевна, в отличие от Е-Б., считает, что вся эта история пойдет нам на пользу. Чем больше шума вокруг театра, тем больше желающих в нем побывать.

18 августа 1918. Симферополь

В «Южных ведомостях» написали о нас. Две строчки автор статьи посвятил мне, написав, что я играю своих иностранок непринужденно и могу передать как итальянский темперамент, так и немецкую чопорность. Если бы я была знакома с автором статьи, скрывающимся за псевдонимом Г. И. Ацинтов (вряд ли это настоящее имя), то бросилась бы ему на шею и зацеловала бы до обморока. Несколько раз перечитала статью, выискивая в ней излюбленные выражения нашего И., но ничего так и не нашла. Одна из билетерш развеяла мои сомнения окончательно, сказав, что Г. И. Ацинтов – это сотрудник «Ведомостей», единый во многих лицах, который пишет под разными псевдонимами статьи об искусстве и рецензии. Когда он пишет о театре, то подписывается Г. И. Ацинтов, а если о музыке, то К. А. Мертонов. Уже по одному только подбору псевдонимов видно, что это весьма остроумный человек. И к тому же скрытный. Билетерша сказала, что он не требует провести его в ложу, по обычаю рецензентов, а покупает билет в задних рядах и смотрит спектакль оттуда. Это меня невероятно заинтриговало. Билетерша обещала мне его показать. Я накупила целую пачку «Ведомостей» с этой статьей, которая называется: «В пленительных тенетах Мельпомены». Один номер отправила вместе с письмом в Таганрог. Написала, что я счастлива и довольна жизнью. Слова «скучаю» тщательно избегала. Вместо этого написала, что хочу всех увидеть и надеюсь, что следующей весной мое желание исполнится. Если обстановка позволит, собираюсь побывать в Таганроге. Рассказала Павле Леонтьевне,

что у моего отца есть пароход. Мы немного помечтали о том, как хорошо было бы нашей труппе иметь собственный пароход. Мы могли бы прямо на нем давать представление. Театр на пароходе – это так необычно, а людям нравится все необычное. У нас бы не было отбоя от зрителей. К тому же давать представления на собственном пароходе очень удобно. Не надо перевозить декорации и костюмы, не надо самим переезжать с места на место и жить в клоповниках. Присутствовавшая при нашем разговоре С. И. добавила, что если давать спектакли на пароходе, то не придется арендовать театр и платить городской сбор. Мы с Павлой Леонтьевной об этом не подумали. С. И. спросила меня, сколько стоит пароход. Не иначе как начала делать расчеты. В С. И. аристократизм сочетается с купеческой практичностью. Я ответила, что не знаю. Я на самом деле понятия не имею, почем нынче пароходы, и знаю, что своего парохода у нашей труппы никогда не будет, но так приятно об этом мечтать.

31 августа 1918 года. Ялта

В Симферополь приехала противная и манерная певичка К., с которой мы уже сталкивались в Евпатории. По такому случаю нам пришлось изменить наше расписание, потому что К. торопится ехать в Одессу. Она торопится ехать в Одессу, она непременно хочет выступать на сцене Дворянского театра[50], а мы почему-то должны отменять спектакли. Мне это кажется возмутительным, но у Е-Б. свои резоны. Павла Леонтьевна называет его дипломатом. Не могу понять, иронизирует она или нет. Мы решили съездить в Ялту. Я втайне лелеяла надежду встретить здесь Ханжонкова, но уже понимаю, что надеялась напрасно. Кинематографическое ателье не театр, туда невозможно прийти на спектакль. Внешность же у Ханжонкова самая заурядная. При случайной встрече я его узнать не смогу, а даже если бы и узнала, то не осмелилась бы заговорить. Это в мыслях я бойкая. Заготовила порцию восторгов. «Ах, неужели это вы, Александр Алексеевич! Я ваша страстная поклонница!» А если дойдет до дела, то промолчу или скажу какую-нибудь глупость. Прекрасно помню первую встречу с боготворимым мною И. Н.[51] Он улыбается мне, говорит что-то доброе, а я стою молча и вдруг выпаливаю: «У вас перышко на плече». Уверена, что И. Н. счел меня идиоткой. Хорошо, что позже мне представилась возможность изменить его мнение обо мне в лучшую сторону.

Мы подолгу гуляем у моря (в Ялте больше нечем заняться), едим жареную рыбу и подшучиваем над С. И., нашей

любительницей морского воздуха. Павла Леонтьевна советует ей дышать полной грудью, чтобы надышаться впрок, а я предлагаю взять с собой в Симферополь ялтинский воздух в банках. Время от времени, когда Ирочка забегает вперед, С. И. оглядывается по сторонам, желая убедиться, что поблизости никого нет, и отвечает нам такими словами, от которых покраснеет любой грузчик, причем всегда в рифму. Мы смеемся. Ирочка удивляется, чего мы снова нашли смешного. Мне нравится в Ялте после шумного Симферополя. Я уже не сержусь на К., ставшую причиной нашей неожиданной поездки. Можно считать, что К. подарила нам Ялту. Здесь умиротворяющая атмосфера. Должно быть, оттого, что здесь гораздо меньше военных. Мы чувствуем себя отдыхающими. Все плохое осталось где-то далеко. Здесь только море, небо и солнце. Никогда еще не видела Павлу Леонтьевну такой счастливой. В Ялте даже сны снятся приятные. Видела во сне Таганрог. Не хочется уезжать отсюда. Павла Леонтьевна согласна со мной в отношении К. Говорит, что нет худа без добра. Но К. все равно противная. Манерная, репертуар у нее пошлый, а голос невкусный, таким только на рынке свой товар нахваливать. Не понимаю, что в ней находит публика. Подозреваю, что причина кроется в небогатом выборе певиц в здешних местах. К. осмеливаются называть «второй Вяльцевой»[52]. Я считаю подобные комплименты втройне оскорбительными. Во-первых, для артистов унизительно быть вторыми. Назови меня кто «второй Садовской», так я бы ему ответила бы рифмой из арсенала С. И. Каждый настоящий актер есть единственный в своем роде. Если ты вторая, третья или десятая, то это означает, что ты не актриса, а всего лишь чья-то бледная тень. Во-вторых, сравнение К. с Вяльцевой чрезмерно льстиво, настолько, что лесть превращается в иронию. В-третьих, те, кто ставит знак равенства между сопрано и меццо-сопрано, ничего не смыслят в пении. Похвале дурака грош цена. Они бы еще назвали К. «вторым Шаляпиным»! Другие, изощряясь в поэтичности и, опять же, вспоминая Вяльцеву[53], именуют К. «ласточкой русской эстрады». Хороша ласточка! Плотная кубышка, в которой нет ни капли утонченности. Это все равно что назвать меня «чайкой русской сцены». Вот Павле Леонтьевне этот титул бы подошел.

10 сентября 1918 года. Симферополь

Все только и говорят о том, что красные вернули себе Казань и что сделать это им помогла авиация. Не могу понять, откуда у

них взялись самолеты и летчики. Допускаю, что самолеты могли быть захвачены, но все летчики, о которых мне доводилось слышать, были офицерами или «благородиями». Что им делать у красных? Это машинисты на поездах все сплошь большевики. Павла Леонтьевна этому не удивляется. Говорит, что нынче все так перемешалось, что не поймешь, кому на чьей стороне положено быть. Главные большевики все из «благородий». Ленин – сын действительного статского советника. Троцкий – сын богатого арендатора. Боюсь, как бы брат Яша не стал большевиком. Он такой мишигенер[54]. Наш отец кое-как смирился с тем, что его дочь стала актрисой, но сына-большевика он не переживет. В последнее время думаю о родителях чуть ли не каждый день. В душе неприятный осадок. Я сама, по своей воле ушла из дому, но то, что кричал мне вслед отец, превратило мой уход в изгнание. Понимаю, что отец, с его характером, не мог поступить иначе. Если я покидаю дом против его воли, то надо представить дело таким образом, будто это он меня выгнал. Иначе люди скажут… Ах, люди всегда найдут, что сказать! Не было еще так, чтобы они ничего не сказали. Могу предположить, что про меня болтали и болтают всякое, вплоть до того, что я поступила не в труппу, а в публичный дом.

Павла Леонтьевна вспоминала свои выступления в Казани. Она много где выступала и обо всех местах рассказывает необычайно интересно. Ее рассказы похожи на маленькие спектакли. Она не только рассказывает, но и показывает. После каждого рассказа Павлы Леонтьевны меня посещает чувство, будто я побывала в тех местах, о которых мне рассказывали.

24 сентября 1918 года

У меня тройная радость. Павла Леонтьевна сказала, что, на ее взгляд, я доросла до Маши в «Чайке». Еще одна чеховская пьеса! Да еще «Чайка»! У Чехова нет плохих пьес, но «Чайка» мне дорога особенно, несмотря на то что свой псевдоним я позаимствовала из другой пьесы. «Чайка» – это такая комедия, которая бередит душу посильнее любой трагедии. Я видела эту пьесу много раз и еще чаще читала. Я знаю ее наизусть, но если кто-то спросит меня, о чем она, то я не смогу ответить. Слишком много вложил в эту пьесу Чехов. Любовь, верность, идеалы, прощение, раскаяние… Чтобы ответить, о чем сказано в «Чайке», нужно пересказать всю пьесу от начала до конца. От вопроса Медведенко: «Отчего вы всегда ходите в черном?» – до Дорновского: «Константин Гаврилович застрелился». Маша

открывает каждое из четырех действий. Через ее маленькую трагедию, как через увеличительное стекло, показана большая трагедия Треплева. Но «малость» личной трагедии нисколько не умаляет образа Маши. И то, что она пьет водку и нюхает табак, ничего не умаляет. Напротив, подчеркивает цельность ее натуры. На этом заканчиваю с Машей, потому что для нее у меня есть другая тетрадь. Перехожу ко второй радости. Я получила письмо от мамы и деньги от отца. Деньги пришлись кстати (как будто они когда-нибудь бывают некстати?), потому что мы собрались переезжать из нашего кишащего клопами жилья в более приличное, за которое просили заплатить вперед за три месяца. Спрос на жилье испортил местных владельцев окончательно. Они выдумывают условия одно другого удивительнее. Могут и за год вперед плату запросить, несмотря на то, что это весьма большие деньги, и, кроме того, в наше беспокойное время никто не может знать, что будет через год. Тут на день вперед загадывать боязно, не то что на год. Переезд – моя третья радость. Я особенно рада тому, что избавила мою дорогую Павлу Леонтьевну от дум о задатке.

На самом деле радостей не три, а четыре. Ирочка перестала дичиться, стала прежней милой доброй девочкой. Мы с Павлой Леонтьевной так и не поняли, чем было вызвано ее былое отчуждение. Доходило до того, что я начинала думать, будто причина во мне. Дети ревнивы (я сама была очень ревнивым ребенком), и Ирочке могло не понравиться то, что в их семье появился новый человек. Несмотря на всю мою любовь к ней. Я предпочитаю не погрязать в догадках, а радуюсь тому, что плохое осталось позади.

28 сентября 1918 года

Деньги тают, как апрельский снег. Цены не просто растут, они летят вверх. Умные люди советуют скупать золото. Не камни, потому что камни легко подделать, а именно золото. С удовольствием последовала бы этому совету, если бы имела на что купить золото. Если в Евпатории мы успокаивали себя тем, что скоро все наладится (скоро – это к осени), то теперь не знаем, что и думать. Газеты пишут одно, слухи утверждают совершенно противоположное. Англичане с французами высадились в Архангельске и Владивостоке, но отчего-то игнорируют Одессу и Крым. Нашу труппу вдруг охватили политические разногласия. У каждого свои предпочтения: кто вдруг оказался кадетом, кто монархистом, а кто и эсером. Спорят тихо, чтобы не привлекать к

себе ненужного внимания (эпизод с обыском еще не забыт), но ожесточенно. Впрочем, это к лучшему. По моему мнению, в актерской среде непременно должны бурлить какие-то страсти. Они делают игру более выразительной.

Мой недруг А. М. выкинул фортель. Устроил скандал, обвинив Е-Б. во всех мыслимых и немыслимых грехах, в первую очередь в нечутком отношении к актерам, и заявил о своем уходе. Пока Е-Б., не ожидавший ничего подобного, лепетал об обязательствах и контрактах, А. М. успел хлопнуть всеми дверями, попавшимися на его пути. Выйдя на улицу, он поднял вверх руки и выразительно проклял нашу труппу, Е-Б. и симферопольский Дворянский театр (именно в такой последовательности). Я недоумевала, что могло послужить истинной причиной скандала, в глубине души радуясь тому, что труппу покинул самый неприятный для меня человек. Мне, как и всем, было ясно, что дело тут нечисто и истинная причина ухода А. М. кроется не в Е-Б. Павла Леонтьевна разъяснила мне суть. Оказывается, А. М. предложили выгодный ангажемент в Одессе. Нечто подобное я и подозревала. А. М. из тех, кто способен удавиться за копейку. Правило «Кошерный грош лучше трефного золотого» – не для него. Хорошо, что А. М. есть кем заменить и наши спектакли не пострадают. Я оценила предусмотрительность Е-Б., который подобрал труппу столь искусно, что каждому всегда найдется замена. Теперь Лопухина будет играть И. Н., милый, добрый и очень застенчивый человек.

Встретила мою знакомую по Таганрогу С. И. Она в трауре. Ее муж погиб. Мне очень жаль С. И. Мне жаль всех, и тех, кто погиб, и их родных. С. И. собирается уезжать в Румынию, в Констанцу, к родственникам. Настроение у нее подавленное. Она предрекает всем нам скорую погибель. Понимая ее состояние, я тем не менее считаю, что она сильно сгущает краски. В душе моей теплится надежда на то, что все образуется. Безумие, охватившее Россию, не может длиться долго. Люди могут увлекаться разными идеями, но только до тех пор, пока они не увидят, к какому хаосу приводят эти увлечения. Я никогда не понимала смысла войн. Разве нельзя договориться по-хорошему? К тому же договариваются одни, а воевать приходится другим. Не знаю, что и думать. Никто не знает. Никто не понимает, что с нами будет дальше. Вчера поссорилась с И. Невероятно, но наш кудрявый поэт оказался рьяным социалистом, чуть ли не большевиком. Он начал рассказывать мне про эксплуатацию, пытался доказать, что хозяева обирают своих работников, присваивают себе их труд. Во мне проснулась купеческая дочь. Это совершенно несвойственное мне амплуа, но И. своими разглагольствованиями сумел задеть

меня за живое. Мой отец, при всей суровости его характера, всегда относился к своим работникам хорошо и ничего не присваивал. Платил всегда столько, сколько было обещано, и рассчитывался в срок. И. в ответ на это начал городить какую-то несусветную чепуху, доказывая мне, что мой отец все равно присваивал себе что-то, иначе бы нам не на что было жить. Мне этого не понять. Если человек вкладывает капитал, открывает фабрику или магазин, то разве он не должен иметь от этого выгоды? Если не должен, то какой в этом смысл? Пустой гешефт не гешефт, а слезы. Слово за слово, мы поругались. Я обозвала И. разными нехорошими словами, за которые мне сейчас стыдно. Вдруг И. нес всю эту чепуху только для того, чтобы произвести на меня впечатление? Мало ли чего не наговорят мужчины в надежде прослыть оригиналами? Достаточно вспомнить, какие глупости изрекали с умным видом кавалеры моей сестры. У мамы доставало терпения на то, чтобы выслушивать их с серьезным видом, а я начинала смеяться, и меня прогоняли. Мне было обидно. Я же не сделала ничего плохого, только смеялась. При случае помирюсь с И. Это очень легко сделать. Достаточно попросить его прочесть собственные стихи (долго упрашивать не придется) и похвалить какую-нибудь рифму. Творческие натуры так падки на лесть… Я не исключение. Даже когда чувствую, что мне расточают незаслуженные комплименты, все равно радуюсь. Павла Леонтьевна говорит, что это от того, что я еще «не накушалась», не пресытилась славой. Не уверена, что когда-нибудь смогу ею пресытиться. Слава, как и деньги, не может быть избыточной.

Тетрадь подходит к концу. Пора заводить новую. Хоть я и не собиралась вырывать листы, но кое-какие все же пришлось вырвать. Меня увлекло ведение дневника. С удовольствием перечитала написанное. Нынешняя сумбурная жизнь располагает к тому, чтобы записывать свои впечатления. Многое к этому располагает.

Тетрадь вторая

10 октября 1918 года. Симферополь

В Симферополе стало холодно и голодно. Дует зябкий ветер, покупать приличную провизию становится все труднее и труднее. Сейчас говорят не «покупать», а «добывать». Тата приходит после своих «маркитанских вылазок» (выражение Павлы Леонтьевны) и перечисляет все, что ей удалось добыть. Приносит она немного. Готовит уже не по выбору, а из того, что есть, из того, что удалось добыть. Поговаривают, что немцы скоро уйдут. Они и впрямь стали какие-то не бравые, потеряли весь свой былой лоск. Впрочем, сейчас все потеряли свой былой лоск. Спектакли проходят при полупустом зале. Кругом уныние. Я тоже поддалась общему настроению. У меня апатия. Забросила работу над Машей. Играю кое-как, без воодушевления. Даже записи делать не хочется. Стоило ли портить новую тетрадь?

2 ноября 1918 года. Симферополь

Немцы уходят. На смену им никто не торопится. Вместо Сулькевича теперь будет какой-то Крым. Это не каламбур, а фамилия. Крым из караимов, и зовут его Соломоном Самуиловичем. И., с которым я давно помирилась, рассказал мне, что Крым – сын бывшего феодосийского городского головы и что на него местные жители возлагают большие надежды. А еще он рассказал, что Крым долгое время сожительствовал с одной дамой, врачом-окулистом, а когда она от него ушла, женился на француженке. Эти сведения отчего-то расположили меня к Крыму. Мой отец никогда не жаловал караимов и не вел с ними дел, говоря, что с теми, кто не признает Талмуда[55], нельзя иметь дела. Впрочем, отец и с варшавскими евреями старался не вести дел, несмотря на то что они так и сыплют цитатами из Талмуда. Его излюбленная фраза: «Варшавяне хороши только для варшавян». Видимо, кто-то из варшавян когда-то его сильно подвел или крупно обманул. В наше время остается только мечтать о том, чтобы все разногласия между людьми сводились к тому, хочется ли им читать Талмуд или нет.

11 ноября 1918 года. Симферополь

Французы, англичане и греки высадились в Севастополе. Французов больше всего, они уже успели добраться сюда. Французы ведут себя гораздо приветливее, чем немцы. Сразу чувствуется, что это не враги, а союзники. Галантность также выгодно отличает их от немцев. Все убеждены, что французы и англичане, объединившись с Деникиным, быстро наведут порядок в стране. Мне уже безразлично, кто именно наведет этот порядок, главное, чтобы он был. Я устала от непонимания происходящего, от бесконечного роста цен, от обилия военных на улицах, от бесконечных споров, от напрасных ожиданий. Такое чувство, будто я вижу чрезмерно затянувшийся дурной сон. «Разбудите меня, пожалуйста! Я хочу проснуться!» – говорю я Павле Леонтьевне. Она грустно улыбается и говорит, что тоже хотела бы проснуться году этак в 12-м. Те времена сейчас кажутся нам сказочными, а ведь прошло всего шесть лет. Уже невозможно представить, что всего шесть лет назад не было ни войн, ни революций. А я, глупая девчонка, роптала на то, что живу скучной, неинтересной жизнью. Сейчас я живу совсем иначе, но совершенно этому не рада. Скука скуке рознь. Кому нужно такое веселье, когда много змирот[56], но мало лапши? Я всегда считала себя возвышенной натурой, которой нет дела до заурядных благ, но, как оказалось, без этих заурядностей никакая возвышенная натура не сможет парить в облаках. С горькой усмешкой вспоминаю о том, как я «бедствовала» в Москве, регулярно получая деньги из дому. Это мне так казалось, будто я бедствую. Какой же наивной дурочкой я была! Сердце мое сжимается от тягостных предчувствий, а голова раскалывается от непонимания того, что происходит вокруг. Искренне завидую людям с сильным характером, таким как, например, С. И. Нашей Тате тоже завидую. Ее чистая душа не принимает плохого всерьез и старается не замечать. Это не простодушная наивность, а нечто большее. Из таких, как Тата, как мне кажется, выходят праведники. Завидую ее спокойствию. Уму и таланту Павлы Леонтьевны тоже завидую. Хорошо, когда у человека есть нечто, помогающее ему пережить тяжелые времена. У меня ничего такого нет. Разве что любовь к театру? Но эта любовь однобокая. Я безумно люблю театр, но мне непонятно, любит ли он меня. Что толку в такой любви?

19 ноября 1918 года. Симферополь

Вчера прямо под нашими окнами стреляли. Один офицер, штабс-капитан, убил другого, поручика. Штабс-капитан ехал в

коляске. Увидев идущего по тротуару поручика, он достал револьвер и начал стрелять. Всадил в несчастного несколько пуль. У него вся грудь была в крови. Потом хотел застрелиться сам, но прибежавшие на шум офицеры отобрали у него револьвер. В толпе говорили, что причиной убийства стала дама. Если один офицер ни с того ни с сего среди бела дня стреляет в другого, то возможны две причины: дама или кокаин. Я не понимаю, как офицер может пасть так низко, чтобы убить своего соперника вот так, по-разбойничьи, неожиданно. Впрочем, люди все больше и больше сходят с ума. Жизнь человеческая, эта высшая драгоценность, ничего не стоит. С наступлением темноты лучше не высовывать носа из дому. Ограбят или убьют, а вероятней всего, сначала убьют, чтобы потом ограбить. Это новая мода. Нынче грабители не требуют отдать им деньги и ценности под страхом смерти. Они сначала убивают, чтобы потом без помех обчистить труп. Стреляют в спину или, подкравшись, бьют по голове чем-то тяжелым. Могут и ударить ножом. За нашей О. К. гнались два мужика с топорами, когда она сдуру вздумала возвращаться из театра домой в одиночестве. Обычно мы просим мужчин проводить нас. Но с О. К. была особая история. Подозреваю, что она задержалась в театре с нашим старым любезником Е-Б. В его кабинетике все располагает к утехам. Удобный диван со множеством подушек, портьеры на окнах, мягкий ковер на полу. На столике всегда стоит ваза с фруктами и несколько графинчиков с настойками и коньяком. Выказывая свое расположение к кому-то (преимущественно то бывают женщины), Е-Б. приглашает к себе и угощает рюмочкой. Меня он ни разу не угощал, но с О. К. постоянно что-то обсуждает за закрытыми дверями. Все понимают, какого рода эти «обсуждения». Видимо, в тот вечер голубки повздорили (характеры у обоих вспыльчивые) и О. К. демонстративно ушла одна. О. К. наивна до изумления. Она верит, будто Е-Б. ее любит, и возлагает на их роман большие надежды, начиная с венца и заканчивая столичной сценой. Как бы не так! Е-Б. никогда не женится на ней. Таких наивных дурочек у него было столько, что можно вести счет на дюжины. «Любви капля, а слез море», – говорили у нас дома про такие романы. Что же касается столичной сцены, то где она сейчас, эта сцена? Петербург с Москвою в другой стране. О. К. может утешаться тем, что уже играет на столичной сцене, ведь Симферополь нынче тоже считается столицей.

3 декабря 1918 года. Алушта

В Симферополе нечего есть. Все стоит баснословных денег. По совету И., у которого везде в Крыму есть знакомые, мы «снарядили обоз» (выражение Павлы Леонтьевны) в Алушту за рыбой. И. сказал, что в Алуште недорого можно купить превосходную вяленую рыбу и сушеную мелочь для супа. Эту мелочь, которой прежде брезговали даже бедняки, продают в Симферополе не ведрами и не мешками, а фунтами, словно икру. Тата варит из нее изумительный суп, который Павла Леонтьевна называет «ивановской ухой». На вид суп неказист, потому что рыба разваривается, но сытен, а лавровый лист придает ему щекочущий нос аромат. С. И. предсказывает, что скоро в Крыму и лаврового листа станет недоставать. Мне трудно в это поверить, но разве могла я два года назад предположить, что стану питаться разваренной сухой рыбешкой? Моя былая московская «стесненная» жизнь представляется мне сейчас роскошной, а обеды в фуфмистерских[57] Лукулловыми пирами. Несмотря на помощь из дому, я пыталась жить экономно, так, будто никакой помощи у меня не было. Жить на свой собственный, пусть и скудный, актерский заработок было очень приятно. Когда человек сам зарабатывает себе на хлеб, его никто этим заработком не упрекнет. В нашем обозе четверо: И., Тата, я и Абидин, наш автомедон[58]. Чтобы чем-то занять себя в дороге, я взяла с собой тетрадь, но не смогла ничего написать. Колесница у Абидина ужасно тряская, а И., увидев тетрадь, решил, что я пишу стихи, и пристал, чтобы я дала ему их прочесть или сама что-то прочитала. Тетрадь пришлось убрать. Сейчас я сижу на телеге в обществе Абидина и жду, пока вернутся И. с Татой. Зимняя Алушта мне совершенно не понравилась. Писать не о чем. Мне почему-то казалось, что в новом месте на меня нахлынут впечатления, потому я и взяла с собой тетрадь. Впечатлений нет. Поездка наша, насколько я уже могу судить, оказалась напрасной. И. ввел нас в заблуждение (или это его ввели в заблуждение). Цены в Алуште незначительно ниже симферопольских, к тому же И. совершенно не умеет торговаться. Он торгуется как мишигенер. С учетом платы, которую запросил Абидин, выгода получается мизерной. Не стоило нам ехать в такую даль, да вдобавок на телеге. Да и дороги в Крыму, совсем недавно такие спокойные, стали небезопасными. Приближение нового года вызывает тревогу. Что он нам принесет? Девятнадцать и девятнадцать. Я совершенно несведуща в толковании чисел, но мне это повторение почему-то представляется зловещим.

10 декабря 1918 года. Симферополь

Еврейская газета зовет всех переезжать в Палестину. На чем, хотела бы я знать? Пароходы уже не ходят. Разве что строить плоты и плыть на них через море? На странице с объявлениями одни шадхены[59]. Молодые вдовы с солидными капиталами, оставшимися от покойных мужей, и очаровательные девушки из приличных семей желают познакомиться с мужчинами… Жаль, что я не мужчина, а то могла бы делать выбор. Вспомнился наш таганрогский шадхен реб Борух с его любимой фразой: «Шадхену положено лгать, без этого дела не сладить».

25 декабря 1918 года. Симферополь

Рождественской атмосферы в городе нет и в помине. Такое впечатление, будто сегодня не праздник, а Тиша-бе-Ав[60]. Все мрачны и поздравляют друг друга словно по привычке, без радости. С таким мрачным лицом сидел за праздничным столом в купеческом собрании мой отец. Благочестивому еврею нельзя праздновать гойские праздники, но для успешного ведения дел нужно бывать в обществе, ведь самые большие дела делаются между жарким и десертом. Отец нашел выход. Он ходил, но не праздновал. Не то чтобы смеяться, даже не улыбался ни разу, не произносил тостов и поздравлений. Если его спрашивали о причинах, отвечал, что дела идут не так хорошо, чтобы веселиться. Мне такое поведение казалось странным. Недаром же говорится, что лапсердак нельзя одновременно надеть и налицо, и наизнанку. Перед кем притворялся отец? Перед Тем, кто все знает, или перед самим собой? И чем плохо веселье, если оно к месту и от души? Если евреям выпало жить бок о бок с другими народами, то почему бы им не повеселиться, когда у соседей праздник? Не по причине праздника, а потому что соседу весело. Отец сам же говорит: «Когда раздаешь деньги в Пурим[61], не смотри, кто протягивает руку, давай не глядя, от чистого сердца».

Ирочка мечтала о елке, и Тата принесла какое-то чахлое деревце, которое мы нарядили тем, что было у нас под рукой: лентами, шарами из цветной бумаги, конфетами, которые Павла Леонтьевна в тайне ото всех сберегла к празднику. Наша елочка неказиста, наше веселье принужденно, наши мысли заняты одним: что будет дальше? Многие надеются на Деникина. Я уже ни на кого не надеюсь. Устала надеяться, устала разочаровываться в своих ожиданиях. Зато научилась пить водку. Никогда не понимала, что люди находят в этом напитке, не имеющем ни вкуса, ни цвета, а только дерущем горло, а теперь поняла, что дело не во вкусе, а в тепле, которое ненадолго

появляется внутри. Пить водку меня научила С. И. Моя добрая Павла Леонтьевна ругает ее за это.

Письма из дома не радуют. В Таганроге еще хуже, чем здесь. Забастовки, тиф, стреляют каждую ночь. К последнему письму приписал несколько строчек отец. «В такое время мы все должны быть вместе. Приезжай», – написал мне он после двух вежливых фраз, посвященных моим успехам. Подумать только! Мой отец оценил мои сценические успехи и едва ли не гордится ими! Не обольщаюсь. Подозреваю, что это всего лишь кусочек колбасы в мышеловке. Отцу хочется, чтобы я вернулась домой. Поняв, что угрозами и проклятьями он своего не добьется, отец решил прибегнуть к лести. Я очень хочу повидаться с родными. В такие времена, как сейчас, родство воспринимается иначе. Не как пустой звук, а как связь, помогающая людям выжить. Но я не могу вернуться домой. Я могу только наведаться. Жизнь моя принадлежит театру. Сколь бы выспренно ни звучали эти слова, для меня в них нет никакой выспренности. Несмотря на все происходящее, люди все же приходят на наши спектакли. Зал неполон, хорошо, если занята половина мест, но половина – это лучше, чем ничего. Самое страшное проклятье для актера – это: «Чтоб ты играл при пустом зале!» Надеюсь, что у нас до такого не дойдет. С. И. советует Е-Б. поставить нечто современное, очень современное. У нее есть на примете автор, написавший пьесу о двух братьях, один из которых монархист, а другой большевик. С. И. уверена, что публике понравится пьеса, затрагивающая столь животрепещущую ныне тему раскола. Е-Б. упорствует, говорит, что, пока он жив, его труппа не станет ставить подобную чушь. Я на стороне Е-Б. Животрепещущее не означает хорошее. Назначение театра не только развлекать, но и просвещать, возвышать, делать лучше. Не стоит жертвовать классикой в угоду сборам. Не исключаю, что С. И. придерживается того же мнения, а ее предложение есть не что иное, как желание помочь бедному юноше, автору пьесы. С. И. если уж принимает участие в чьей-то судьбе, то старается на совесть. Она давала нам с Павлой Леонтьевной прочесть эту пьесу с довольно неоригинальным названием – «Красное и белое». Сразу же приходит на ум «Красное и черное» Стендаля. Мне пьеса не понравилась. Она написана торопливо, небрежно и с чрезмерной напыщенностью.

2 января 1919 года. Симферополь

Заболела Павла Леонтьевна. Лежит в постели без сил, ее лихорадит. Доктор подозревает тиф. Ужасно! Мы с Татой не

отходим от нее. Писать ни о чем не могу, мысли путаются, рука дрожит.

10 января 1919 года. Симферополь

К счастью, у Павлы Леонтьевны не тиф, а инфлюэнца. Ей уже лучше. Первое, о чем спросила она, придя в себя, так это о спектаклях. Мы успокоили ее, сказав, что Е-Б. нашел ей замену и все хорошо. На самом деле хорошего мало. После Рождества зрителей почти нет, обстановка в городе неприятная. Треть нашей труппы разбежалась. Многие откровенно говорят о том, что красные скоро будут в Крыму. На самом деле они еще далеко, но настроения царят пораженческие. Как сказал Е-Б., если с большевиками не покончено до сих пор, стало быть, они представляют собой серьезную силу, с которой приходится считаться. Ах, если бы дело было в одних только большевиках! Новые власти в Крыму решительно ничего не делают. Только поспешили объявить Сулькевича реакционером. Охаять предшественника дело нетрудное. Трудно сделать так, чтобы жить стало легче. Павла Леонтьевна называет нынешнее крымское правительство «временщиками». Они и сами не скрывают того, что находятся у власти временно, но разве это может служить оправданием их бездействию? Но что мне до местных властей и всех властей на земле, если моя милая Павла Леонтьевна идет на поправку. Она уже встает, и глаза ее полны обычного живого блеска. Я счастлива. Все мы счастливы.

17 января 1919 года. Симферополь

Военные творят произвол. По малейшему подозрению людей хватают и сажают в тюрьму. У моей знакомой Р., дочери мирового судьи, гласного городской думы, арестовали мужа по доносу соседа. Несчастный натерпелся страху за те шесть дней, что провел в заключении. Все время к нему в камеру доносились крики истязаемых. В то время, пока невинные люди сидят в тюрьме, в окрестностях города действуют партизаны. Наша вылазка за рыбой в Алушту воспринимается всеми как героическое, отчаянное предприятие. Мы вернулись обратно, не встретив ни грабителей, ни партизан. Сейчас питаемся большей частью тем, что привезли из Алушты.

25 января 1919 года. Симферополь

Красные заняли Киев. Вся надежда на французов, но французы не торопятся воевать с красными. Непонятно, зачем им тогда нужно было высаживаться в России. Сидели бы в своей Франции. С. И. говорит, что в наше время у всех один интерес – нахапать побольше добра. С. И. считает, что единственным верным шагом крымского правительства была бы передача власти Деникину. Деникина С. И. боготворит. Даже повесила у себя его портрет. Меня же совершенно не впечатляет биография этого генерала. Ничем особенным он не отличился[62]. Спасители Отечества представляются мне другими. Такими, например, как Кутузов. Пускай я женщина, пускай я плохо разбираюсь в военных делах, но кое-что я понимаю. В моей идише голд копф[63] нет никакого восторга перед Деникиным. Чувствую, что никакое Отечество он не спасет. Отечество, на мой взгляд, нуждается не столько в спасении, сколько в том, чтобы его оставили в покое. У меня есть свой план спасения Отечества. Надо собрать всех политиков, невзирая на их окраску, и отправить куда-нибудь подальше – в Америку, в Бразилию, в Австралию. Пусть они там благоустраивают пустыни и обживают пампасы.

1 февраля 1919 года. Симферополь

Случайно познакомилась с репортером местного «Еврейского вестника» по фамилии Заговайлов. Предположила, что он может оказаться моим родственником с материнской стороны[64], но он оказался не из Лепеля, а из Слонима. Это одна из главных еврейских черт: искать в каждом человеке еврейские корни, а в каждом еврее – родственника. Мой «кузен» (так я его теперь называю) агитировал меня уехать вместе с ним в Палестину. «Что я буду там делать?», – спросила я. Он не смог мне толком ответить. Павла Леонтьевна, узнав об этом (я рассказываю ей все), сказала, что мне делали предложение и что я совершенно нечуткая особа. Я на это ответила, что предложения делаются иначе и что «кузен» мне совершенно не нравится. Язык у него подвешен неплохо, но всем остальным природа его обделила. Он лысый, плюгавый и неинтересный. Кроме того, я не собираюсь ехать в Палестину. Но здесь сейчас это модно. Все только и говорят о том, куда бы уехать. Настроения мрачные. Не хочется ничего писать.

11 марта 1919 года. Симферополь

В Симферополе хаос. В Севастополе забастовки. Красные взяли Херсон с Николаевым и теперь идут на Одессу и на Крым. Театр закрыт. Настроение такое, что впору искать дерево повыше. Павле Леонтьевне нравится наша еврейская пословица: «Если уж вешаться, то на высоком дереве». Все мы чего-то ждем. Тревога витает в воздухе. Наши скудные запасы подходят к концу. Денег нет, а если бы они и были, то вряд ли бы мы смогли на них что-то купить. На рынке пустует три четверти прилавков. Немногочисленные торговцы не продают свой товар, а меняют. Жалею о том, что не имею никакой «полезной» профессии. В такое время артистам выжить трудно. Надо уметь шить, латать обувь, лудить посуду или делать еще что-то простое и нужное. Завидую Тате. Она мастерица на все руки и не пропадет ни при какой власти. Попросила ее научить меня шитью. В отличие от Павлы Леонтьевны, мне совершенно нечего продавать, а быть обузой я не хочу. Шитьем же, вернее починкой и перелицовкой старых вещей, нынче можно довольно сносно зарабатывать. Надо же что-то делать. Нельзя же сидеть сложа руки и ждать, когда в рот начнут залетать жареные голуби. Нынче выгоднее всего иметь свой огород и какую-то живность, потому что продукты стали на вес золота, но этого у нас нет. Папирос нет никаких. Пробовала курить махорку – мерзость. Добрая Павла Леонтьевна успокаивает меня, говоря, что скоро все изменится к лучшему. Бедная, бедная Павла Леонтьевна! Она сама не верит в то, что она говорит.

1 апреля 1919 года. Симферополь

В Симферополе красные. Мы ожидали страшных боев, готовились к тому, что по домам станут стрелять из пушек, но ничего такого не произошло. Постреляли там, постреляли тут, и вдруг везде запестрели красные знамена. Мы все это время просидели дома, заложив окна перинами и подушками. Дверь забаррикадировали мебелью. Готовились к худшему, но все обошлось. В наших окнах даже все стекла остались целыми, и это хорошо, потому что стекол сейчас не найти. Разбитые окна чинят фанерой, а я так люблю, чтобы в комнатах было светло. Мы с Павлой Леонтьевной уже выходили на разведку. Памятуя былое, я сама оделась попроще, и то же самое посоветовала Павле Леонтьевне, и сделала нам по красному банту, для чего безжалостно обрезала по низу портьеру. Павла Леонтьевна была испугана моим варварством (только она может переживать о каких-то старых портьерах, когда вокруг творится черт знает что).

Но я отрезала немного, и Тата тотчас же подшила место отреза. Портьеры были выцветшими, так что банты наши получились блеклыми, но они нас сильно выручили. Встречаясь с нами, солдаты сразу же обращали внимание на банты и не делали нам дурного. Мы для них были свои. Некоторые даже пытались с нами заигрывать. Мы хихикали как можно глупее и говорили что в голову взбредет, следя при этом не столько за смыслом сказанного, сколько за тем, чтобы говорить простым народным языком. Павла Леонтьевна, мой эталон орфоэпии, прекрасно владеет народными говорами, причем разными. С равной убедительностью она может изобразить как малороссийскую крестьянку, так и русскую. Переняв у меня кое-что из выражений, она может сыграть и старую еврейку.

Итоги нашей вылазки оказались неутешительными. Все магазины разграблены, в театре хозяйничают какие-то солдаты, на Базарной площади митинг. Мы послушали немного, но ничего не поняли. Узнали только, что теперь главным в Крыму будет брат Ленина[65]. У большевиков свой календарь, такой же, что и в Европе. Я решила, что менять даты в своем дневнике не стану. Как привыкла, так и буду писать. Встретили Е-Б. Он шел в какой-то старой шинели с оторванными пуговицами и в шапке, при одном взгляде на которую мне захотелось подать ему копеечку. Наш вид (а мы выглядели не лучше) тоже удивил его. Мы зашли в первую же подворотню и там шепотом обменялись впечатлениями. Е-Б. (вот же проныра!) нашел среди красных знакомого, какого-то влиятельного начальника. Он не назвал ни его имени, ни должности, но дал понять, что это большой чин. Большой чин сказал Е-Б., что театру большевики придают большое значение, что в Петербурге, Москве и других городах, находящихся у красных, театры работают, дают спектакли. Это нас немного приободрило. Поглядим, что будет дальше.

Красные заняли не весь Крым. Белые засели в Керчи. Мнения разделились. Одни считают, что красные легко разобьют белых, другие уповают на иностранную помощь. Е-Б. сказал, что французы поспешили домой, потому что на их кораблях едва не произошла революция. Крымское правительство бежало вместе с казной. Крым в полном смысле этого слова был оставлен на произвол судьбы. Я вспомнила одного поэта (не И.), который убеждал меня в том, что Крыму, населенному многими нациями, которые никогда не смогут договориться между собой, непременно нужен конкистадор, который железной рукой наведет здесь порядок[66]. Непонятно, кто станет этим конкистадором. Красные ведут себя так, будто они пришли навечно, но события последних лет уже показали, что слово «навечно» лучше забыть.

Только теперь я поняла, насколько приятной была наша прежняя скучная жизнь, которую я от недостатка ума презрительно называла «унылым мещанским бытием». Ах, как скучно! Всякий день одно и то же! Сейчас же, если бы встретила бы себя шестнадцатилетнюю, то надавала бы ей (то есть себе самой) подзатыльников. Обидно терять нечто хорошее, но втройне обидно сознавать, что я этого хорошего не ценила. Но нескучная жизнь виделась мне совсем иной. То, что происходит сейчас, не могло привидеться и в страшном сне. Права была мама, когда говорила отцу, что война добром не кончится. Отец в начале войны питал большие надежды. Он надеялся, что победа (тогда в победе мало кто сомневался) раскроет перед ним новые возможности, и, кроме того, он сумел получить огромный сапожный подряд. Как он сам говорил, «на целую армию». Приятели завидовали отцу, а мама плакала. У нее были предчувствия, которые сбылись. Иногда прислушиваюсь к себе: вдруг во мне тоже таится пророческий дар? Но мой внутренний голос молчит. А мне так бы хотелось наперед знать будущее.

7 апреля 1919 года. Симферополь

Павла Леонтьевна и Тата были в церкви (С. И. болеет). Они очень боялись выходить из дому, но все же пошли. Ходили слухи, что большевики непременно устроят на Пасху что-то ужасное. Станут бросать куличи с яйцами в грязь, избивать всех выходящих из храмов и пр. Говорили, что в Феодосии красные стреляли из пулеметов по колоколам. Я не хотела отпускать Павлу Леонтьевну и Тату, боялась больше них. Немного успокоилась, только когда увидела, что наши соседи тоже идут с ними. К счастью, ничего не случилось. Только на обратном пути им встретилась толпа, поющая революционные песни и размахивающая красными знаменами. Ходит шутка, что у большевиков потому-то и нет мануфактуры, что они всю ее переводят на знамена и пишут на ней лозунги. Какая мануфактура! Яиц к Пасхе купить нельзя, не то чтобы мануфактуру. Когда-то через знакомых приобретали контрабандные товары, а теперь через знакомых приходится покупать яйца. Тата покупала яйца где-то на окраине, по протекции одной знакомой женщины. Иначе бы ей яиц не продали. На рынке пусто. Магазины не работают. Торговать никто не осмеливается – боятся, что товары отберут, не заплатив денег. Грабежу придумали красивое название – «экспроприация».

16 апреля 1919 года. Симферополь

Дом, в котором мы снимали жилье, забрали под какое-то учреждение. Всех выгнали на улицу. В прямом смысле не выталкивали из комнат. Мы ушли сами, после того как увидели на дверях грозное объявление о том, что все жильцы должны покинуть дом к означенному сроку. За неисполнение приказа (как и всех приказов новой власти) полагается расстрел. Не желая дразнить лихо, мы съехали первыми. Павла Леонтьевна рассудила верно. Рано или поздно все доходные дома вместе с гостиницами будут отобраны у их владельцев. Поэтому правильнее будет снять не комнаты в номерах и не квартиру в доходном доме, а две комнаты в каком-нибудь небольшом домике. Небольшие дома на одну семью вряд ли станут отбирать. Так выйдет не только спокойнее, но и дешевле. Экономить мы вынуждены нещадно. Трясемся над каждой копейкой. Начав свои поиски с относительно приличных мест, мы постепенно дошли до Салгирной слободы, населенной самой простой публикой. Мы ходили вчетвером: Павла Леонтьевна, я, С. И. и Ирочка – а Тата осталась дома сторожить вещи. Повсюду нам почти сразу же отказывали, даже не выслушивали толком. «Нет! Нет! Ступайте!» С. И. предположила, что нас с Павлой Леонтьевной принимают за дам легкого поведения, а ее за нашу мадам. Но я предполагаю, что дело было не столько в нас, сколько в нынешних временах. Никому неохота пускать к себе незнакомых людей, а то, что мы актрисы, скорее настораживает людей, чем располагает их к нам. Ведь мы играли в театре, который назывался Дворянским, а само это слово у красных считается преступным. Наконец нас пустила на постой одна семья. Мы наняли две недавно побеленные комнаты, дали задаток и договорились с хозяином о том, чтобы он перевез наши вещи. Наш хозяин из рабочих, он служит мастером на консервном заводе, и это обстоятельство придает нам уверенности. При красных в доме пролетария чувствуешь себя спокойнее. Хозяин с женой живут вдвоем, детей у них то ли нет, то ли они живут отдельно. Это тоже хорошо, потому что нам нужна тишина для работы над ролями. Я удивляюсь себе! Удивляюсь своей наивности, если это можно так назвать. Кругом хаос, в нашем театре большевики проводят свои собрания, а я думаю о работе над ролями. Но я не могу о них не думать. Театр, пьесы, роли – все это выше того, что происходит. Если предположить, что я больше никогда не выйду на сцену, то остается только одно – лечь и умереть, потому что жить без театра незачем. С. И. пугает нас тем, что придется играть в коммунистических пьесах. Мы не знаем, каковы эти пьесы, и ни

одной из них не видели в глаза. Павла Леонтьевна просит С. И. прекратить, та изощряется в своих предположениях пуще прежнего. Ее изощрения столь гротескны, столь грубо-бесстыдны, они настолько расходятся с ее аристократическим обликом и аристократическими же манерами, что мы невольно начинаем смеяться и разгадываем коварный план С. И. Ей хотелось нас рассмешить, для этого она и завела этот разговор. Учусь у С. И. остроумию. Учусь начинать за упокой и заканчивать за здравие. Учусь невозмутимости, с которой С. И. произносит свои остроты. Я уже поняла, что серьезный вид добавляет шутке пикантности. Если шутник начинает смеяться первым, то это никуда не годится. Я искренне благодарна судьбе, которая свела меня с такими людьми, как Павла Леонтьевна и С. И. Счастлив тот, кому повезло с учителями. Нынче трудно называть себя счастливой, но, применительно к нынешним временам, я могу сделать это. Я счастлива, хотя мое счастье могло бы быть и более ярким. Но я не унываю. В последние дни я воспрянула духом. Я так молода, у меня еще все впереди, меня посетило чувство, что со мной все будет хорошо. Павла Леонтьевна радуется произошедшим со мной переменам. Унывать грешно, говорит мне она и спрашивает, что по поводу уныния говорят евреи. Я отвечаю, что евреи, по моему мнению, самый неунывающий народ на свете, но про уныние в десяти заповедях ничего не сказано. Но я плохо разбираюсь в этом. Возможно, что где-то в Талмуде и сказано об унынии.

25 апреля 1919 года. Симферополь

К нам приходил Е-Б. Говорил, что большевикам нужны маленькие труппы, в три-четыре человека, которые станут ездить по Крыму, в том числе и по батальонам с полками, декламировать революционные стихи и показывать отрывки из пьес. Всем нам страшно подумать о том, чтобы в такое время куда-то ездить. Мы живем не очень далеко от городской окраины, и наша хозяйка (она сразу же сдружилась с Татой) каждый день пугает нас очередной порцией страшных новостей.

Город очень сильно изменился. Совершенно не пахнет весной. Все вокруг серое, хмурое. Небо тоже хмурое. Очень тревожно. Все ждут, что со дня на день высадятся французы или англичане. В немцев никто не верит, у немцев дела плохи, и им не до Крыма.

Нас всех зарегистрировали и выдали продуктовые карточки. Карточки есть, а продуктов нет. Тата варит крапивные щи. Видела

во сне родителей.

2 мая 1919 года. Симферополь

С приходом красных И. куда-то исчез, а вчера нашел нас на новом месте и рассказал, что устроился в контору с непроизносимым названием, в которой печатают листовки. Принес одну со своими стихами. Я не сразу поняла, что это стихи. Никакой рифмы, совсем нескладно. Не смогла скрыть своего разочарования. И. обиделся, отобрал у меня листовку и сказал, что это особенные стихи. Их надо слушать, а не читать. Прочел сам, читал очень громко, почти кричал. На слух стихи звучали еще хуже, но я похвалила, чтобы не расстраивать И. окончательно. Новые времена, новые порядки, даже поэзия новая. Ничего не понимаю. Немного завидую И., который смог легко приспособиться к этой новой жизни. Наша инженю О. К. попыталась куда-то устроиться, но у нее не получилось. В театре проходят собрания, одно за другим. Е-Б. обещает скорый ангажемент. Какой ангажемент? Мы никому не нужны и не знаем, что нам делать. Уехать невозможно и не на что.

Тата слышала, будто в Ялте был погром. Газеты не выходят, на митингах о положении дел не рассказывают, только твердят, что советская власть в опасности, кругом одни враги. Ходят слухи, что белые перешли в наступление. Уже шестой год мы следим за тем, кто наступает, а кто отступает! Шестой год! Будь прокляты все войны на свете! Уже невозможно поверить в то, что когда-то я сама считала, что война с немцами закончится нашей победой через один или через два месяца. Какой же наивной я была!

3 июня 1919 года. Симферополь

Бедная Павла Леонтьевна совершенно не чувствует себя именинницей. Тата сберегла к этому дню вишневую наливку, мне удалось достать коробку печенья, а у запасливой С. И. нашелся шоколад. Гостей не ждем. Сейчас никто не ходит по гостям, да и вряд ли нашим хозяевам придется по душе шумная актерская компания. Кроме того, мы живем в таком месте, где по вечерам страшно ходить.

20 июня 1919 года. Симферополь

Симферополь вместе со всем Крымом снова «побелел». С. И. шутит, что у нас нынче полосатая жизнь. То красная полоса, то белая, а если хорошенько присмотреться, то становится понятно, что все они черные. Белые вернулись, мы даем спектакли, но публика уже не та, что прежде. Никакого лоска, никакого шика. В офицерах уже днем с огнем не найти той бравой молодцеватости, которая мне нравится. Все какие-то уставшие, запыленные. Таких и прежде хватало, но между ними мелькали бравые. Сейчас же бравых нет совсем. Офицеры гуляют с дамами в нечищеных сапогах. Это я к слову, а не с осуждением. Не станет же офицер сам чистить сапоги перед входом, а все чистильщики сапог вдруг куда-то исчезли. Наш все знающий Е-Б. говорит, что чистильщики были шпионами красных, поэтому и ушли вместе с ними, но я не верю в то, что все чистильщики могли быть шпионами. Предполагаю, что при красных они остались без заработка, вот и разошлись кто куда. Многие ушли из Симферополя. За пределами столицы легче прокормиться. Нам некуда идти. Нас держит театр. Красные оставили театр в ужасном состоянии. Зрительный зал загажен, кресла сломаны, обивка разодрана. Занавес (он на наше горе был красным) разодрали на знамена. Декорации разбиты. Е-Б. сокрушался, что не успел вывезти декорации, но я не представляю, куда бы он их мог увезти. Исчезли все люстры. Если на дверях нет ручек, это еще полбеды. Часто и самих дверей нет. Гримерные пропахли портянками и махоркой. Их приспособили для проживания при помощи тех самых недостающих дверей. Дверь кладется на два стула и получается кровать. В коридоре мне под ноги бросилась огромная крыса. От моего вопля она подпрыгнула и убежала. В театре прежде никогда не было крыс. Зданию всего восемь лет, оно содержалось в порядке. Точно так же не было крыс и в нашем таганрогском доме. Когда у отца спрашивали о причине (у соседей крыс было много), он отвечал, что крыса, подобно человеку, не живет там, где нечем поживиться. Не собирайте по углам объедки, держите в порядке подвалы, и у вас тоже не будет крыс. Ужасно боюсь крыс. Теперь буду ходить и шарахаться от каждой тени. Больше всего боюсь увидеть крысу на сцене. Решила, что стану сильно топать ногами. Громкий топот распугивает крыс. В театре сильные сквозняки, много разбитых окон, на стенах следы от пуль. На мой взгляд, мало что может быть ужаснее следов от пуль на стенах театра.

Е-Б. сумел добиться приема у генерала Шиллинга[67]. Не представляю, как ему это удалось. Генерала тронуло бедственное положение театра и нашей труппы. Он дал распоряжение отремонтировать театр, а также распорядился выдать нам немного денег и, что самое ценное, продукты (крупы, консервы,

сухари), чтобы поддержать нас до открытия сезона. Мы чувствуем себя Крезами. Сердечно распрощавшись с нашими хозяевами, мы переехали обратно. В доме, из которого нас выселили, располагалось какое-то солидное ведомство, потому что здесь не пахнет портянками и махоркой и довольно чисто. Мебель другая, но комнаты те же самые, и это вызывает ощущение того, что жизнь начинает налаживаться. Я очень дорожу такими ощущениями. Стараюсь находить их повсюду, где только можно. Открылась кондитерская – жизнь налаживается, извозчиков стало больше – жизнь налаживается. Очень хочется, чтобы жизнь наконец-то наладилась. Как только заработала почта, отправила письмо в Таганрог.

В нашей труппе ожидается пополнение (так мы шутим). Наша инженю О. К. оказалась в интересном положении. Мы гадаем, кто мог быть отцом ребенка. Одни подозревают Е-Б., другие же нашего Р., который принимает большое участие в О. К. Я не считаю участие признаком отцовства. Доброта Р. общеизвестна. Узнав, в каких обстоятельствах оказалась О. К., он решил ей помочь. Тяжелым временам не удалось окончательно истребить человечность в людях. Но вынуждена признать, что разного рода невзгоды ожесточают сердца. На днях я увидела на улице мужчину, поразительно похожего на моего отца всем: и лицом, и статью, и походкой. Сходство было настолько велико, что я забежала вперед, заглянула ему в лицо и, когда поняла, что ошиблась, горько расплакалась. Я плакала посреди тротуара, а люди обходили меня, и никто, кроме полицейского, не спросил, что со мной произошло. O tempora! O mores![68]

18 июля 1919 года. Симферополь

Стараюсь лишний раз пройти мимо нашего театра, чтобы полюбоваться тем, как его приводят в порядок. Пишу слова «наш театр» с таким чувством, будто я родилась здесь в гримерной и выросла за кулисами. Окончательно вернулось желание репетировать и работать над ролями. Когда театр был у нас отобран, это желание исчезло. Не хотелось говорить с Павлой Леонтьевной о ролях и обо всем, что связано с театром, потому что сразу же вспоминалось, что театра у нас больше нет. А теперь хочется. Я словно родилась заново. На душе легко. Репетирую Машу, постоянно о ней думаю. С. И. утверждает, будто я выучилась пить водку для этой роли. Оттого что я много думаю над ролью, нередко отвечаю Павле Леонтьевне невпопад. Когда она удивляется, отшучиваюсь тем, что евреи всегда отвечают

наоборот. Им говорят: «Шолом-алейхем», они же отвечают: «Алейхем-шолом». Павлу Леонтьевну это смешит. Мы возвращаемся к жизни и смеемся по любому поводу.

21 августа 1919 года. Симферополь

В газетах пишут, что после взятия Харькова с Киевом Деникин собирает силы для того, чтобы идти на Москву. Мне, несмотря на все пережитое мною, до сих пор непривычно читать о том, что русская армия пойдет на Москву. Чувствую себя участницей какого-то чудовищного в своем безумии grotesque[69]. Мечтаю о том, чтобы скорее кончился весь этот ужас. «Южные ведомости» называют Деникина «спасителем отечества». Совсем недавно спасителем отечества был Корнилов, до него – Брусилов и еще кто-то. Несчастное мое Отечество. Спасителей у него много, только спасения нет. Я совершенно не понимаю того, что сейчас происходит. Даже Павла Леонтьевна, чей ум много острее моего, не может ничего объяснить. «Люди сошли с ума», – без конца повторяет она и винит во всем войну. По мнению Павлы Леонтьевны, война, растянувшаяся на годы, пробудила в людях низменное, одновременно заставив забыть о возвышенном. Удивляюсь тому, что в людях могло скрываться столько низменного.

Получила письмо из дому. Рада тому, что все живы и здоровы. Несмотря на то что в Таганроге находится ставка Деникина, там неспокойно. Более неспокойно, чем у нас. Мы переписываемся на русском, потому что боимся, что иначе письма не пропустит цензура. Мама пишет намеками, но мне ясно, что в Таганроге едва ли не каждый день что-то происходит. В Симферополе сейчас стало тихо, но эта тишина имеет нехорошую подоплеку. Много арестов, случаются облавы, говорят о расстрелах и о том, что тюрьмы переполнены. К нам домой приходил офицер из контрразведки. Вежливо, но настойчиво он интересовался нашими знакомыми, спрашивал, нет ли среди них кого-то, кто служил у красных. Я вспомнила об И., но, разумеется, ничего не сказала. С приходом белых И. куда-то исчез.

Деникин занял Киев. Е-Б. снова получил для нас продукты. Наш художник Ж. не помнит себя от счастья, потому что Е-Б. удалось достать ему краски и все прочее, что нужно для декораций, включая и несколько штук[70] полотна. Спасибо доброму генералу. Е-Б. уходит от прямого ответа на вопрос о том, где он раздобыл все это богатство, но подозреваю, что без ген. Шиллинга здесь не обошлось.

3 сентября 1919. Коктебель

Деникин идет на Москву, а мы с Павлой Леонтьевной уехали на несколько дней в Коктебель. Павла Леонтьевна сказала, что ей хочется к морю, хочется, как она выразилась, «освежить душу». И мы поехали. Мы здесь вдвоем. Ирочка приболела и осталась дома под присмотром Таты, а С. И., почувствовав, что нам хочется побыть вдвоем, сослалась на недомогание и тоже осталась дома. С учетом ее любви к морскому воздуху, то была огромная жертва. За сущие гроши мы сняли дачу (дачи нынче необыкновенно дешевы) и целыми днями гуляем у моря. Видели нашего друга М. [71] Ожидали, что он пригласит нас к себе в гости (поэты непременно приглашают, чтобы прочесть свои новые стихи), но он почему-то нас не пригласил, хоть и был с нами очень любезен. Павла Леонтьевна предположила, что у М. тайно поселилась какая-то женщина. М. – сердцеед из тех, кто не выставляется напоказ. Он мастер тайных дел, чего стоит его проделка с поэтессой-монахиней[72]. Я слышала, будто он масон. Павла Леонтьевна всегда щедро делится со мной воспоминаниями, но здесь, в Коктебеле, ее щедрость превзошла все границы. Она словно переживает свою жизнь заново, вспоминает смешное и грустное. Мы вместе смеемся или плачем. Павла Леонтьевна нашла очень точное выражение. Душа действительно освежается здесь, у моря. Мы глядим на море и думаем о том, что море было до нас и будет после. Любуемся красотой, смеемся над чайками, которые так потешно ныряют за рыбой, говорим громко, стараясь перекричать шум волн. Здесь никого нет и никто, кроме чаек, нас не слышит. Оттого что мы говорим громко, появляется ощущение какой-то первозданной свободы. Такое чувство, будто кроме нас нет никого в целом мире. Павла Леонтьевна мечтает о том, как по приезде мы войдем в приведенный в порядок театр и увидим новые декорации. Ж. работает над ними столь одержимо, что сутками не выходит из театра и требует того же от своих помощников. Павла Леонтьевна хотела, чтобы сезон открылся «Вишневым садом», но Е-Б. с Р. решили, что первой надо пустить веселую комедию, и потому сезон откроется «Ревизором», в котором Павла Леонтьевна играет Анну Андреевну. Мне дважды пришлось побывать на заменах Пошлепкиной, Р. понравилось, как я ее играю. Роль маленькая, но выразительная. Моя слесарша похожа на нашу кухарку Фейгеле. Та тоже любит жаловаться. Втайне мечтаю сыграть Марью Антоновну, но понимаю, что никто мне этой роли никогда не даст. Даже интересное положение О. К. не поможет. Е-Б. уже нашел ей замену. А. Н. – актриса из Петербурга, которая играла там у Пионтковской (мне доводилось

бывать в «Пассаже»)[73]. Меня удивляет ее смелость. Не каждая опереточная актриса отважится стать актрисой драматической. Точно так же, как я не отважусь играть в оперетте. В каждом жанре свои особенности. Но, возможно, нашу новую инженю толкнул на такой шаг голод. Мы с ней толком еще не успели познакомиться и не поняли, что она за человек. На репетициях она ведет себя замкнуто. Р. много репетирует с ней наедине, готовя ее к роли. Остальным членам труппы «Ревизор» хорошо знаком («как дедушкин ночной колпак», говорит Павла Леонтьевна), поэтому они не нуждаются в частых репетициях. А. Н. снимает комнату где-то у Госпитальной площади. Мы надеемся, что на банкете, посвященном открытию нового сезона, у нас будет возможность узнать А. Н. лучше. Она появилась в Симферополе недавно, в июле. Бывшая инженю О. К. ужасно переживает. Ей не хочется оставлять сцену. Она боится, что «после» Е-Б. не возьмет ее обратно. Я полагаю, что ее опасения напрасны, место для нее всегда найдется, и вдобавок до этого «после» еще так далеко. Возможно, мы к тому времени уже вернемся в Москву, а А. Н. – в Петербург. Все мы полны надежд.

Наше товарищество теперь называется «Театром актера». Это глупое название придумал Е-Б. и навязал его всем нам. Слово «товарищество» ему кажется неуместным, потому что оно сразу же напоминает о «товарищах». Мы с Павлой Леонтьевной считаем, что если уж так хотелось сменить название, то можно было бы придумать и нечто более остроумное. «Театр актера» звучит так же глупо, как «Булочная булочника» или «Конюшня конюха». Мы иронизируем по этому поводу постоянно. То, проходя мимо рыбака, у которого в ведрах плещется улов, Павла Леонтьевна улыбнется и скажет: «Рыба рыбака», то я укажу рукой на лодку и скажу: «Лодка лодочника». Хуже всего то, что в народе наше новое название переиначили на свой лад сразу же после того, как были расклеены первые афиши. Нас называют «актерским театром». Когда я слышу такое, мне хочется с разбегу удариться головой о стену. У Е-Б. напрочь отсутствует воображение.

5 сентября 1919 года. Коктебель

Сегодня Павла Леонтьевна вдруг поинтересовалась моим мнением об «Осенних скрипках»[74], сказав, что сама собирается играть там. Я сразу же поняла, что она «примеряет» меня на роль Верочки, и испугалась. Как я могу играть Верочку, если противостоять мне на сцене (а это именно противостояние и есть)

будет сама Павла Леонтьевна в образе Варвары Васильевны? Это невозможно! В других пьесах я могу играть вместе с Павлой Леонтьевной, но ведь там не идет речь о противостоянии, о соперничестве дамы и девушки, матери и дочери (пускай даже и приемной) за любовь молодого человека! Павла Леонтьевна, заметив мое замешательство, вынудила меня выложить ей все как есть и долго смеялась над моей наивностью. А после сказала, что ей было бы очень интересно посостязаться на сцене с такой талантливой актрисой, как я. Как можно! Я разволновалась пуще прежнего. Я же видела Жданову[75] в роли Верочки! Несравненную Жданову! Павла Леонтьевна на это улыбнулась обычной своею лучезарной улыбкой и ответила, что когда-нибудь и обо мне скажут «несравненная Раневская». Если я не буду праздновать труса. Как тут не праздновать? Я пребываю в растерянных чувствах. Нет, все же Верочка не моя роль. Она же еще и прелестная, а меня даже спьяну прелестной назвать трудно. Да и где это видано, чтобы одна и та же актриса играла Пошлепкину и Верочку? Это все равно что играть Ларису из «Бесприданницы» и Кабаниху из «Грозы»! Хорошая актриса должна уметь воплощать разные образы, но иметь такие противоположности в своем репертуаре невозможно. Моя добрая Павла Леонтьевна сказала, что между моими Маргаритой и Шарлоттой тоже нет ничего общего, но этот пример меня не убедил. Я убеждена, что каждый должен браться за то, что ему по силам. «Нет, нет и нет, – сказала я. – Верочку я играть не стану! Пусть мне отрежут голову, все равно не стану!» Голову мне резать никто не собирается. Павла Леонтьевна поняла мое настроение и не стала настаивать. Я смотрела на волны и вспоминала тот день, когда смотрела «Скрипки» в Художественном театре вместе с Е. Г. После спектакля я рыдала навзрыд (тогда я была скорая на слезы), а Е. Г. меня утешала и не могла понять, что меня так огорчило. Е. Г. обладает удивительной способностью отделять сценическое от жизненного. Она может похвалить игру актеров, она способна получить удовольствие от спектакля, но плакать она не станет, потому что все происходящее на сцене есть для нее ненастоящее. А для меня настоящее. Если герой или героиня умирает, то я умираю вместе с ним или с ней. Моя впечатлительность безгранична. Так же, как и моя наивность.

28 сентября 1919 года. Симферополь

Получила письмо из дому. Мама пишет, что в Таганроге сплошной азохенвей[76]. Отец, по старой памяти, немного

заработал на армейских подрядах, но интенданты задерживают расчеты, а деньги тем временем обесцениваются. Насколько я поняла, интенданты рассчитываются с отцом недавно появившимися «колокольчиками»[77]. Лучше бы рассчитывались франками или фунтами. Родители по-прежнему зовут меня в Таганрог, но я не могу сейчас приехать. Подозреваю, что мне могли найти там какого-нибудь жениха. Очень уж настойчиво меня приглашают домой. Написала, что сейчас не смогу приехать, и пообещала приехать весной.

Сезон открыт. Пока что, как и полагается в самом начале, у нас аншлаг за аншлагом. Поглядим, что будет дальше. Скоро мне предстоит первый раз выйти в «Чайке». С Р. у меня установилось дружеское взаимопонимание. Он наконец-то начал видеть во мне достойную собеседницу и уже не учит меня (что, должна признаться, безумно нервировало), а советуется со мной. Р. очень нравится моя привычка записывать всю работу над ролью. Павла Леонтьевна говорит, будто он мною очарован. Моя добрая, милая Павла Леонтьевна! Она так добра, она так меня любит, что ей хочется, чтобы все были мной очарованы. Увы, я совершенно не умею очаровывать. Могу разочаровать, могу испугать, но очарование – это не по моей части. Ах, как бы мне хотелось очаровывать! Ходить легкой походкой, пленять взглядом, расточать улыбки налево и направо… Увы, даже воздушные платья не делают меня воздушной. Всякий раз, когда пытаюсь польстить себе, примеряя не подходящие для меня наряды (я давно уже перемеряла все наши костюмы), вспоминаю пословицу о козле, которого борода не делает ребе[78].

Жизнь понемногу возвращается в старое русло. На улицах даже появились чистильщики обуви, к старым магазинам добавляются новые. На Дворянской близ театра появился чудесный старичок-букинист. Захожу к нему едва ли не ежедневно пошелестеть страницами. Я люблю читать, мне нравится запах книг, но в нынешних условиях я не могу позволить себе их приобретать. Бродячая жизнь совершенно к этому не располагает. Я всегда очень жалела о том, что у нас дома не было хорошей библиотеки. Добрый букинист знает, что я ничего не куплю, но все равно приветлив со мной и даже предложил мне брать книги домой почитать. Я благодарю его контрамарками. Он завзятый театрал. С. И. шутит, что у меня наконец-то появился любовник. Я загадочно молчу. Порой молчание выглядит более смешным, нежели самый остроумный ответ. Недавно С. И. сказала Павле Леонтьевне, что у меня «наточился язычок». Горжусь этим комплиментом, как орденом.

16 октября 1919 года. Симферополь

Моя Маша принята публикой благожелательно. Павла Леонтьевна, Е-Б. и Р. хвалили меня. Я и сама довольна, хотя и была в шаге от провала. Проклятый А. М., мой давний недоброжелатель, игравший Тригорина, устроил мне каверзу. В начале третьего действия в графине вместо привычной воды оказалась водка. От неожиданности я поперхнулась и чудом сдержала кашель. Со стороны все выглядело так, словно я лихо крякнула. Пронесло. Зрители ничего не заметили. После спектакля я пришла в гримерную к А. М. с намерением лишить его жалких остатков волос и как следует украсить царапинами его свинячье рыло. Увы, едва завидев меня, он убежал, а затем прислал ко мне В. В. в качестве парламентера. В. В. напомнила мне о старом правиле, согласно которому над актерами, впервые вышедшими в новой роли, полагается подшучивать. Мой гнев к тому времени остыл, и, кроме того, А. М., убежав, признал свое поражение, поэтому я его простила. Как-нибудь отомщу А. М. Подсыплю ему в вино перцу. Иногда я бываю ужасно злопамятной и невероятно мстительной.

30 октября 1919 года. Симферополь

Целый месяц газеты только и писали о том, что Деникину осталось пройти до Москвы двести верст, а Юденич уже в Петербурге (мне ужасно не нравится слово Петроград, что за глупая манера давать городам, особенно столицам, новые имена?). Все только делали, что заключали пари на то, когда Деникин въедет в Кремль. С. И. качала головой и говорила, что газеты поднимают шум тогда, когда нужно что-то скрыть, и не очень верила бодрым статьям. Павла Леонтьевна также скептически относилась ко всему этому agiotage[79]. Как оказалось, верно. Газеты вдруг перестали считать версты и начали писать о каких-то гениальных стратегических замыслах. Очень похоже на то, что писалось в 16-м. Слово в слово, только названия городов другие. Мне вдруг пришло в голову сравнение с маятником. Обстановка меняется подобно качанию маятника. Туда и сюда. То наступают красные, то наступают белые. Сколько еще будет качаться этот сеющий гибель маятник? Я хочу, чтобы он остановился поскорее.

Вчера наша новая инженю А. Н. праздновала именины. Мы удивляемся тому, откуда у нее столько средств, чтобы в наши дни устраивать пиры на три дюжины человек в ресторане? Не хочется

повторять сплетни, но еще недавно ходили разговоры о том, что А. Н. привело в нашу труппу отсутствие средств к существованию. Я догадываюсь (вернее, все мы догадываемся), что сказочку о бедственном положении А. Н. сочинил наш Е-Б. Он прекрасно понимал, что актриса, да еще и опереточная, упавшая к нам с неба (другого выражения я подобрать не могу), не будет принята с радостью. Половина наших актрис мечтает об амплуа инженю. Даже В. В. мечтает. Не мечтает только наша компания – Павла Леонтьевна, С. И. и я. Расчет Е-Б. поначалу оправдался. Мы приняли А. Н. без особой теплоты, но и не холодно. Очень скоро выяснилось, что она человек неприятный, себе на уме, да еще и с чрезмерными претензиями. Играет, кстати, живо, страстно, но переигрывает. Впрочем, мужчинам это нравится, когда бюст от волнения ходит ходуном или юбки задираются выше допустимого. Хуже всего то, что А. Н. возомнила себя primus inter pares[80] и позволила себе выпад в сторону Павлы Леонтьевны, но была тотчас же одернута. Павла Леонтьевна в высшей степени деликатна и не любит раздоров, особенно в нашей актерской семье. Поэтому она не стала раздувать из уголька пламя, а погасила его. Но погасила так, что даже недалекой А. Н. стало ясно, что повторять попытку не стоит. Я прозвала А. Н. Примусом. Говорю, что у нас есть Прима (Павла Леонтьевна) и Примус. Мы собирались проигнорировать именины А. Н., но Е-Б. от своего имени попросил Павлу Леонтьевну непременно присутствовать. Мы просидели за столом столько, сколько велели приличия, а потом ушли, провожаемые фривольными куплетами на французском в исполнении именинницы. Должна признать, что подобные куплеты даются ей лучше всего. Это тот самый случай, когда характер и внешность полностью соответствуют образу. Мужчины мнят себя умными, проницательными, хитрыми и пр., но все их хваленые качества (зачастую мнимые) разбиваются о глубокий вырез и высоко задранную юбку. Даже Р. столь откровенно пялил глаза на декольте А. Н., что та сочла нужным изобразить смущение. Кроме нашей труппы поздравить А. Н. явились офицеры (по виду – штабные), товарищ городского головы и несколько видных горожан. Оценив собравшихся, С. И. многозначительно заметила на это, что ласковый теленок двух маток сосет. Павла Леонтьевна покачала головой, но ничего не ответила. Предчувствую, что мы еще хлебнем лиха с нашим Примусом. Мне эти именины напомнили пир во время чумы. Уж очень ненатурально все веселились, а тем, кто не принуждал себя, было совсем не весело.

Грустное совпадение: в день именин А. Н. у ее предшественницы О. К. случились преждевременные роды.

Ребенок родился мертвым. Бедная О. К. Мы все жалеем ее. У нее здесь нет никого из близких, исключая отца ее ребенка, чье имя нам по-прежнему остается неизвестным. С. И. взяла ее под свою опеку.

10 декабря 1919 года. Симферополь

Красные заняли Киев. Я уже сбилась со счету, сколько раз там менялась власть. Представляю, насколько пострадал этот прекрасный город. Вспоминаю наши поездки в Киев. Было время, когда я колебалась с выбором места для начала своей актерской карьеры. Выбирала между Петербургом, Москвой и Киевом. Киев манил меня близостью и обилием театров. Уж в каком-нибудь из них мне наверняка найдется место, мечтала я. Кое-кто из знакомых советовал мне поступить в музыкальную школу Лысенко[81], где обучались не только музыканты, но и актеры. Надежд на Киев было много, но все решил Московский Художественный театр, связанный с двумя именами, которые я произношу с благоговением, с Чеховым и Станиславским. Я мечтала о чуде, о том, что мои способности поразят Станиславского и я буду допущена в святая святых. Верно говорят, что пьяный-то проспится, а вот дурак не поумнеет. Я мечтала до тех пор, пока жизнь не дала мне как следует по голове, так, чтобы в ушах зазвенело. Под этот звон я простилась со своими иллюзиями, но я ни о чем не жалею. В Москве я познакомилась с прекрасными людьми. Цепь событий, начавшаяся в Москве, привела меня к встрече с моей дорогой Павлой Леонтьевной. О Петербурге же я всерьез, пожалуй, и не задумывалась. Он пугал меня своим столичным величием.

В Симферополе паника. Каких-то два месяца назад Юденич подходил к Петербургу, а Деникин к Москве. Теперь же красные взяли Киев. Е-Б. собрал нас всех для того, чтобы обсудить, что нам делать дальше. На деле обсуждать нечего. Нам некуда уезжать. За границей без средств мы станем нищенствовать. Мы далеки от того, чтобы рассчитывать на то, что в Константинополе или Констанце кому-то может понадобиться наш театр. Даже если мы станем играть на французском (что трудно, но все же возможно сделать), публика к нам не пойдет. К тому же мы не сможем увезти с собой декорации. По слухам, пароходы из Севастополя отплывают перегруженными и при том билета на них не купить. Кто пустит нас на пароход с декорациями и прочим нашим скарбом? Я склонна предполагать, что Е-Б. собрал нас для того, чтобы укрепить наш дух.

Бедняжка О. К. поправилась и снова выходит на сцену. Е-Б. поделил роли пополам между нею и А. Н. Обе инженю недовольны. Я считаю, что Е-Б. поступил справедливо. В нужный момент в нем просыпается истинно соломоновская мудрость. От противостояния двух инженю в труппе создается некоторая нервозность. Но Павла Леонтьевна убеждена, что скоро все устроится наилучшим образом. А. Н. не из тех, кто прощает обиды (а Е-Б., по ее мнению, сильно ее обидел). Павла Леонтьевна убеждена, что А. Н. скоро нас покинет.

Р. предложил мне сыграть Верочку в «Осенних скрипках». Не понимаю, в чем дело. То ли Павла Леонтьевна, не сумев убедить меня, дала мне время на размышления и решила, что будет лучше вернуться к этому разговору при помощи Р., то ли Р. заговорил об этом по своему почину. Так или иначе, но я отказалась. Но отказалась хитро, как и полагается дочери моего отца. Удачно вставила в разговор фразу о том, что хотела бы переиграть всего Чехова, прежде чем обращаться к другим драматургам. Моя пылкая любовь к Чехову известна всем. Никто не осмеливается в моем присутствии плохо отозваться о моем великом земляке. Р. задумался (он очень смешно трет рукой нос, когда думает) и сказал, что можно попробовать меня в «Трех сестрах». «Неужели я буду Анфисой?» – пошутила я. Р. посмотрел на меня так, будто у меня волосы превратились в змей, и ответил, что хотел бы, чтобы я попробовала сыграть Наташу или Ольгу. Я сидела как пораженная громом и не верила своим ушам. Ольгу? Ольгу? Я произнесу со сцены слова, над которыми вечно рыдаю навзрыд? «О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем… Если бы знать, если бы знать!» Написала сейчас по памяти, не понимая, что пишу эти слова на бумаге, а не произношу со сцены. После разговора с Р. эти слова звучат в моей душе не умолкая. Вот такая я торопыга. Еще ничего не решено. Р. только высказал мнение, причем со словом «или», а я уже запрягла лошадей и мчусь вперед! Но черт с ним! Даже если я никогда не сыграю Ольгу, мечтания об этом украсят мою жизнь. Кажется, еще немного, и мы узнаем… Эти слова как нельзя лучше подходят к нашей нынешней жизни. Когда мой отец не знает, как ему поступить (изредка такое случается), он достает из шкафа «Морэ невухим»[82], раскрывает наугад и, не глядя, тыкает

пальцем в одну из строк. А потом ищет в том, на что указал палец, подсказку. Я же обращаюсь к Чехову. Чехов – мой наставник и утешитель. Если я не нахожу у него ответа на вопрос о том, что мне делать, то утешение я получаю всегда. В бытность мою в Москве мне часто приходилось слышать споры о том, что есть искусство. Сама я в них участия не принимала, робела высказывать свое мнение, но неизменно удивлялась тому, о чем спорят умные на вид люди. Искусство – это воздух, без которого невозможно жить. Искусство – это жизнь, а не украшение жизни. Я не могу передать словами чувства, которые охватывают меня при мысли об искусстве, но главную свою мысль, самую суть, мне передать удалось.

30 декабря 1919 года. Симферополь

Павла Леонтьевна вздыхает: что за Рождество без снега и настоящей большой елки? Ей хочется прокатиться на санях, погулять по зимнему лесу. Я ее понимаю. Сама бы не прочь прокатиться, а зимний заснеженный лес люблю невероятно. От него так и веет волшебством. Увы, далеко не все наши желания исполнимы. Хорошо, что хотя бы некоторые исполняются. Павла Леонтьевна ласково попеняла мне за то, что я отказалась от Верочки, и сразу же похвалила, сказав, что моя разборчивость делает мне честь. Мне и самой не нравятся актеры, хватающиеся за любую предложенную роль, следуя правилу: «Лишь бы побольше».

О ролях. Вдруг захотелось сыграть Ларису в «Бесприданнице». Так сильно захотелось, как в детстве хотелось шоколаду. Когда у меня украли в Евпатории кошелек (как давно это было!), я сразу же вспомнила свои детские набеги в буфет за шоколадом. Воровство есть воровство. Меня извиняет только мой малый возраст. К двенадцати годам я уже себе такого не позволяла, было стыдно. Шоколад люблю до сих пор. Брежу Ларисой. Хожу и повторяю: «Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить, когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь. Как хорошо умереть, пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть. Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне! Хворать долго, успокоиться, со всем примириться, всем простить и умереть. Ах, как дурно, как кружится голова». С. И., услыхав, что я жалкая и несчастная, не сразу поняла, в чем дело, и принялась горячо меня утешать. Узнав же правду, она посоветовала мне выбросить Ларису из головы, сказав, что этот образ Островскому не удался

совершенно. По мнению С. И., если Островский намеревался показать слабовольную женщину, запутавшуюся в паутине роковых обстоятельств, то пересластил. Если же хотел показать глупую женщину, то пересолил. С. И. не нравится вся пьеса. Паратов ей кажется опереточным, Кнуров, как она выражается, «чаврый». Я не слышала прежде такого слова и не знала, что оно означает. Оказалось, что «чаврый» – это невзрачный, неказистый. Запомнила. Единственным действующим лицом, не вызывающим замечаний С. И., является Евфросинья Потаповна. «Она живая, а все остальные будто из папье-маше сделаны», – говорит С. И. Мне никогда не хотелось сыграть Евфросинью Потаповну, но тут я задумалась, потому что привыкла доверять опыту С. И. и ее чутью. Кроме того, она говорила очень убедительно, по обыкновению своему, дополняя слова энергичными взмахами лорнета. Ларису играть расхотелось. Теперь она мне не нравится. Завела разговор о «Бесприданнице» с Павлой Леонтьевной. Она сказала, что хоть эта пьеса не относится к числу ее любимых произведений Островского, но она все же не настолько плоха, как представляется С. И. Но думать о ней мне отсоветовала (во всяком случае, в настоящее время), поскольку у Р., по выражению Павлы Леонтьевны, «пять пальцев на руке и пять пьес Островского в голове». Это «Последняя жертва», «Гроза», «Без вины виноватые», «Волки и овцы» и «На всякого мудреца довольно простоты». Других он не признает. Островский, мол, не Чехов и не Гоголь, у которых все пьесы блистательно хороши.

Колчак отрекся от титула Верховного правителя России в пользу Деникина. Деникина продолжают называть Главнокомандующим. Красные взяли Царицын и теперь идут на Красноярск и на Ростов. Из дому давно нет писем. Волнуюсь невероятно. Вчера мы с Павлой Леонтьевной и Ирочкой взяли карту и попытались нанести на нее расположение красных и белых. Возможно, мы что-то упустили, потому что новости доходят с запозданием, а кое о чем газеты намеренно умалчивают, но все равно видно, что успех сопутствует красным. Я помню, как газеты называли Царицын «ключом к России». Теперь этот ключ в руках большевиков. Павла Леонтьевна обратила мое внимание на одно обстоятельство. Пока в Симферополе были красные, о белом подполье не было слышно. Стреляли только грабители. Сейчас же мы то и дело слышим о партизанах. Кроме того, большевики дают о себе знать в Симферополе. То нападут на штаб, то застрелят какого-нибудь генерала, то расклеят по городу листовки. В последней из виденных мною листовок было написано, что весна в Крыму будет красной. Мне сразу же привиделись реки крови, текущие по

улицам. Но я согласна с Павлой Леонтьевной в том, на что она мне намекала. С. И. вдруг стала англоманкой. Она убеждена, что только англичане способны навести порядок в России. Я с этим не согласна. Порядок в доме наводится жильцами, а не гостями. Да ведь и кого только у нас не перебывало – немцы, французы, греки, англичане, японцы на Дальнем Востоке – а что толку?

1 января 1920 года. Симферополь

Начался двадцатый год двадцатого века. «Беспокойный век», – вздыхает Павла Леонтьевна. Да, беспокойный. То с японцами воевали, то с революционерами, то с немцами, а теперь белые воюют с красными. Я задумалась над тем, в какое время мне хотелось бы жить, и не смогла ответить на этот вопрос. Должно быть, потому, что вопрос этот глупый.

4 января 1920 года. Симферополь

Красные взяли Таганрог. Узнала, что в Москве умерла С. Плакала навзрыд. Мне очень ее жаль. Сильно переживаю за родителей и брата. Чем дольше длится война, тем больше жестокости с обеих сторон. От войны люди превращаются в зверей. Надеюсь на то, что мои успели покинуть Таганрог перед приходом красных. Отец всегда был предусмотрительным, а Таганрог белые сдали не сразу. Были бои. Видела всех во сне. Мама плакала, брат улыбался, а отец читал газету и лишь изредка выглядывал из-за нее. Потом мама перестала плакать, и мы с ней и Яшей начали оживленно беседовать, перебивая друг друга, по еврейскому обычаю, но, проснувшись, я не смогла вспомнить ни слова из того, что было сказано. Осталось только какое-то неясное тревожное ощущение того, что о самом важном мы так и не успели поговорить. Мои сны часто оставляют чувство недосказанности, обрываются на самом интересном месте. Недавно мне снилось, будто мы с Е. Г. гуляем по бульвару и она вдруг начинает рассказывать о своем детстве. Мне очень интересно, потому что Е. Г. мне об этом никогда не рассказывала. При всей своей разговорчивости она старается избегать излишней откровенности. Я с интересом начала слушать. И что же случилось? За окном закаркала ворона и разбудила меня. С некоторых пор у меня очень чуткий сон. Уже не представляю, как когда-то я могла засыпать под музицирование моей сестры.

21 января 1920 года. Симферополь

Из Таганрога нет никаких вестей. На улице всматриваюсь в лица прохожих. Лелею надежду встретить кого-то из земляков, кто мог бы рассказать мне о родителях и брате. Думая о брате, волнуюсь особенно сильно. У него нет такого проницательного ума, как у отца, нет отцовского жизненного опыта, и он самый вспыльчивый из нас. Фельдманы все, что порох, взрываются от одной искры, но Якову и искры не требуется. Встретила только одну знакомую из Ростова, которая уехала оттуда еще в декабре. Она рассказала, что с конца осени ни у кого не было сомнений в том, что Ростов будет сдан красным. В Симферополе тоже царят пораженческие настроения. О Москве и Петербурге уже никто не мечтает. Мечтают о том, чтобы сохранить Крым. Предсказывают раскол России, при котором Крым, Дальний Восток и Кавказ останутся у белых, а все прочие территории у красных. Надеются на Англию, на Японию, на Америку, на Турцию… Разве что только на Мексику с Бразилией не надеются. Газеты пишут, что вот-вот, на днях, Европа предъявит большевикам грозный ультиматум или покончит с ними. Ох, как бы большевики не покончили с Европой. В них чувствуется какая-то магическая сила. Я уже не верю ни в ультиматумы, ни в то, что кто-то решится всерьез воевать с большевиками. Хотели бы, так давно бы сделали. Да и кого мы можем считать верным союзником? С французами была война сто лет назад, с англичанами пятьдесят лет назад, с японцами и немцами совсем недавно. О турках, на чью помощь здесь кое-кто сильно рассчитывает, я и вспоминать не хочу. Они наши извечные враги. Все эти «союзники» живут по пословице: козы веселятся, когда стригут овец. Что для нас плохо, то для них хорошо. Тьфу! Пускай пропадут совсем такие «союзники»!

Газеты уже не восхваляют Деникина так рьяно, как прежде. То его славили как Мордехая[83], а теперь просто пишут: Главнокомандующий сделал то-то и то-то, без славословий. Встречаются и нападки, но завуалированные. Все газетные статьи внимательно прочитываются цензорами. Г. И. Ацинтов, тот самый, кто первым написал обо мне (мы давно познакомились), жалуется на то, что даже о спектакле или о концерте нельзя написать без цензуры. Цензоры дотошны и подозрительны. Им повсюду мерещатся пораженческие намеки и прочая крамола. Г. И. утверждает, что есть цензор, который безжалостно вымарывает слово «трагедия» вне зависимости от того, о чем идет речь – о фронтовых делах или о театре. Г. И. – большой шутник. Не всегда понимаю, говорит он серьезно или шутит.

Желая увеличить сборы, Е-Б. собрался обновить репертуар. Ему захотелось поставить нечто веселое, легкое, и он не нашел ничего лучше, чем предложить Р. поставить «Льва Гурыча Синичкина»[84]. По его мнению, этот пошлый водевиль, не имеющий ничего общего с искусством, сулит нам аншлаги. Подозреваю, что эту глупую мысль подсказала ему А. Н., которой захотелось блеснуть в роли Лизы[85]. Эта роль вполне по ее мерке, на большее А. Н. не способна. Р. не согласился с Е-Б. и попросил Павлу Леонтьевну поддержать его. Павла Леонтьевна сделала это. «Лев Гурыч» рядом с «Вишневым садом» и «Ревизором» – это нонсенс. Мы в глазах зрителя падем так низко, что больше не поднимемся», – сказала она. Доводы Е-Б. с перечислением театров, в которых ставился «Лев Гурыч», и громких имен, в нем игравших, никого не убедили. Следует понимать, что полвека назад к театру относились иначе, чем сейчас. Е-Б. дошел до того, что сравнил «Льва Гурыча» с «Осенними скрипками», на что Павла Леонтьевна рассмеялась и предложила ему поменьше налегать на водку, от которой в голове появляется туман. Иногда, если ее задеть за живое, Павла Леонтьевна становится очень язвительной. Е-Б. уступил. Наш триумвират решил вместо «Льва Гурыча» поставить гоголевскую «Женитьбу». Мне обещана роль свахи.

1 февраля 1920 года. Симферополь

У нас радость. Мы лишились Примуса. Узнав о том, что Лизу в водевиле ей не сыграть, А. Н. пришла в ярость и при первом же удобном случае (а он не замедлил подвернуться) устроила Е-Б. громкий скандал и заявила о своем немедленном уходе. Е-Б., сильно задетый бесцеремонностью А. Н. (не стану пачкать бумагу, приводя те слова, до которых она опустилась), трагическим жестом указал ей на дверь и рявкнул: «Вон! Скатертью дорога!» О. К. ликует. В той или иной мере рады все. А. Н. никому, кроме Е-Б., не нравилась. Теперь она и ему не нравится. Показала себя с худшей стороны.

12 февраля 1920 года. Симферополь

Ирочке вдруг взбрело в голову расспрашивать меня о детских годах. Я сначала отвечала на ее вопросы, а затем увлеклась воспоминаниями настолько, что стала рассказывать сама. Ирочку очень интересовало, когда я решила стать актрисой. Да сколько я

себя помню, я столько этого и хотела. Моя натура очень изменчива и непостоянна, но любовь к театру у меня стойкая, давняя. С сожалением думаю о том, как бы было замечательно, если бы мои родители разделяли эту любовь и не препятствовали исполнению моего заветного желания. Многому из того, чему приходится учиться сейчас, я могла научиться гораздо прежде. В Таганроге было много хороших актеров, и я могла бы начать брать уроки лет с десяти. Решительно отказываюсь понимать тех, кто считает актерскую профессию недостойной! Какая отсталость!

По-прежнему нет новостей из дому. Павла Леонтьевна утешает меня. Она говорит, что если бы с моими родными что-то случилось, то я бы непременно это почувствовала. Захотелось написать сестре, но я не знаю ее адреса. Надо было на всякий случай спросить у мамы. Сестра с мужем часто переезжают с места на место. Подозреваю, что это от того, что дела у этого «богача» идут все хуже. Отец очень радовался за сестру, считал, что муж, которого он ей нашел, – «настоящее сокровище». Я считала иначе. Мне не нравились ни его внешность, ни характер, ни род занятий. Его приторная любезность в сочетании с настороженным, оценивающим взглядом вызывали неприязнь, хвастливость настораживала, а умение делать деньги на ровном месте вызывало подозрения. Не могу понять, как мой отец, всегда с пренебрежением отзывавшийся о маклерах, решил, что маклер может стать достойной партией его обожаемой старшей дочери? (Я, в отличие от сестры, никогда не была обожаема или хотя бы любима.) Могу предположить, что отцу застил глаза блеск, который исходил от этого хлыща. Некоторые люди, имея в кармане рубль, могут представить себя племянником Ротшильда[86]. Муж моей сестры из таких. Сестре он заморочил голову, отцу пустил пыль в глаза, мать очаровал любезным обращением и умением бойко говорить по-французски. Только на меня он не смог произвести никакого впечатления. Мы с ним сразу же друг другу не понравились (я видела, как он смотрел на меня), но были вынуждены соблюдать политес. Да и какое мне дело до того, за кого вышла замуж моя сестра? Она довольна, и хорошо. Мазлтов![87] Тысячу раз мазлтов!

Деникин отправил в отставку Врангеля[88]. Мало ли кого Деникин как главнокомандующий отправил в отставку, но Врангеля почему-то все жалеют и говорят, что он мог стать новым спасителем Отечества. Мне совершенно не нравится Врангель. Черный барон – это нечто опереточное. Тата давно перестала сетовать на дороговизну и качество продуктов. Учусь у нее умению приготовить сносный обед из того, что есть под рукой. В наши дни не до гелзеле[89] и цимеса[90]. «Было бы что в рот

положить», как выражается наша Тата.

22 февраля 1920 года. Симферополь

После своей escapade[91] А. Н. исчезла. Ходили слухи, будто она уплыла в Одессу, но мы в это не верили хотя бы потому, что Одесса к тому времени уже была у красных. Оттуда бежали в Крым, а не наоборот. Теперь же мы узнали, что с ней стало. Она живет в Севастополе, и у нее роман с тамошним председателем городской думы Слесаревским. Когда только она успела его очаровать?

18 апреля 1920 года. Симферополь

Мой дневник едва не оборвался вместе с моей жизнью. Несколько недель я была на краю могилы, затем долго приходила в себя. Ужасно перепугала всех, потому что у меня подозревали холеру. К счастью, оказалось, что у меня дизентерия. Тоже страшная болезнь, от которой умирают, но холера еще страшнее. Я осталась в живых благодаря заботам Павлы Леонтьевны и Таты, которые самоотверженно ухаживали за мной. Доктор хотел отправить меня в больницу, но Павла Леонтьевна не позволила. Она спасла меня, иначе бы меня положили в холерный барак, где я бы к одному счастью получила бы даром второе, заразилась бы еще и холерой. Представляю, что они пережили, ухаживая за мной. Это только в пьесах тяжелые больные выглядят привлекательно. Они лежат на высоких подушках и тихим голосом отдают последние распоряжения или раскрывают страшные тайны. В жизни все иначе. Моим близким пришлось потесниться, чтобы освободить для меня отдельную комнату, нашу спальню. Когда мне было плохо, Павла Леонтьевна, беспокоясь за меня, наведывалась домой даже в антрактах! А когда я пришла в себя, они с Татой, сменяя друг друга, кормили меня с ложечки, как малое дитя. У меня была невероятная слабость, я лежала пластом и первое время не могла даже сесть без посторонней помощи. Когда в первый раз попробовала встать на ноги, то тут же рухнула. На шум (я вставала тайком) прибежали Павла Леонтьевна с Татой. Они подняли меня, уложили в постель, и Павла Леонтьевна впервые в жизни отругала меня за мое опасное самовольничание. Мне было стыдно, что я их обеспокоила, и еще было стыдно за свою глупость. Я же могла упасть неудачно (с моим-то счастьем),

сломать руку или ногу, и моим добрым ангелам снова бы пришлось со мной нянькаться.

Возвращаться к жизни очень приятно. Каждый день полон удивительных радостных открытий. Смогла пройти несколько шагов, держась за стенку, – мазлтов! Смогла пройти не держась – мазлтов! Ну а когда я впервые за время болезни вышла на улицу, то едва не лишилась чувств от радости. Стояла и смеялась, как сумасшедшая. Люди удивленно смотрели на меня, но я не испытывала никакой неловкости. За время моей болезни в Симферополе ничего хорошего не произошло. Приятная новость всего одна: Р. отложил постановку «Трех сестер», дожидаясь моего выздоровления (теперь уже до следующего сезона). Очень приятно сознавать, что меня ждут в театре. В бреду я чередовала языки, бредила то по-русски, то по-еврейски. Павла Леонтьевна шутит, говоря, что бред мой был хоть и сбивчивым, но правильным. Старание, с которым я впитывала орфоэпию, было не напрасным. Ирочка же поставила меня в крайне неловкое положение, спросив при Павле Леонтьевне и С. И., что по-еврейски означает то-то и то-то слово. Я смутилась, потому что слова были из тех, которые даже мысленно произносить не стоит, и сказала, что это очень плохие слова, настолько плохие, что я не могу их перевести. Из любопытства я спросила у Ирочки, от кого она их услышала. Невинное дитя удивленно посмотрело на меня своими ясными глазами и сказала, что от меня. Оказалось, что если по-русски я бредила высоким слогом, то по-еврейски ругалась, как дворник. Хотела бы я вспомнить, что мне привиделось в том бреду.

Вестей из Таганрога нет. Павла Леонтьевна утешает меня.

Пока я болела, один наш общий знакомый, К. А.[92], педагог и отчасти писатель, удивил Павлу Леонтьевну тем, что оказался еще и драматургом. Он принес пьесу под названием «Грешница». Пьеса понравилась, ее уже репетируют. Павла Леонтьевна играет главную роль (К. А. признался ей по секрету, что писал эту пьесу для нее, он давний ее поклонник). Я рада за Павлу Леонтьевну и мечтаю о том, что когда-нибудь кто-то напишет пьесу для меня. Павла Леонтьевна же не очень довольна. Она считает, что нельзя писать пьесу для какой-то определенной актрисы (или актера). От этого пьесу, по ее выражению, «перекашивает». Грешница, которую играет Павла Леонтьевна, получилась чересчур яркой, а все остальные персонажи бледными. Впрочем, Р. находит, что пьеса хороша, а беда в том, что некоторые актеры стараются недостаточно.

10 мая 1920 года. Симферополь

Я вернулась к жизни полностью – иначе говоря, вернулась на сцену. Сезон можно считать оконченным. Летом (если позволит обстановка) мы намереваемся совершить турне по Крыму. Евпатория, Севастополь, Ялта (как я негодовала, когда ее назвали Красноармейском, и негодовала не напрасно!)[93], а дальше как Богу будет угодно. Пока я болела, отправленный в отставку Врангель занял место Деникина. «Гевалт!»[94] – сказал бы на это отец. Красные воюют с Польшей. Поляки заняли Киев. Одни надеются на поляков, другие на Врангеля. Я ни на кого не надеюсь. Мне надоело надеяться. Я хожу по весеннему Симферополю и радуюсь жизни. Природа, в отличие от людей, безразлична к происходящему. Люди ходят с хмурыми лицами, а деревья цветут точно так же, как цвели семь лет назад. И птицы поют так, как и прежде. Вижу в этом особый, мистический смысл. Я радуюсь весне бескорыстно, а все остальные ждут, когда пойдут овощи и фрукты. Людей в Крыму стало еще больше, с продуктами плохо.

Без даты

Вот и вторая тетрадь подошла к концу. Перечитала кое-что, сравнила с записками Щепкина, с рассказами о себе других людей (например, Павлы Леонтьевны или Е. Г.) и ощутила свое ничтожество. В этом, должно быть, и состоит главная польза моих дневников. Они не позволяют мне впасть в гордыню. Отец был прав, когда заставлял нас вести дневник. Он говорил, что дневник – это контокоррентная книга[95] жизни. Следует регулярно делать записи (отец требовал делать их ежедневно) и подводить по ним итоги. Я не знаю, что означает слово «контокоррентная», потому что не разбираюсь в бухгалтерии, но оно звучное, и потому я его запомнила. Люблю звучные слова.

Прочитала некоторые места Павле Леонтьевне. Хотела повеселить ее своей наивностью, но вместо этого услышала совершенно незаслуженную мною похвалу. Моя добрая Павла Леонтьевна советует мне продолжать вести дневник. Она уверена, что когда-нибудь мои жалкие записки станут фундаментом для интересных mémoires[96]. Я согласна с ней в том, что время, в которое мы живем, необычайно богато событиями. Уверена, что и без меня найдется много желающих их запечатлеть, и совершенно не уверена в том, что когда-нибудь в будущем стану писать mémoires. Делать время от времени коротенькие записи несложно, и большого ума для этого не требуется. Можно писать все, что взбредет на ум. Mémoires же непременно должны

содержать умные мысли, мораль и при том должны быть увлекательными, иначе их никто не станет читать. Conditio sine qua non[97] заключается в том, чтобы быть известной персоной. Кто станет читать mémoires никому не известной актрисы? Если нашей В. В. вздумается написать mémoires, то их никто, кроме актеров нашей труппы, читать не станет. Велика честь писать воспоминания для двух дюжин человек! Много змирот, но мало лапши.

Я вдруг осознала, что мне очень дороги две тетради, исписанные моей рукой. Они словно частицы жизни, которые можно потрогать, можно перелистать. У моего милого букиниста я купила три тетради, чтобы продолжать дневник. Собиралась купить одну, но не смогла устоять перед желанием сделать моему другу «биселе[98] лучший гешефт», как говорили у нас в Таганроге.

Очень надеюсь на то, что очень скоро смогу написать в новой тетради, как получила весточку от родителей. Сердце подсказывает мне, что они живы и брат тоже.

От редакции

Третья тетрадь записей Фаины Раневской была утеряна. Оборвавшись на 10 мая 1920 года по старому стилю во второй из найденных тетрадей, они начинаются в третьей, 7 ноября 1921 года уже по новому стилю. И сама Раневская пишет о том, что тетрадей было четыре (см. далее). Третья по счету тетрадь дневников является четвертой по порядку, поэтому мы так и станем ее называть.

Тетрадь четвертая

7 ноября 1921 года. Симферополь

Пьеса, которую И. сочинил к празднику, невероятно плоха. И Р., и Павла Леонтьевна, и я обращали его внимание на то, что французы, жившие в конце 18-го века, не могли изъясняться словами и выражениями из нашего времени. Вряд ли при штурме Бастилии кто-то мог кричать: «Долой графов и буржуев!» или «Всю власть – трудящимся!». Призыв топить контру в Сене тоже звучит смешно. Кажется, контру во Франции называли иначе. И «топить» – это тоже наше, крымское. И. отговаривался тем, что пьеса в первую очередь должна быть понятна зрителям, которые не блещут грамотностью. Пусть так. Больше всего нас удивило, что революционные французы поют «Интернационал». Им же положено петь «La Marseillaise»[99]. Для достоверности и чтобы внести в наш убогий спектакль хоть немного Франции, я предложила спеть «La Marseillaise» на французском и даже напела засевшее в моей памяти: «Allons enfants de la Patrie, le jour de gloire est arrivé!» Р. пришел в ужас. Мало ли кто что подумает. Вдруг решат, что мы поем что-то контрреволюционное. Его нервозность понятна. Люди страдали и за меньшие «прегрешения». Но это же «La Marseillaise», а не какие-нибудь куплеты! Понимая, что спорить бесполезно, я, тем не менее, немного поспорила. С Р. очень приятно спорить. Он так смешно хмурит брови и дергает себя за нос, что невозможно удержаться от улыбки. Р. на меня не обижается, привык. Премьера прошла хорошо. Впрочем, другого мы и не ожидали. Хлопали нам так, что трясся потолок, «Интернационал» спели дважды: на сцене и со зрителями. Из начальства был только Соболев[100]. Ему понравилось, аплодировал громче всех, а потом забрался на сцену (я никак не могу привыкнуть к новой моде карабкаться на сцену прямо из зала) и поблагодарил нас от имени горкома. В любом доме водятся мыши[101]. Похвалив спектакль, Соболев сказал, что на демонстрации мы прошли вяло. Бесполезно объяснять ему, что нам нельзя громко петь и кричать на воздухе, потому что мы должны беречь голос. Он закатывает глаза и талдычит свое: «Больше энтузиазма, товарищи актеры! Вы идете в авангарде революционной борьбы!» Когда надо громко петь, мы идем в авангарде, когда речь заходит о пайках, мы оказываемся в самом хвосте. К празднику мы получили по костлявой селедке и по красной косынке. Мужчинам достались только селедки. Из

косынок устроили складчину на платье Ирочке. От селедки весь день страдаю жаждой и вспоминаю М., который советовал мне гасить голод водой. Очень хотела бы, чтобы М. пришел посмотреть «На дне» (редко когда фамилия автора так хорошо сочетается с содержанием пьесы!). Я чрезвычайно довольна своей Настей. Давно мечтала сыграть падшую женщину, мечтающую о романтической любви. Горький не Чехов, он неплохой драматург, но ничего священного для меня не представляет, поэтому я нарочно коверкаю имена Настиных кавалеров. Гастоша у меня то Жорж, то Генрих, то Жерар, а Рауля превращаю то в Рудольфа, то в Ромуальда. Павла Леонтьевна всякий раз грозит мне пальцем, а вот С. И., которой эта пьеса не нравится, одобряет мое поведение.

На демонстрации мне показали нового начальника Агитпропа[102] Сойфера. Похож на Чехова – интеллигентное лицо, такая же бородка, носит пенсне. Хотела спросить, не родственник ли он харьковским Сойферам[103], с которыми мой отец вел дела. Помню, как он сердился, когда что-то шло не так. Кричал: «Эти сойферы только бумажки писать умеют[104], а не делать дело!» Но скоро передумала и спрашивать не стала. Вряд ли родственнику таких богачей доверят руководить агитпропом. Сойфер – фамилия распространенная.

20 ноября 1921 года. Симферополь

Снова воюем с клопами. Это какая-то напасть. То вши, то клопы, причем вся эта «насекомая живность», как ее называет наш комендант, день ото дня становится все крупнее и крупнее. Ужасно боимся тифа. Многие, заболев им, умирают. Лекарств нет, даже йода не достать. Для обработки ранок используем необычайно вонючий самогон, который где-то достает Тата (С. И. утверждает, что его делают из птичьего помета). Пить его невозможно, запах такой, что от него живой умрет, а мертвый воскреснет, но он щиплет ранки, а стало быть, действует.

13 декабря 1921 года. Симферополь

К Рождеству, которое теперь не празднуется, мы должны подготовить очередное «прежде и теперь». Никак не могу привыкнуть к нынешней быстроте, все делается очень быстро и очень просто. Примитивность невероятная. И. срочно пишет пьесу из двух актов. В первом акте баре будут отмечать Рождество и угнетать пролетариев, а во втором пролетарии будут петь песни и

кричать лозунги. Барами, как обычно, будем мы с С. И. и А. М. Амплуа барской дочки прилипло ко мне намертво. Все мы сильно исхудали, поэтому А. М. приходится привязывать одну подушку спереди, а другую сзади, ведь барин непременно должен быть толстым. Мне, как дочери, позволительно быть худой, а С. И. для образа барыни достаточно лорнета. К тому же подушки совершенно не вязались бы с ее сухопарым профилем. И. хотел через меня (сам он робеет) попросить М. играть барина. М. едва ли не единственный толстяк в нынешнем Симферополе, а то и во всем Крыму. Полнота его происходит от болезни, а не от обжорства, но все, кто не знает его, считают иначе, и это сильно портит бедному М. жизнь. Даже сильнее, чем его ревматизм. Я посоветовала И. забыть эту глупую идею. М. ни за что не согласится играть в подобных фарсах. И. пытался возражать, лепетал что-то про то, что как член худсовета М. должен понимать, и пр., но я не согласилась и не стала просить М. Пусть И. сам обратится к М. с этой глупой просьбой, если у него хватит духу. Не хватит.

Воскресни Островский с Чеховым, так они бы убили И. за его драматургическую «систему». Станиславский тоже бы убил, хорошо, что они не знакомы. Намеренно взяла это слово в кавычки, потому что системы у И. нет никакой. Есть только желание поразить зрителей. По выражению Р., И. тычет зрителям в глаза растопыренной пятерней. В той пьесе, которую И. пишет сейчас, во время празднования Рождества у стола вдруг подломится ножка. Разгневанный барин надает оплеух недосмотревшему слуге и заставит того лезть под стол, чтобы поддерживать его спиной. Ю. В., которому предстоит играть слугу, кажется, еще не знает о том, что ему придется стать подстольным атлантом[105]. Я еще не забыла того, как Ю. В. назвал меня «облезлым чучелом выдры». Собираюсь пинать его под столом. Нарочно надену для этого остроносые ботинки, в которых обычно играю Шарлотту и Ольгу.

24 декабря 1921 года. Симферополь

В Крыму совсем нечего есть, карточки отовариваются плохо, нормы урезали для помощи голодающим Поволжья. Винят засуху и вредителей. Наши скромные летние запасы закончились. Скудным съедобным подаркам[106] от начальства радуемся, будто манне небесной. С ужасом и сожалением вспоминаю, сколько съестного пропадало у нас дома. Готовилось всегда с избытком, в расчете на то, что могут быть гости. Отец часто приводил на обед

или на ужин тех, с кем хотел обсудить дела. Несъеденное раздавалось или выбрасывалось. «Свиней бы завести», – шутил наш дворник, вынося ведра с «объедками». Сейчас бы нам сюда эти ведра! Хуже всего приходится тем, кто ест только кошерное. Кошерной еды и того меньше. В деревни за продуктами ехать бессмысленно. В деревнях голод еще сильнее, и вдобавок повсюду ловят спекулянтов.

15 января 1922 года. Симферополь

Сойфер такой же непробиваемый упрямец, как и его предшественник. Дубовая голова! Р. попытался получить у него разрешение играть «Осенние скрипки» и «Кукольный дом»[107]. «Дом» Сойфер ставить разрешил, а о «Скрипках» посоветовал навсегда забыть, как о буржуазной эмигрантской пропаганде[108]. Не понимаю, какая пропаганда в «Скрипках». Это же пьеса о любви. Вспомнила, как трудно было отстоять «Вишневый сад» и «Чайку». Но к Чехову отношение иное. Говорят, что он нравится Ленину. Павла Леонтьевна говорит, что я обладаю даром предвидения. Знала, мол, что «Скрипки» скоро сойдут со сцены, потому и отказалась от роли Верочки. Вместо «Скрипок» Р. собирается ставить «Последнюю жертву». Мне предстоит играть Глафиру. У Островского можно ставить что угодно, потому что он высмеивал купцов с дворянами.

24 января 1922 года. Симферополь

Вчера меня вызвали в Кочку[109]. Во время репетиции в театр пришел солдат и принес мне повестку. Солдат был один и вел себя дружелюбно, поэтому я не умерла от страха на месте, а смогла пойти с ним. Но все равно тряслась так, что лязгали зубы. Солдат посочувствовал: паршивое у тебя, товарищ артистка, пальтишко. Да я бы и под тремя шубами все равно бы тряслась. Солдат привел меня к очень вежливому товарищу, явно из интеллигентов. В ушах стучало так, что я не расслышала, как его зовут, а переспрашивать было неловко. Товарищ поинтересовался моим отцом и спросил, знаю ли я о том, где он сейчас, и переписываюсь ли я с ним. Я ждала, что меня когда-нибудь непременно будут спрашивать об отце, но все равно растерялась. Потом ответила, что мне известно лишь о том, что мои родители эмигрировали. В переписке я с ними не состою. Товарищ спросил, почему я не эмигрировала вместе с ними. Я ответила так, как

надо. Товарищ кивнул своей бритой головой и сказал, что если вдруг ко мне придет кто-то от моего отца, то я должна буду сразу же дать знать об этом в ЧК. На том наш разговор закончился. В театр я возвращалась в одиночестве и думала о родителях. Уже почти год прошел с того дня, когда я узнала, что родители вместе с братом уплыли на нашем пароходе в Турцию. Когда закрываю глаза, почему-то вижу не кого-то из них, а Соню и слышу ее голос. Одну и ту же фразу: «Кухарку они забрали с собой». Год назад это прозвучало для меня как упрек. Кухарку забрали, а тебя нет. Соня всегда была язвительной, причем нехорошо язвительной. Ей доставляло удовольствие задевать людей за живое, пряча свои шпильки под маской притворного сочувствия. Нашу общую подругу Д. С. она доводила до слез советами относительно того, как можно избавиться от усиков над верхней губой. Подозреваю, что большинство рецептов Соня придумывала сама. Сейчас я радуюсь за нашу кухарку Фейгеле, потому что за долгие годы пребывания в нашем доме она стала нам родной. Что бы она делала одна в Таганроге? Кому сейчас нужны кухарки? Кухарки нужны там, где нужно готовить настоящие блюда, а сварить картошку каждый может для себя сам. Но тогда я обиделась и ответила Соне так резко, что в глазах ее сверкнула радость от того, что ее шпилька попала в цель. Но я не солгала, когда сказала, что все равно бы осталась здесь. Место русской актрисы в России. Я искренне так считаю. Вот и товарищ из ЧК мне сразу поверил. Я бы не уехала за границу, но мне хочется верить, что перед отплытием отец вспомнил обо мне и пожалел, что меня нет рядом. В том, что так поступили мама и брат, я не сомневаюсь.

20 февраля 1922 года. Симферополь

Мысли заняты только едой. Даже на сцене думаю о еде. Хожу как лунатичка. Вкуса того, что ем, не чувствую совершенно. Соли нет, но не в соли дело. Все равно, что есть, лишь бы съесть что-нибудь. То, что считалось голодом в прошлые годы, было всего лишь репетицией настоящего сегодняшнего голода. Возможность поесть на выездных выступлениях хотя бы жиденькой похлебки воспринимается как дар судьбы. Морковный чай пьется как божественный нектар. Хлеба не купить, а если где и есть, то стоит баснословных денег. Совзнаки[110] обесцениваются быстрее колокольчиков. Давно не писала ничего в дневнике. Сегодня вдруг захотелось написать что-то, но все мысли только о еде. Наверное, надо оставить дневник до тех пор, пока в голове не начнет появляться что-то дельное. Не писать же о людоедстве и

прочих ужасах. Крестьяне забивают последнюю скотину, бросают свои хозяйства и отправляются в города за пропитанием. Не понимаю, кто теперь будет кормить Крым. Надежда только на рыбаков. Для дам сейчас очень выгодно иметь любовника-рыбака. А когда-то мы мечтали о военных и артистах. Когда-то мы мечтали о многом… Хочется вспомнить что-то хорошее из прежней жизни, но вспоминается только прошлогодний паек. Тогда на день нам давали фунт хлеба и два-три фунта крупы в месяц. Электричества нет, керосину нет, согреваемся тем, что попадется под руку. На улицах люди вертят головами по сторонам в поисках чего-то, чем можно топить печку. Некоторое время нас выручал запас бумаги в театре. Там было много старых газет с журналами и кипы не пошедших в расклейку афиш. Свечей тоже нет, мы бережем свой скудный запас и вечерами сидим в темноте. Темный город выглядит настолько страшно, что даже в окно выглянуть боязно. Редкие спектакли становятся настоящим праздником. Репетировать стараемся ежедневно. Театр помогает нам не скатиться в пропасть.

14 мая 1922 года. Симферополь

Уже почти забыла о своем дневнике. Даже когда болела, не оставляла его на столь долгое время. Но весна вернула меня к жизни. Вернее, к радостям жизни. Мои тетрадки – одна из этих радостей. Приятно перечитывать написанное, но еще приятней было думать этой страшной весной, что если я умру, то после меня останется какая-то память. С такими мыслями я и начинала вести свой дневник и веду его уже пятый год. Пятый год! Когда я оглядываюсь назад, мне кажется, будто годы пролетели быстро. Когда чего-то жду – неважно чего: премьеры, весны, первых яблок, – часы тянутся словно годы. Мы все согрелись весенним солнцем и немного отъелись рыбой, которую изредка удавалось достать. Несколько раз с нами делился продуктами М. У него здесь большие связи. Подобно всем добрым натурам, М. испытывает потребность заботиться о ближних. Благородство его души настолько широко, что даже мой давний отказ не служит помехой для нашей дружбы. Когда мы с Павлой Леонтьевной хотим сделать М. приятное (нам этого постоянно хочется), то говорим: «В большом теле большая душа». «И большой ум», – добавляет М., постукивая пальцем по своей вечно лохматой голове.

План наших летних гастролей составлен с таким расчетом, чтобы объехать все побережье. Я рада. После такой тягостной

весны испытываю сильную потребность в морском воздухе. Поесть вдоволь рыбы тоже хочется. Уж и не вспомню, когда я наедалась до отвала. Из зеркала на меня смотрит костлявая физиономия с темными запавшими глазами. Нашла у себя несколько седых волос.

28 мая 1922 года. Симферополь

Театров прибавляется, словно грибов после дождя. Некоторые называются так, что впору хвататься за голову. В Москве есть Опытно-героический театр[111]. Не знаю, что это за театр, но название меня пугает. Есть столько хороших слов: Камерный, Художественный, Драматический и пр. В сравнении с подобными названиями даже «Театр актера» звучит небесной музыкой.

Ловлю себя на том, что стала ворчливой. Ворчливость пугает, поскольку она признак старости. Иногда чувствую себя очень старой.

30 мая 1922 года. Симферополь

Послезавтра уезжаем в Керчь. Поедем через Карасубазар[112], в котором скрывался при белых И. Название «Карасубазар» кажется мне сказочным, хожу и напеваю: «Карасубазар, Карасубазар». И. сказал, что оно переводится на русский как «рынок у черной воды». Из Керчи мы двинемся вдоль моря к Евпатории. Оттуда вернемся в Симферополь. Помимо спектаклей станем давать выездные концерты. Для них заготовлены декламации и несколько коротеньких современных постановок в революционном духе. Мы называем эти постановки «одинарными», потому что они репетируются всего один раз. По правде говоря, там и репетировать-то нечего. Каждому из нас надо что-то декламировать. Р. сначала предложил мне ужасно невыразительное стихотворение про революционный гудок[113]. Прочитав его, я сказала, что прочту «Во глубине сибирских руд». Р. согласился. С ним много проще договориться, нежели с Е-Б. Р. умеет найти выход из самых сложных положений. Когда никто из труппы не захотел играть священника и раввина, которым по сюжету предстояло драться друг с другом, Р. не стал никого принуждать, а убедил Сойфера заменить эту пьеску на другую. Предлог нашел замечательный. Сказал, что раз священник русский, а раввин еврей, то получается антисемитская пропаганда, прикрытая революционной маской. Нынче модно

искать во всем скрытую контрреволюционную пропаганду. Сойфер подумал и согласился, что и вправду нехорошо. Дал Р. другую пьеску, про глупого генерала и его революционного денщика.

О Сойфере. Вчера у меня с ним произошла небольшая стычка. Сойфер считает себя знатоком театра. Подозреваю, что в юности он пытался стать актером или писал пьесы. Он собрал нас для того, чтобы дать нам напутствие в дорогу, но потом вдруг начал критиковать нас. Мою игру он критиковал с особенным удовольствием, хотя как еврейке мог бы сделать небольшую поблажку. Я рассердилась (какой актер не рассердится, когда его игру критикуют профаны?) и на еврейском напомнила Сойферу, что по чужой заднице всегда приятно шлепать. Он осекся, сделал недовольное лицо, но оставил меня в покое. Все спрашивали, что я ему сказала, но я перевела только Павле Леонтьевне.

2 июня 1922 года. Симферополь

С детства ненавижу сборы в дорогу из-за суеты, которой они непременно сопровождаются. Готовились, собирались, но все равно выезд задерживается. Пока все бегают и кричат друг на друга, я присела в углу и достала свой дневник, чтобы записать одну интересную мысль. Театральная тетрадь лежит в багаже, который мне сейчас неохота распаковывать. Я убрала ее туда, чтобы не потерять ненароком, а дневник положила в свой дорожный саквояж, чтобы на всякий случай был под рукой. Пишу мысль, пока не забыла. В последней сцене надо показать испуг Глафиры как можно сильнее. Она должна бояться не только того, что Дульчин сейчас застрелится, но и того, что он может выстрелить в нее. А после того как он вспомнит про вдову Пивокурову, Глафира обрадованно засуетится. Заерзает в кресле, не просто встанет, а вскочит, возможно, что и руки потрет или плечами передернет. Это придаст ее образу красок под самый занавес. Мне очень по душе такие вот неожиданные последние штрихи. Спектакль заканчивается, зрители уже приготовились аплодировать, а я им показываю напоследок нечто новое. Это все равно как, уходя из гостей, при прощании вместо платка нечаянно вытащить украденную ложку. Ложек я не краду, а вот удивлять под занавес мне нравится.

Павла Леонтьевна находит мою игру выразительной. Она говорит, что я стала настоящей актрисой. Иногда шутит, что я окончила театральный университет с золотой медалью. А я чувствую, что никогда не окончу этого воображаемого

университета. Каждая новая роль – все равно что экзамен. Сдаю его и готовлюсь к следующему. И так будет всю жизнь. Актерскому ремеслу невозможно научиться разом навсегда, мы же не сапожники.

10 июня 1922 года. Керчь

Сказочный Карасубазар оказался обычной деревней. Задумалась над тем, какую силу имеют звучные названия. Порадовалась за себя. Я выбрала себе удачный псевдоним, превратившись из крестьянки в помещицу[114]. В Керчи нас встретили хорошо. Рядом с гостиницей – кинематограф. Мы с Павлой Леонтьевной смотрели «Вавочку»[115] и «Под ударами судьбы»[116]. Янова[117] сыграла Вавочку очень выразительно. Долго обсуждали с Павлой Леонтьевной, что будет, когда кинематограф заговорит. Пришли к выводу, что достойной конкуренции театру он никогда составить не сможет. Павла Леонтьевна подобрала очень удачное сравнение. Она сравнила театр с настоящим яблоком, а кинематограф – с бутафорским. Я поклялась, что никогда не стану сниматься в картинах, и покаялась в том, что когда-то, совсем недавно, имела такое желание. Моя добрая Павла Леонтьевна посоветовала мне не зарекаться и сказала, что кинематографом не стоит пренебрегать хотя бы ради известности. Привела в пример Янову. Кто бы знал ее дальше Киева, если бы она не снималась в картинах? Да еще и в скандальных, вроде «Дориана Грея»[118]. Я помню, какой скандал вызвала эта картина. Чего только не говорили о Яновой из-за того, что она сыграла мужчину. Известность Яновой после «Дориана Грея» выросла, но какой ценой! Я сказала Павле Леонтьевне, что мне не хочется такой известности. Я не хочу, чтобы меня осуждали. Я хочу, чтобы мной восхищались. Как Верой Холодной. Вспомнив Веру, мы обе прослезились. Невероятно жаль ее, бедняжку. Погибла такой молодой. Янова, насколько мне известно, эмигрировала.

Выгода наших гастролей в том, что помимо круп и прочего, что выдано нам в дорогу в счет нашего пайка, нам что-то выдают и здесь. Вдобавок приезды и отъезды сопровождаются не только митингами, но и «банкетами». Так, по приезде нас накормили кашей и ставридой. Не сомневаюсь, что накормят и в дорогу. Простота нашего бытия, когда-то невероятно угнетавшая меня и остальных, теперь уже никого не угнетает. Мы радуемся, когда вместо цветов нам дарят селедку. Мы вообще радуемся каждому пустяку. Омрачают эту радость лишь постоянные ссоры,

неизбежные во время гастролей, когда нарушается привычный быт. Казалось бы, всем нам, давно знакомым друг с дружкой и многое испытавшим, следовало быть терпимее, но нет. Давнее знакомство не смягчает вспыхивающие ссоры, а, напротив, подливает масла в огонь. Начав ругаться из-за места в гримерной, люди вспоминают давние обиды, и ссора растет как снежный ком. С. И. часто вспоминает антрепренера Арцыбушеву[119], у которой было строгое правило: за каждое бранное слово, произнесенное в театре (разумеется, вне сцены), артист штрафовался на рубль, а любая ссора обходилась каждому, кто принимал в ней участие, в пять рублей. Хорошо бы и у нас завести такое правило, только штрафы брать не деньгами, а продуктами и табаком. Но наш добрейший Р. с этим не справится. У него прекрасный характер, но твердости ему недостает. А Павла Леонтьевна старается игнорировать все склоки. Ее возвышенная душа их не принимает. Я не раз была свидетельницей того, как она шла на уступки при малейшем намеке на ссору. Некоторые люди этим беззастенчиво пользуются вместо того, чтобы брать с нее пример.

12 июня 1922 года. Керчь

Все мы скептически относились к новшеству, предложенному Р. Новшество заключалось в том, чтобы не возить с собой декорации. Это очень тяжело, громоздко и хлопотно. За зиму и весну мы все обессилели, кроме того, выступать нам приходится в разных местах, и с перевозкой тоже есть трудности. Но совсем без декораций нельзя, считали мы, хоть какие-то декорации должны быть. Иначе непонятно. Но Р. сказал, что гораздо проще перед началом каждого действия рассказывать зрителям, где оно происходит, и что он возьмет это на себя. Р. сослался на китайский театр, якобы там всегда так делают. Мы были недовольны, но декорации находятся в ведении режиссера. На деле же оказалось, что задумка Р. не так уж и плоха. Он очень выразительно описывает место действия, бегает по сцене, машет руками. В эти моменты он похож на большого мудрого ворона. Зрители слушают его словно зачарованные и остаются довольны. Мы шутим, что в следующие гастроли не станем брать реквизит с костюмами. Р. отвечает на это, что тогда он и всех нас оставит в Симферополе, а сам будет ездить один и читать пьесы со сцены. Чтец из него замечательный.

14 июня 1922 года. Керчь

Наши планы изменились. Задерживаемся в Керчи на неделю дольше, чем рассчитывали. Сюда приезжают из Москвы Калинин[120], а из Харькова[121] Петровский[122], они везут продовольствие и хотят увидеть, как обстоят здесь дела. Ожидается грандиозный митинг, а после митинга мы дадим спектакль в честь гостей. Возникли разногласия по выбору пьесы. Уком[123] настаивает на современной пьесе. У нас с этим согласны только И. (он, вне всяких сомнений, надеется, что выбор падет на одно из его творений) и наш главный подхалим Ю. В. Остальным неловко играть перед столичными гостями такой примитивизм. Мы хотим показать «Вишневый сад» или «Грозу». Я хочу, чтобы был выбран «Вишневый сад», потому что Шарлотта нравится мне больше Барыни[124].

16 июня 1922 года. Керчь

Договорились играть «На дне». Р. убил сразу двух зайцев. «На дне» – пьеса хорошая, и для нее несложно сделать декорации на скорую руку. Подвал, похожий на пещеру, обставленный рухлядью, изобразить несложно. Подозреваю, что Р. уже успел пожалеть о своем отказе от декораций. Но кто мог знать, что нам выпадет такая оказия? В качестве реверанса укому, которому хочется революционности, перед спектаклем Р. прочтет «Песню о Буревестнике». Только с его невозмутимым спокойствием можно публично декламировать такую корявую ересь.

22 июня 1922 г. Керчь

Спектакль прошел замечательно. Калинин и Петровский произвели хорошее впечатление. Оба – интеллигентные люди и держались просто, без заносчивости. Не сравнить с некоторыми руководителями из местных. Я подглядывала в щелочку и заметила, как поморщился Калинин, когда Р. начал завывать про буревестника. Аплодировали нам с удовольствием. Ю. В., игравший Медведева, запел «Интернационал». Я еле сдержала смех. Мне показалось забавным, что революционный гимн первым начал петь полицейский. После спектакля был прощальный ужин, на который гости не остались. Были только мы и те из местного начальства, кто не уехал с гостями. Завтра пакуем вещи, послезавтра рано поутру уезжаем в Феодосию.

27 июня 1922 г. Феодосия

Наверное, в моей жизни не будет ужасней сцены, чем деревянный помост в портовой судоремонтной мастерской. Я ко многому уже успела привыкнуть, но этот помост едва не стал моим эшафотом. Больше всего мешали играть обычный для порта шум и крики, которыми подбадривали нас зрители. Я часто терялась, забывала слова, путала реплики. Другие играли не лучше. Хорошо хоть, что пьеска была простой, из современной жизни. В этом мне (и всем нам) повезло. Спектакль прошел плохо, но зато угощение, ожидавшее нас после него, оказалось выше всяких похвал. Помимо того, что было на столе, нам еще дали продуктов с собой. И. очень кстати собрался в Симферополь по каким-то делам (чтобы потом нагнать нас в Ялте), и Павла Леонтьевна отправила с ним продукты Тате и Ирочке. Здешние портовые не голодают, снабжение очень хорошее. Заметно, что с нами делятся не последним куском. За время наших гастролей все мы успели немного отъесться. Приятно смотреть на товарищей. Лица округлились, порозовели, в глазах появился блеск. Я шучу, что наш гастрольный вояж по справедливости надо было бы назвать «курортным».

Феодосия лишена того милого очарования, которое есть в Керчи. Отчасти она напоминает мне Таганрог. Возможно, что это сходство вызвано неожиданной встречей с М. Р., который служил конторщиком у моего отца. Он очень удивился, увидев меня, потому что думал, что я уплыла вместе с нашими. Как бывший красноармеец и коммунист, М. Р. сделал хорошую карьеру в уисполкоме[125]. Мы немного поговорили, вспомнили Таганрог. М. Р. побывал там в прошлом году, когда ездил проведывать своих родственников. После разговора с ним я долго вспоминала Таганрог и вдруг осознала, что меня туда совсем не тянет. Вспоминать приятно, а побывать там не хочется. Родных там нет, в нашем доме живут чужие люди, многих знакомых тоже нет. В гимназии, которую я ненавидела всей душой, теперь школа-семилетка. В ней бы мне, наверное, понравилось бы, потому что сейчас не ставят оценок[126]. Мне хочется в Москву. Этот город стал моей второй родиной. Если Фаина Фельдман родилась в Таганроге, то Фаина Раневская родилась в Москве. Павла Леонтьевна тоже была бы не прочь со временем перебраться в Москву. Если судить по тому, что пишут в газетах, театральная жизнь в Москве бьет ключом.

Феодосия удивительно гостеприимна. В порту нам дали продуктов, на фабрике Стамболи[127] – превосходных папирос, уком тоже был щедр. Мы очень довольны.

Нас с Павлой Леонтьевной (и всю нашу труппу, кроме желчного, вечно недовольного А. М.) сильно радует

изменившееся отношение общества к актерам. Актерское ремесло поднялось на небывалую высоту. Если прежде часть общества относилась к нам свысока, то теперь этого нет и в помине. Мы – сотрудники Агитпропа, а у Агитпропа нынче «carte blanche»[128]. Осмелился бы кто сейчас назвать нас «балаганщиками». Несколько наших актеров даже стали партийцами[129].

Мы пробудем здесь еще три дня, а потом поедем в Ялту. По пути сделаем короткие остановки в Судаке и Алуште.

10 июля 1922 года. Ялта

Некоторые из старых членов нашей труппы считают возможным третировать новичков. За последний год в нашей труппе появилось много новых людей. Среди них, как и повсюду, есть хорошие и плохие. Но наши «гвардейцы» А. М. и Ю. В., прозванные так за свою заносчивость, мнят себя божествами, а на новичков смотрят как на блох. У них даже есть собственная теория, в которой они предстают в роли хранителей старых традиций. В. В., у которой ума ровно столько, сколько и таланта, то есть нисколько, составила вместе с «гвардейцами» триумвират. Сегодня они наехали на помощника Р., милого, вежливого А. Л. Отказались репетировать с ним (репетировать мы стараемся регулярно, правда, не всегда это получается), причем сделали это в крайне грубой форме. Мне пришлось вмешаться и напомнить им о дисциплине. Если Р. поручил проводить репетицию своему помощнику, то так тому и быть. В. В., на свою беду, начала вещать о том, что ее талант не сможет проявить себя в полную силу под руководством неопытного режиссера. Я рассвирепела и, не утруждая себя выбором слов, объяснила В. В., что ей о своем мнимом таланте лучше не вспоминать. В подтверждение своих слов привела несколько примеров. В. В. была уничтожена. «Гвардейцы» не решились вступиться за свою даму. Репетиция продолжилась. После нее А. Л. пригласил меня на прогулку. Мы гуляли долго. Сначала пошли к дому Чехова (А. Л., как и я, страстный его обожатель), потом вернулись обратно кружным путем. А. Л. то и дело принимался меня благодарить. Он благодарил так, словно я не проявила естественные человеческие качества: порядочность и дисциплину, а совершила какой-то подвиг. Я посоветовала ему быть построже. Р. явно ошибся в выборе помощника. При его мягком характере в помощники следовало брать какого-нибудь цербера.

Павла Леонтьевна, намекая на нашу прогулку с А. Л., дразнит меня тем, что у меня наконец-то появился кавалер. Она

невероятно похорошела. Ко мне это слово подходит плохо. Я из тех, кто находит утешение в пословице: «Красота ослабляет, а ум укрепляет». Но сейчас, глядя на себя в зеркало, я уже не спешу в ужасе отвернуться. В теле снова появилась былая легкость.

Местные ялтинские актеры встретили нас крайне недружелюбно. Мы не остаемся в долгу, зовем их актерами погорелого театра[130]. Им на это ответить нечего. К нам приходил Найденов[131]. Он болен чахоткой и выглядит совершенным стариком, несмотря на то что лет ему не так уж и много. Во время встречи с ним произошел чудовищный конфуз. Наша В. В. (это я ей тоже припомнила) удивилась вслух, сказав: «А разве «Детей Ванюшина» написал не Горький?» Найденов улыбнулся (улыбка у него, как и у всех чахоточных, печальная) и сказал, что ему сильно льстит подобное сравнение. Он рассказал, что пишет пьесу о революции. Р. сразу же высказал желание с ней ознакомиться. Я его понимаю. Такой талантливый драматург, как Найденов, напишет пьесу во много раз лучше остальных. В пьесе должен быть смысл, должны быть противоречия, пьеса должна быть живой, чтобы ее захотелось играть и смотреть. А нынешние скороспелые пьески (подобные тем, что кропает И.) состоят из одних лишь лозунгов. Не могу исключить того, что выраженный интерес, который Р. проявил к пьесе Найденова, и послужил причиной недовольства ялтинцев. Они явно рассчитывали на то, что пьеса достанется им, но тут появился Р. Между нашими театрами нет прямого соперничества, потому что нас разделяет большое расстояние, но в какой-то мере соперничество имеет место. Каждому актеру хочется затмить своей игрою всех остальных. Каждой труппе хочется быть вписанной в анналы Мельпомены (выражение С. И.). Прежде Ялта из-за Ливадии[132] считалась третьей столицей империи после Москвы и Петербурга. Эта «столичность» дает о себе знать и ныне. В частности, она проявляется в поведении местных актеров (многие из них появились здесь совсем недавно, но уже успели набраться спеси).

Мы с Павлой Леонтьевной вспоминаем наши прошлые ялтинские «каникулы», которые мы сами себе устроили. Тогда все было иначе. Я не могла выразить мои ощущения словами, а Павла Леонтьевна смогла. Она сказала, что тогда впереди была неопределенность, которой сейчас нет. Павла Леонтьевна права. Жизнь уже не кажется мне такой страшной, как прежде.

14 июля 1922 года. Ялта

«Отъедайтесь впрок», – советует нам С. И. Сама она ничуть не

изменилась за зиму, потому что всегда была сухощавой («поджарой», как говорит она сама). Только появились темные круги под глазами, которые сейчас исчезли. Мы следуем совету и отъедаемся. Летом, особенно на побережье, еды хватает, но зимой положение изменится. Скупаем впрок на зиму сушеную рыбу и при первой возможности отправляем ее Тате. Крупы, которые удается получить, тоже стараемся не расходовать. Они пригодятся нам зимой. Трудные времена сделали нас невероятно бережливыми и умелыми в приготовлении пищи. Разве восемь лет назад я могла подумать о том, что стану готовить на примусе? Ох, я о многом не могла подумать восемь лет назад! Отец был прав, когда говорил, что ничто не удивляет так сильно, как сама жизнь.

Со мной происходит нечто необъяснимое. Чувствую себя птенцом, который наконец-то научился летать. Очень приятно ощущать свои крылья. Кажется, я наконец-то стала актрисой. Заметила, что моя дорогая Павла Леонтьевна говорит со мной как с равной и даже (невероятно! невероятно!) начала советоваться со мной не ради того, чтобы приободрить меня этим, а всерьез. Я счастлива так, как только может быть счастлив человек, чья заветная мечта исполнилась. В моей актерской шкатулке лежит дюжина ролей. Первая дюжина! Дюжина! Как ласкает мой слух это слово! У меня двенадцать ролей, и я репетирую еще две, чтобы разом перескочить через неудачное число «тринадцать». Для полного счастья мне не хватает только одного – увидеть в зрительном зале своих родителей. Надеюсь, что эта мечта когда-нибудь исполнится. Мама говорила, что чистые желания всегда исполняются. Под «чистыми» она подразумевала те желания, в которых нет корысти. В моем желании корысти нет нисколько. Я только хочу поставить точку в моем споре с отцом. В споре, который растянулся на годы, но так и не был завершен.

В кинематографе смотрели «Гнев Диониса»[133]. Я вспомнила, как была разочарована при первом знакомстве с этой картиной. Ожидала на экране той же откровенности, которая была в романе[134], но мои ожидания не оправдались. Рассказала об этом Павле Леонтьевне, и мы вместе посмеялись над моей былой наивностью. Преображенская[135] необычайно выразительна. Оказалось, что Павла Леонтьевна с ней знакома по Воронежу, где они вместе играли в антрепризе Никулина[136].

20 июля 1922 года. Ялта

Одни новости доходят до нас быстро, другие медленно.

Только сейчас мы узнали о смерти Правдина[137]. Оказалось, что он умер прошлой осенью. Мне не довелось видеть его на сцене, но я слышала не раз, что играл он бесподобно. Советуя мне работать над ролями как можно тщательнее, Павла Леонтьевна приводила его в пример. Говорят, что в каждый образ он перевоплощался настолько достоверно, что невозможно было представить, что Кучумова[138], Тарелкина[139] и Городничего[140] играет один и тот же актер. Будучи превосходным актером, в должности управляющего Малым театром Правдин, по слухам, был плох настолько, что восстановил против себя всю труппу. Редкий случай, можно сказать, что и небывалый в нашей театральной среде. Обычно в труппе существуют альянсы, и у любого управляющего, у любого режиссера есть как сторонники, так и противники. Ему пришлось управлять в сложное смутное время, но, насколько я могу судить, он совсем не был готов к этой новой для себя роли. Павла Леонтьевна предполагает, что назначению Правдина в управляющие поспособствовали не его деловые качества, а его репутация (он не стеснялся высказывать смелые взгляды и считался либералом). Одна из наших новых актрис Н. А. рассказывала, как Правдин третировал Жихареву[141], с которой у него были свои счеты. То ли он был против ее приема в труппу, то ли причина была иной, но он своей неприязни не скрывал и отыгрался на бедняжке сразу же после того, как стал управляющим. Под тем предлогом, что Жихарева играет плохо, он отобрал у нее все старые роли и не давал новых. Театральный мир далеко не идеален, и страсти за кулисами кипят нешуточные, но с вопиющей несправедливостью могут примириться лишь самые отъявленные подлецы. Да и те будут против самодуров, потому что начальственное самодурство сулит каждому неожиданные неприятности. Кто может знать, что завтра взбредет в голову самодуру? Вот все и ополчились против Правдина. Мы с Павлой Леонтьевной убеждены, что актеры, настоящие, талантливые актеры, не способны ни к чему, кроме игры. Делать актера управляющим – все равно что делать козла раввином на том основании, что у него тоже есть борода. Выборный совет в театре, на наш взгляд, куда более уместен.

Думаю о том, как несправедлива судьба к актерам, которые могут оставить после себя только воспоминания об их игре. Пройдет время, и некому будет даже вспомнить. Мне опять хочется сниматься в картинах, вот такая я непостоянная. Недавно в Одессе создали киноуправление[142], бывшее ханжонковское ателье вошло в него. Сам Ханжонков эмигрировал. О нем говорили как о человеке, невероятно увлеченном своим делом. Представляю, как ему сейчас тяжко[143].

2 августа 1922 года. Севастополь

В Севастополе дела обстоят не лучшим образом. Мы почему-то думали, что здесь иначе. Я здесь не впервые. Хожу по театру, прикасаюсь рукой к знакомым стенам и погружаюсь в воспоминания. Затем выхожу на бульвар и не замечаю того, что происходит вокруг, потому что мысли мои витают в прошлом. «Ты как пьяная», – говорит мне Павла Леонтьевна. Так оно и есть. Я пьяна моими воспоминаниями. Встретила здесь мою землячку Д. Ж., которую помню по гимназии (она была старше и не обращала на меня внимания). Она убежала из дому, не доучившись. Эта новость всколыхнула весь Таганрог. О ней говорили разное (в таких случаях каждый выдумывает свое объяснение), но большинство сходилось на амурной подоплеке. Оказывается, что причиной бегства была любовь к театру, которую Д. Ж. искусно скрывала. Ее отец был еще строже моего. Она убежала в Харьков (одна! как только решилась?), где поступила в странный театр со странным названием «Голубой глаз»[144]. Затем ее занесло в кручининский театр миниатюр[145] в Киеве, откуда ее переманил к себе в Москву Балиев[146], бывший в Киеве на гастролях со своим театром. Во время последних гастролей Балиева она случайно отстала от труппы и в результате осталась в России[147]. Попала в передвижной революционный театр, а с прошлого года осела в Севастополе. В сравнении с ее биографией моя собственная представляется мне скучной. Из-за любви к ней один красный командир едва не зарубил другого!

10 августа 1922 года. Севастополь

Снова выступали в порту. Зову нашу труппу «портовыми комедиантами», но на самом деле радуюсь тому, что у нас такой предприимчивый режиссер. Р. договаривается о выступлениях повсюду, где только можно, начиная с порта и заканчивая новой детской больницей. Мы играем современные пьески или сцены из классического репертуара или же декламируем. Ни одно выступление не обходится без кормежки. В глубине души мне неловко ставить рядом высокое искусство и миску каши, но я уже поняла (все мы поняли), что без второго не будет первого. Давно канули в Лету те времена, когда я, наивная и восторженная, считала, что, служа искусству, можно питаться одним лишь воздухом. Впрочем, в те времена можно было так считать. Человек думает, что может обойтись без чего-то, пока не лишится этого на деле. Пока мои родители жили в Таганроге, я могла

упиваться своей самостоятельностью и воображать, будто мне хорошо и без них. Теперь же плачу, когда думаю о них, и сердце мое сжимается от тоски. Я готова выслушать любые упреки отца, лишь бы только увидеть его еще раз. Тысячу раз видела во сне наше последнее прощание. Письма из дому сильно истрепались, потому что я перечитываю их постоянно. Взяла их с собой в нынешнюю поездку. Коробку из-под печенья, в которой лежат письма, Павла Леонтьевна зовет boîte à bijoux[148]. Так оно и есть, поскольку ничего более драгоценного у меня нет.

Не случайно, начав писать о порте, я вспомнила родителей и брата, ведь они же уплыли на пароходе. С тех пор как я об этом узнала, море стало для меня символом разлуки. Я по-прежнему люблю море, люблю и любуюсь им, но теперь к этой моей любви примешалась горечь.

16 августа 1922 года. Севастополь

Лето пролетело незаметно. Переезды с места на место делают бег времени незаметным. Жизнь разбивается на множество малых отрезков, а потом пишу в дневнике дату и спохватываюсь: неужели август перевалил за середину? Зима была невероятно долгой, начало весны тянулось еще дольше, а лето пролетело незаметно. Сетую на то, что хорошие дни пролетают быстро, а плохие тянутся бесконечно. Правильнее было бы наоборот, но в мире столько неправильного. Хорошие талантливые люди умирают вперед плохих. Непревзойденный тонкий поэт Блок умер, а некто, мнящий себя поэтом и рифмующий «тоже – моложе» да «столбы – борьбы», жив и продолжает сочинять свои неуклюжие вирши[149]. Наши гастроли в Севастополе закончились. Завтра уезжаем в Евпаторию, оттуда вернемся домой. Соскучилась по Симферополю. Завидую И., который успел трижды туда наведаться и всякий раз отвозил наши посылки. Один раз его попытались задержать как спекулянта, потому что кроме наших посылок у него были и другие, но И. благодаря своему очень хорошо подвешенному языку нагнал на своих мучителей такого страху, что его сразу же отпустили.

20 августа 1922 года. Евпатория

Евпатория совсем не та, что была прежде. Узнаю знакомые улицы, хоть многие из них и переименовали, но не узнаю самого города. В театре сплошь новые лица. Кто-то умер, кто-то уехал.

Людей стало заметно меньше. Старожилы нас помнят, и это приятно. Под впечатлением, навеянным Евпаторией, Р. потянуло на воспоминания. Он много рассказывал нам о театре Комиссаржевской. Мне этот театр близок не только тем, что его основала великая актриса, но и своим репертуаром, преимущественно состоящим из пьес Чехова и Островского (это отчасти перешло и в наш театр). Мы были удивлены тем, с какой неприязнью наш добрый Р. отзывался о режиссере Мейерхольде[150]. Подобная неприязнь ему совершенно несвойственна. Р. из тех людей, кто, желая сказать плохое о ближнем своем, предпочтет промолчать. Больше всего Р. не нравится скорость, с которой Мейерхольд ставит спектакли. Сам Р. заставляет нас репетировать подолгу, порой от этого проходит весь кураж, но зато спектакль получается добротным, как варшавские сапоги. Когда Р. рассказывал о похоронах Комиссаржевской, все мы рыдали. Какая нелепая смерть! Оспа! В прошлый раз я написала о том, что хорошие люди умирают вперед плохих. Сегодня смотрела на лоснящуюся физиономию нашего бездарного А. М., отличающегося сквернейшим характером, и думаю о том, что его не возьмет никакая оспа. Его даже холера не возьмет. Он то и дело перебивал Р., чтобы с важным видом вставить свое вечное: «Помнится, об этом мы говорили с Константином Сергеевичем». Я убеждена, что Станиславский не знаком с А. М., а если и был когда-то шапочно знаком, то ничего с ним не обсуждал и давно позабыл о его существовании.

25 августа 1922 года. Евпатория

Павла Леонтьевна встретила одну актрису, с которой когда-то познакомилась в Рязани. Она давно оставила сцену, вышла замуж, переехала в Одессу и сейчас служит в одесском комхозе[151]. В Евпаторию она приехала в командировку. Увидев на афише фамилию Павлы Леонтьевны, она пришла в театр, а вечером была у нас в гостях. После ее ухода Павла Леонтьевна по секрету рассказала мне, что эта дама была любовницей театрального барона Дризена[152] и когда-то с его помощью мечтала покорить Петербург со сцены Александринского театра. Что за contraste![153] Александринский театр и одесский комхоз. Сколь жестоко может посмеяться над человеком судьба! Вспомнила нашего таганрогского портного Эпштейна, который мечтал стать оперным певцом (голос у него был хорош), а умер у себя в мастерской с ножницами в руках. Я так благодарна судьбе

за то, что моя мечта сбылась. Павла Леонтьевна говорит, что если мечта человека совпадает с его предназначением, то она не может не сбыться.

Мы уже не играем «Романа», потому что эта пьеса считается буржуазной, но кое-кто здесь, в Евпатории, помнит меня в роли Маргариты Кавалини. Чтобы сделать людям приятное, я начинаю говорить с итальянским акцентом. Особенно мне нравится звучное слово «Карррамба!»[154]. Звук «р» в нем можно растягивать бесконечно.

27 августа 1922 года. Евпатория

В новом сезоне я буду играть две новые роли: Войницкую в «Дяде Ване» и Манефу в «Мудреце»[155]. Из-за Войницкой[156] Павла Леонтьевна дразнит меня «генеральшей» и называет меня «ваше превосходительство». Теперь можно так шутить, но в прошлом году такие шутки могли доставить большие неприятности. Войницкая не самая интересная из моих ролей, но таких старух мне еще не доводилось играть. Предполагалось, что Войницкую станет играть Павла Леонтьевна, но роль досталась мне. Я не пыталась конкурировать за роль с моим обожаемым другом (и никогда бы себе этого не позволила!), просто так было решено. Манефа много интереснее Войницкой. Я решила, что для этой роли мне понадобится тяжелый гипнотический взгляд. Репетирую его перед зеркалом.

Никогда не думала, что могу так сильно соскучиться по Симферополю. С нетерпением жду нашего возвращения домой, до которого осталось всего два дня. Хочется в Симферополь и одновременно жаль прощаться с морем. Увы, в компании Павлы Леонтьевны осенью или зимой выбраться к морю не выйдет. Дороги неспокойны. Надо ехать большой компанией. В начале весны были случаи, когда на людей нападали для того, чтобы их съесть. Сейчас до этого не доходит, но грабителей хватает. Нашу О. К., обладающую талантом притягивать к себе несчастья, ограбили накануне на набережной, когда она любовалась морем. Еще не стемнело, и неподалеку были люди, когда по бокам от нее вдруг встали двое мужчин, схватили за руки, уперли в бок что-то острое и потребовали сумочку. Получив ее, они исчезли так быстро, будто провалились сквозь землю. Когда несчастная пришла в себя настолько, что смогла закричать, их уже и след простыл. О. К. жалеет не об украденных деньгах (их было немного), а о серебряной пудренице, которую ей подарил какой-то поклонник.

2 сентября 1922 года. Симферополь

Нам говорили, что Советская власть не признает бенефисов[157], что бенефисы есть проявление буржуазного эгоизма, и потому им не место в революционном театре. Но нам стало известно, что в Москве бенефисы разрешены. Правда, с непременным условием, что бенефициант оплачивает театру полный сбор. Прежде дело обстояло иначе.

Многие захотели бенефиса. Не хочет его только Павла Леонтьевна. Она единственная из нашей труппы, кто его заслуживает. Павла Леонтьевна считает, что в такое время стыдно думать о личной выгоде. Она предложила дать несколько спектаклей в пользу голодающих или в пользу нашего театра, который ремонтировался еще при белых. Из-за того что в театре помимо спектаклей проводятся разные собрания, он быстро приходит в упадок. Ее не поддержали. Каждый думает только о своей выгоде. Мне одновременно и стыдно, и смешно. Стыдно, потому что я всякий раз стыжусь, когда, прервав репетицию, мои товарищи прямо на сцене заговаривают о деньгах. Сцена для меня священна. Она есть наш алтарь, на котором мы служим искусству. О деньгах и прочем, не имеющем отношения к спектаклю, можно поговорить за кулисами. Также мне не нравится недавно появившаяся манера прерывать репетиции. Некоторые актеры злоупотребляют деликатностью Р. и путают свободу слова с отсутствием дисциплины. Я готовлюсь к репетиции, вхожу в образ, и вдруг меня грубо из этого образа вытряхивают посреди репетиции, потому что кому-то приспичило высказать свое недовольство. А смешно мне потому, что невозможно без смеха слушать рассуждения той же В. В. относительно того, что она первой заслуживает бенефиса. В своей самонадеянности она дошла до желания сыграть на своем бенефисе Раневскую или Катерину! Немыслимо! Это все равно как если бы я вдруг захотела заменить Карсавину[158] или хотя бы Ваганову[159].

Ирочка совсем взрослая. Не узнаю ее, такая она стала серьезная.

Нищих в Симферополе стало гораздо меньше.

10 сентября 1922 года. Симферополь

Меня пугают некоторые из нынешних новшеств. Призыв разрушить все до основанья[160] многие понимают слишком буквально, а пережитками старого режима они готовы считать все

что угодно. Нам несколько раз пытались запретить играть «Ревизора» как «старорежимную» пьесу. Всякий раз приходилось объяснять, что эта пьеса высмеивает царских чиновников, а не прославляет их. Те, кто запрещает пьесы, не читает их дальше списка действующих лиц! Этим делом занимаются совершенно необразованные люди. Они раскрывают того же «Ревизора», тычут пальцем и говорят: «Вот здесь у вас есть городничий, судья, попечитель богоугодных заведений, помещики, чиновники и пристав. Это же контра!» – «Где Кроке[161], а где наша синагога», – говорили у нас дома, когда кто-то нес подобную чушь. Мне жаль, что многие хорошие пьесы, такие например, как «Осенние скрипки», незаслуженно преданы забвению. Пьеса же словно дерево, если за ней не ухаживать – иначе говоря, не играть ее, – она зачахнет, исчезнет. Но еще хуже этих рьяных запретителей те, кто покушается не на пьесы, а на сам театр. Все старое объявляется негодным. Под маркой нового революционного театра выдумывается какая-то дикая чепуха, не имеющая ничего общего с искусством. Театр норовят превратить в балаган. Да что там балаган! Это даже балаганом назвать нельзя! Игра подменяется выкрикиванием лозунгов или акробатическими сценками! Вот характерный пример нынешнего театрального новшества. На сцене совсем нет декораций, если не считать выставленных в ряд лестниц. Весь спектакль актеры карабкаются по этим лестницам то вверх, то вниз и с них же произносят реплики. Смысл в том, что положение на лестнице наглядно показывает нравственные качества персонажей. Совершив плохой поступок, они спускаются ниже, совершив нечто хорошее, поднимаются вверх. Мне было ужасно жаль актеров, которые час с лишним висели на лестницах, но еще больше мне было жаль зрителей, которые могли решить, что эта шанда[162] и есть театр! Люди изощряются в выдумках, желая перещеголять друг друга оригинальностью. Они не понимают, что такое театр, но берутся его реформировать с криком «Дорогу современности!». В наглости своей они доходят до того, что пытаются выжить нас из нашего театра. Мы пока держим оборону, как выражается Р. Он производит хорошее впечатление на начальство всех рангов своим умением аргументировать, и ему пока что удается отражать нападки ревартов[163]. Многие из нашей труппы недовольны, когда видят среди зрителей совершенно невежественных людей. Нынче модно ходить на спектакли коллективами. А я радуюсь этому. Пускай такие зрители не понимают многого из того, что происходит на сцене. Но, побывав хотя бы на одном спектакле, они узнают, что такое настоящий театр. Я с удовольствием играю для всех. Не люблю только, когда

в зале едят или лузгают семечки. Нравы опростились невероятно (С. И. вместо «опростились» употребляет более резкое слово). Отчасти я за простоту, без «благородий» и «превосходительств», отчасти против, потому что о правилах приличия забывать нельзя. Но хуже всего, когда плохими манерами начинают бравировать или когда нарочно коверкают речь, пытаясь представить себя крестьянским пролетарием.

В газетах пишут, что из оркестра Большого театра ушли шестьдесят музыкантов, недовольных низкими окладами. Они организовали симфонический ансамбль и станут выступать самостоятельно. Если уж такой театр, как Большой, начал дробиться, то это очень плохо. Впрочем, Павла Леонтьевна не раз говорила, что на столичных сценах многого не заработать.

22 сентября 1922 года. Симферополь

Дай дураку леденец, а еврею новость – и оба будут рады. В Иерусалиме провозгласили британский мандат над Палестиной. Узнав об этом, одна половина симферопольских евреев перессорилась с другой половиной. Одни говорят, что это хорошо, другие – что плохо. Если встречаются два еврея, то вместо «шолом» говорят «Палестина», а дальше уже как получится. Или начинают спорить друг с другом, или ищут третьего, чтобы поспорить с ним. Я ни с кем не спорю, но ничего хорошего от англичан не жду.

29 сентября 1922 года. Симферополь

Симферопольский финотдел[164] сошел с ума. Иначе и не сказать. Решили приравнять артистов, лиц свободной профессии, к торговцам и заставить платить все налоги. Обоснование такое: вы продаете билеты, стало быть, ничем не отличаетесь от торговцев. Объяснить ничего невозможно, финотдельцы упрямы как ослы. У них на все один ответ. Отправляем делегацию в обком[165] к Израиловичу[166]. Павла Леонтьевна не хотела идти, но ее уговорили. Ее знает все начальство, она наша прима.

4 октября 1922 года. Симферополь

К Израиловичу наша делегация не попала, но товарищ, который их принял, сказал, что нельзя равнять актеров с

торговцами, и пообещал разобраться с финотделом. Сказал, что товарищи перегнули палку. Пока делегация сидела в приемной, Павле Леонтьевне удалось услышать, что Израиловича переводят в Москву в ЦК[167]. Ясно, что ему сейчас не до нас. Впрочем, не имеет значения, кто обуздает финотдел, лишь бы обуздали. Но это было твердо обещано. Что за чушь равнять артистов с торговцами!

6 октября 1922 года. Симферополь

Самое великое счастье для актера – это чувство полного слияния с ролью, когда ты не играешь человека, а становишься им на время спектакля! Это счастье приходит не сразу. Оно капризно, его надо долго добиваться, но тем оно и ценно. Невероятное, прекрасное чувство. Оно пробирает до слез. Всякий раз, испытав его, я после спектакля рыдаю в гримерной. Все удивляются: почему? Ведь я так хорошо сыграла. Как будто от счастья нельзя плакать. Павла Леонтьевна ругает меня. Она говорит, что я растрачиваю попусту слишком много душевных сил. А я не могу поступать иначе. Я счастлива от того, что получила право называть себя актрисой. Когда-то я называла себя так с оглядкой, боясь, что кто-нибудь скажет: «Да какая же вы актриса!», а теперь уже не боюсь. Непрестанно благодарю судьбу за то, что она так благосклонна ко мне. Пережитые трудности представляются мне испытанием. Судьба должна испытать человека, прежде чем наградит его. Награждают только достойных. Приятно чувствовать себя достойной. Теперь стало модным нападать на актерское жречество. Считается, что в служении Мельпомене нет ничего возвышенного. Каждый, мол, выполняет свою работу. Но нельзя же сравнивать работу дворника или извозчика с нашим ремеслом! Не хочу унизить дворников или извозчиков, они делают нужное обществу дело и без них нельзя обойтись, но не могу согласиться с тем, что размахивание метлой сродни актерским мукам. Это все равно что сравнить маляра с художником. Один красит, а другой творит. Актер – особенное, возвышенное ремесло, как и все творческие ремесла. Они особенные и требуют особенного к себе отношения. Пускай не восхищения – восхищение каждый актер стяжает сам, – но уважения. Нельзя ставить все занятия на одну доску, и не стоит подменять слово «творчество» словом «работа».

Если разобрать все мои роли, то наибольшим успехом пользуется Настя из «На дне». Я не могу понять, в чем причина. То ли в моей игре, то ли в том, что она проститутка. Падшие

женщины теперь считаются жертвами царизма. Каждую женщину приводят на панель свои причины. Не могу понять, при чем тут царизм? Царизма нет уже который год, а проститутки остались. На Лазаревской[168], возле городского сада, их можно встретить даже днем.

17 октября 1922 года. Симферополь

Любовь к миниатюре у меня с детства. Сколько себя помню, всегда любила что-то изобразить, но сама ничего не придумывала. Вчера придумала, и это вышло случайно. В разговоре с Павлой Леонтьевной вспомнила вдруг, как в первый раз получила в Москве деньги от отца. Мама написала, что я могу обращаться за деньгами в контору Блока (не поэта, а другого Блока, маклера) в Малом Коковинском переулке[169], Блок был деловым партнером отца. Отец попросил его открыть мне кредит, чтобы при необходимости я могла бы сразу же получить столько, сколько мне требуется. Так было удобнее для всех. Мне не пришлось бы ждать, пока отец получит телеграмму и не вышлет мне деньги почтой. Отцу было меньше хлопот, и экономились какие-то копейки, которые платили за перевод денег. То в самом деле были копейки, но мой отец привык экономить где только можно. Говорил: «Сэкономил – значит заработал». Привычка к экономии удивительным образом сочеталась в нем со щедростью. Когда в нашей таганрогской синагоге не смогли собрать денег на покупку фисгармонии (все хотели музыку, но никто не хотел платить за инструмент), отец купил ее сам.

Я плохо знала Москву, и вдобавок мне было неловко обращаться за деньгами к незнакомому мне человеку. Я заблудилась в арбатских переулках и от волнения начала заикаться. Хотела спросить, где находится Малый Коковинский, а получалось какое-то «ко-ко-ко». Рассказывая об этом Павле Леонтьевне, я немного сгустила краски. Заикалась сильнее и, чтобы больше походить на курицу, хлопала себя ладонями по бедрам. Павла Леонтьевна смеялась до слез и сказала, что с этим рассказом можно выходить на сцену. Хочу подготовить несколько миниатюр, вот только припомню еще нечто смешное.

25 октября 1922 года. Симферополь

Некоторые пережитки старого режима оказались весьма живучими. В городе организована особая комиссия по борьбе со

взяточничеством. Без работы комиссия не скучает, взяточники находятся везде, причем большинство из них партийные. Берут не только деньгами, но и всем, что дают, хоть селедкой, хоть водкой, вернее самогоном. За большие взятки могут и расстрелять. Кругом митинги, у нас в театре тоже состоялся митинг. Нужно было непременно найти среди нас хотя бы одного взяточника и критиковать его. За неимением других, критиковали нашего монтера Т., который не берется ничего делать, пока не поднесут-попотчуют. Т. обещал исправиться. Ввиду малого размера взяток постановили не передавать дела Т. в комиссию, а взять его на поруки. Приглядывать за ним поручили лично председателю месткома Ю. В., который еще больший пьяница, чем Т. Послали кошку за маслом[170]. Теперь они станут пьянствовать вместе.

30 октября 1922 года. Симферополь

Мы стараемся расходовать наши запасы очень экономно, с таким расчетом, чтобы их хватило до весны. Тата изощряется неимоверно. Она запасла сушеных яблок, грибов и трав, которые помогают ей разнообразить наш скудный рацион. Летом положение улучшилось, но с наступлением осени ухудшилось. Надеемся, что следующая весна будет лучше этой. Нам увеличили пайки. Павле Леонтьевне удалось пристроить Тату уборщицей в театр, благодаря чему она теперь получает не иждивенческий, а рабочий паек. Часто за нее приходится убираться мне. В роли уборщицы я очень грозна. Стучу шваброй о пол и пытаюсь ткнуть ею тех, кто мешает мне убираться.

Взяли Владивосток. Мы репетируем пьесу о дальневосточных партизанах. Это пьеса одного местного революционного драматурга, которую он написал в прошлом году о крымских партизанах. В ней заменили кое-какие имена и названия. Севастополь стал Владивостоком, татары превратились в тунгусов, а Врангель – в Дитерихса[171]. Переделка сделана крайне небрежно, с ошибками. Белые офицеры рассуждают о том, что они станут делать в Константинополе, хотя им следовало говорить о Шанхае, а красные партизаны ждут прихода товарища Фрунзе[172], вместо того чтобы ждать Уборевича[173]. Репетируем наскоро, без особого старания. Пьеса – дрянь, персонажи скучные, говорят неживым языком. Спектакль нужен срочно, к празднику, и сыграем мы его всего один-два раза.

3 ноября 1922 года. Симферополь

В Москве собираются построить «Дворец Труда» с аудиторией на 8000 человек. Уже объявлен конкурс. Я не могу вообразить такую огромную аудиторию. Что будет видно и слышно из задних рядов? 2000 мест Большого театра кажутся мне пределом возможного[174]. Но не 8000!

6 ноября 1922 года. Симферополь

Был в гостях М. Он уже третий месяц поправляет здоровье в клинике, чувствует себя лучше. Мы сейчас видимся редко, потому что М. увлечен работой над новой поэмой. М. пишет по-разному, вернее, вдохновение к нему приходит то на минуту, то надолго. Если надолго, то он превращается в затворника. М. всегда до всего есть дело. Он постоянно в ком-то принимает участие или о чем-то беспокоится. Сейчас он недоволен состоянием, в котором находится здание офицерского собрания на Долгоруковской, которая теперь Либкнехта. В прошлом году здание отдали музею, но оно для него совершенно не годится. В картинной галерее на втором этаже сыро из-за протекающей крыши, на первом сырость идет из подвала. Я заметила, что когда М. сердится, то становится немного похожим на нашего таганрогского раввина Бравермана. Хмурят брови они одинаково, но взгляд при этом у обоих остается добрым.

15 ноября 1922 года. Симферополь

Финотдел нас больше не беспокоит. Павла Леонтьевна шутит, что если уж и приравнивать нас к кому-то, то к пролетариям. Нам тоже нечего терять, кроме своих цепей[175]. Да, нечего. Мой отец стал на ноги за три года. Я же за пять лет не заработала никакого капитала. Все мое богатство заключается в моих ролях.

В разговоре с нашим новичком Н. Е., до революции игравшим у Гениса и Зенкевича в Одессе[176], я случайно упомянула о Таганроге и узнала, что встретила земляка. Н. Е. родился в Таганроге и до десяти лет жил на Греческой, пока его семья не переехала в Одессу. Хожу гордая. Теперь у меня в труппе есть земляк, причем приятный человек и талантливый актер.

С. И. встретила знакомую актрису, которая сейчас живет в Харькове. Она рассказала про взбалмошную певичку А. Н., недолгое время бывшую инженю в нашей труппе. Оказывается, она пристроилась в харьковскую оперу и считается там чуть ли не примой. Удивляюсь тому, как ловко умеют устраиваться

некоторые люди. Харьковская оперная антреприза до революции имела хорошую репутацию. А. Н. словно вода, в любую щелочку просочится.

20 ноября 1922 года. Симферополь

Павла Леонтьевна застудила горло и не может играть. С. И. говорит: заболей – и узнаешь, кто тебе друг, а кто нет. Она намекает на свару, устроенную несколькими нашими актрисами в кабинете Р. Роли Павлы Леонтьевны делились с такой ожесточенностью, будто речь шла о наследстве Рокфеллера, а не о том, кто станет выходить на замену в течение двух недель. (Доктор обещает, что через две недели Павла Леонтьевна снова сможет играть.) Дело закончилось тем, что Р. рассвирепел (могу представить, как надо было постараться, чтобы довести его до подобного состояния!), выгнал всех вон и распределил роли по своему усмотрению. Тем, кто кричал громче всех, ничего не досталось. Тата готовит Павле Леонтьевне какие-то мудреные полоскания на семидесяти семи травах, по рецепту своей матери. Тата из театральной семьи, пусть не из актеров, а из портных, и прекрасно знает, чем надо восстанавливать голос. Я по вечерам развлекаю Павлу Леонтьевну новостями и анекдотами. Вдруг появилось много анекдотов. Каждый день слышу новые. Многие анекдоты таковы, что их можно рассказывать только на ухо.

2 декабря 1922 года. Симферополь

Павла Леонтьевна поправилась. За время ее болезни Тата распустила что-то из старых вещей и связала ей прелестный шарф, длинный, широкий и очень теплый. Прежде дамы кутались в меха, а нынче в платки с шарфами. Горжетки считаются буржуазными. За горжетку могут обругать или плюнуть вслед. Наши облезлые меха мы пожертвовали театру, для спектаклей. Сами мы можем носить что угодно, но на сцене что угодно не наденешь. Павла Леонтьевна очень интересно повязывает шарф, и он смотрится не хуже горжетки. Я так жалею, что не умею ни шить, ни вязать. Выучилась только набирать спицами петли, ведь во многих пьесах героини вяжут, но толком ничего связать не могу. Шью еще хуже. Про таких швей, как я, говорят, что им нельзя доверить шить даже саван. А мне так хотелось связать или сшить что-нибудь для моей дорогой Павлы Леонтьевны! Чтобы все восхищались моим подарком так же, как восхищаются

Татиным шарфом, а Павла Леонтьевна отвечала бы: «Это мне моя Фанечка связала».

В газетах пишут, что в Москве подешевели сахар и крупа. У нас же пока что все дорожает и ничто не дешевеет.

8 декабря 1922 года. Симферополь

Р. увлекся идеей совместить театр и кинематограф. Обсуждает с нами варианты. Я не понимаю, зачем ему это. Перемежать действие показом отрывков из картин глупо, потому что в сравнении с живой игрой эти отрывки будут выглядеть совсем уж непривлекательно. С. И. сказала: «Это все равно как украшать пирожные цукатами из редьки». Я нарочно записала это выражение в дневник, чтобы не забыть его. Оно мне очень понравилось. Другая идея Р. состоит в том, чтобы показывать перед началом спектакля какую-нибудь подходящую к сюжету хронику. По его мнению, это придаст действию большую достоверность и поможет настроить зрителей на нужный лад. Были и еще идеи, одна несуразнее другой. Мы с Павлой Леонтьевной подозреваем, что Р. попросту хочет славы. Он время от времени сетует на то, что о нашем театре (и о нем самом) мало пишут в газетах. Сетует вроде бы в шутку, а на самом деле всерьез. Под шутливой маской нередко прячется сокровенное. Я понимаю Р. Обидно каждый день встречать в газетах статьи о революционных экспериментах. Репортеры не вникают в суть этих экспериментов, большинство из которых является полной чепухой. Репортерам нужны новости, и чем эти новости революционнее, тем лучше. Никому не интересно читать о том, как актриса Раневская работает над своими ролями и как в нашем театре ставятся спектакли. Вот если бы мы усадили зрителей на сцене, а сами бы стали играть в зале, то это, наверное, было бы революционно и о нас написали бы. Или если бы мы играли молча, не произнося ни единого слова. Мы смеялись до слез, когда прочли об одной киевской студии, в которой классические пьесы пытаются играть пантомимой. Приводились в пример «Бесприданница» и «Враги» Горького. Пантомима нужна для того, чтобы спектакли были понятны без перевода пролетариям всех стран. Режиссер этой студии приводил в пример балет, позабыв как о том, что в балете присутствует музыка, так и о том, что далеко не каждая пьеса годится для переработки в балет. Я нашла и прочла «Врагов». Пьеса мне не понравилась, но дело не в этом. Дело в том, что ни «Врагов», ни «Бесприданницу» нельзя сыграть без слов. Весь смысл теряется. Но об «оригинальной идее»

написали в журнале. В театральном журнале! Куда мы придем с такими «идеями»? К балагану или к чему-то более худшему.

У наших бездарей появилась ширма, за которой они пытаются прятать свою бездарность. Ширма эта называется «поиск». Если Р. на репетиции делает кому-то из них замечание, то слышит в ответ: «Я ищу новые пути в искусстве». Меня это невероятно раздражает. Когда В. В. повторила эту фразу в третий раз за репетицию, я не выдержала и сказала ей: «Сортир вон там», да еще и рукой указала. Получилось очень эффектно. Все, кроме В. В., смеялись. Шутки повторять не следует, но эту я стану повторять всякий раз, как услышу про поиск пути.

16 декабря 1922 года. Симферополь

Появились червонцы[177]. Мне очень непривычно видеть надпись «червонец» на деньгах и считать на червонцы. У нас дома слово «червонец» звучало только в шутку, в те редкие минуты, когда отца посещало желание побалагурить. «Я еврей, а не японец, потому люблю червонец», – говорил он. Никто не хочет расплачиваться червонцами, но все хотят их получать. А. М. устроил скандал во время репетиции. Кричал, что нам должны платить червонцами, а не совзнаками. Схлестнулся с И., который начал его стыдить, и в пылу ссоры обозвал его «жидовской мордой». За эту «морду» он получил по своей морде от И. и немного хороших слов от меня. Но окончательно уничтожила его С. И., которая спокойно, так, словно ничего не случилось и вместо скандала идет дружеская беседа, спросила у А. М., не хотел бы он повторить свои слова в присутствии Ротенберга?[178] Я теперь разговариваю с А. М. только на сцене. Вне сцены стараюсь его не замечать. Дело не столько в его антисемитизме, сколько в его хамстве. Мало ли кто кого не любит, но нелюбовь не дает никому права прилюдно оскорблять человека иной национальности по национальному признаку. К примеру, мой отец не любил таганрогского городского голову Иорданова[179], а тот платил ему той же монетой. Отец часто высказывал дома свое недовольство Иордановым, но я ни разу не слышала, чтобы отец даже сгоряча назвал его «пиндосом»[180].

Подумав об отце, вспомнила его выражение, которое он всегда произносил по-русски: «Черту́[181] к чёрту, и будет совсем хорошо!» Отцу часто приходилось хлопотать о чьем-то правожительстве[182]. Он пользовался большим влиянием, и к нему обращались и дальние родственники, и земляки, и просто знакомые. Отец помогал людям с разбором, но правожительство

устраивал всем, кто бы его ни попросил. Он считал это своим долгом. Считал, что еврей обязан помочь еврею, испытывающему гонения за свою национальность. Черта была проклятьем для евреев и благом для полиции. После того как Таганрог вывели за черту, доходы полицейских утроились. На взятки за правожительства полицмейстер Варламов построил для своей любовницы двухэтажный дом на Греческой. Об этом говорили все таганрогские евреи.

Черта исчезла, но антисемитизм никуда не исчез и не исчезнет, пока живы такие люди, как А. М. Некоторые пережитки могут исчезнуть только вместе со своими хозяевами. Такие негодяи, как А. М., устроили погром в Могилеве[183].

19 декабря 1922 года. Симферополь

«У нашей Насти ни дня без напасти», – говорит Павла Леонтьевна. Новая напасть – это борьба с самогонщиками. По всему городу идут облавы. Всякий, кто хочет напакостить ближнему своему, сообщает о том, что он прячет самогонный аппарат. Найденные аппараты разбиваются на месте. Самогон тоже должен выливаться на землю, но выливают какую-то малость для вида, а остальное уносят с собой. Приходили и к нам, несмотря на то что мы никогда не варили самогона. Никто из нас, даже Тата, не умеет этого. Заглянули во все шкафы, под все кровати, разбили (случайно) две тарелки, натоптали повсюду и ушли. Я впервые в жизни услышала, как Тата ругается последними словами. Тяготы закалили нашу некогда тихую Тату. Она стала бойкой и давно уже не лезет за словом в карман.

Никак не могу забыть про фунты, пуды, аршины и версты и научиться считать на килограммы и метры[184]. Странно, что месяцы и дни недели до сих пор не переименовали по примеру французов[185]. В «августе» мне отчетливо слышится контрреволюция[186], а «воскресение» звучит как религиозная пропаганда.

ВЦИК своим постановлением обещает адмиралу Старку[187] и его морякам полную амнистию, если они возвратятся вместе со своими кораблями. Думаю, что никто не вернется.

В Польше актер застрелил президента[188]. Фамилия актера никому из нас не знакома. Я всегда огорчаюсь, когда узнаю, что где-то кого-то убили, но на этот раз мое огорчение особенно велико, потому что убийцей был наш брат актер.

21 декабря 1922 года. Симферополь

Наш друг К. А., перед которым Павле Леонтьевне до сих пор неловко за то, что его «Грешницу» так скоро сняли с репертуара (хотя ее вины в этом нет), рассказал, что пишет революционную пьесу. Мы сначала подумали, что речь идет об очередной «недельке». Так мы называем пьесы, точнее пьески, которые пишутся за неделю, ставятся за неделю, играются неделю и через неделю забываются. Но, когда узнали сюжет и прослушали отрывки, поняли, что пьеса обещает выйти хорошей. К. А. уверяет нас, что пьесу он пишет не для Павлы Леонтьевны, но мне кажется, что он немного лукавит. Написано пока мало, первое действие и начало второго (всего должно быть пять). Пишет К. А. медленно. Он сильно занят, и вдобавок у него манера то и дело переписывать уже написанное. Написано мало, но я уже присмотрела себе роль. Там есть одна маклачка с чудесной репликой: «Да я и до товарища совнаркома доступиться могу!»[189] За эти слова я в нее влюбилась. Побольше бы таких вот революционных пьес и таких революционных драматургов, как наш дорогой К. А.

Р. давно жаловался на то, что по театральному телефону то и дело звонят посторонние люди. Монтеры со станции приходили дважды, но оба раза ничего не могли сделать. Говорили о каких-то общих неполадках, плохих проводах и пр. Отчаявшись, Р. пошел на крайние меры. Он пообещал нашему театральному монтеру Т. четверть[190] самогона, если тот сможет починить телефон. Т. – мастер на все руки, а за целую четверть готов совершить любой подвиг. Он сразу же приступил к делу и скоро обнаружил, что от нашего телефонного провода тянется провод к соседнему ресторану. Хитрый владелец ресторана подкупил монтеров со станции, чтобы те установили ему телефон. Телефонов гораздо меньше, нежели желающих ими обзавестись, вот и приходится прибегать к подкупу. Высказав владельцу ресторана все, что он о нем думает, Р. помчался на станцию и устроил там скандал. Приходившие к нам монтеры уволены. Их будут судить. Борьба со взяточничеством продолжается.

29 декабря 1922 года. Симферополь

Я внезапно пристрастилась к пасьянсам. Никогда не любила этого занятия, но вдруг полюбила. Под раскладывание карт мне очень хорошо думается. Сейчас мне много над чем надо подумать. Такое чувство, будто я стою на мосту между двумя берегами и выбираю, куда мне идти. Павла Леонтьевна убеждает меня в том, что подобное чувство рано или поздно посещает всех

актеров.

30 декабря 1922 года. Симферополь

Обсуждали с Павлой Леонтьевной наши планы на будущее. Планов пока никаких нет, есть только разговоры. Пришли к тому, что хорошо было бы уехать из Крыма. Причин тому две. Мы надолго застряли здесь. Приехали когда-то на несколько месяцев, чтобы перебиться, пока не начнется зимний сезон в Ростове (на который мы так и не попали). Несколько месяцев превратились в четыре с половиной года. Павла Леонтьевна считает, что мы здесь засиделись. В здешнем театре у нас нет будущего. Павла Леонтьевна заскучала, мне надо развиваться, а Ирочке надо учиться. Павла Леонтьевна спросила, куда бы я хотела переехать. Я ответила, что мне хотелось бы в Москву. Наши с Ирочкой желания совпадают. Она тоже мечтает о Москве, мечтает учиться у самого Станиславского. Павла Леонтьевна тоже была бы не прочь переехать в Москву, но в столичных театрах вообще трудно найти вакансию, а мы намерены искать с разбором. Павле Леонтьевне нужна возможность проявить свой талант во всей красе, а мне нужна возможность для дальнейшего развития. Мой добрый друг считает, что я созрела для главных ролей, но здесь мне их не обещают. Кроме того, мне хочется перейти в другую труппу. Туда, где меня не будут помнить дебютанткой. Нет-нет да приходится нарываться на снисходительное: «Деточка, я же помню, как ты играла свою итальянку!» – или что-то подобное. Павла Леонтьевна сказала, что напишет в несколько театров – в Москву и другие города. Вдруг нам повезет? Долго листали «Вестник»[191] и другие журналы, которые удалось выпросить у Р. Выбирали, куда бы написать. О своем решении пока никому не сказали. Этот сезон мы намерены доиграть до конца. Срываться с места в середине сезона неприлично. Одним подобным поступком можно навсегда испортить свою репутацию. Павла Леонтьевна рассказывала, что до революции между антрепренерами было заведено обмениваться фамилиями актеров, нарушавших договоренности. Их называли «пасынками Мельпомены», а список с фамилиями – «списком пасынков».

8 января 1923 года. Симферополь

Этой ночью комсомольцы ходили по улицам с чучелами и факелами и пели песни. Когда устали ходить, начали устраивать

митинги возле храмов и жечь чучела. Сегодня утром я узнала, что от горящего чучела едва не загорелась синагога на Фонтанной, которую совсем недавно разрешили вернуть общине.

15 января 1923 года. Симферополь

Мы уже не раз слышали заявления о том, что все банды в Крыму уничтожены. На самом деле это не так. На дорогах снова стало неспокойно. В Севастополь и Ялту можно ездить только с сопровождением. Бандиты называют себя «зелеными» и прикрываются какой-то идеей, но на самом деле идея у них одна – грабеж. Большие банды нападают на обозы и машины с продуктами, одиночки грабят одиночек.

21 января 1923 года. Симферополь

Эта зима лучше предыдущей. Голода мы не испытываем, правда, и досыта тоже редко когда наедаемся. Пайки стали больше, да и запасы служат хорошим подспорьем. Однообразие пищи удручает не меньше, чем ее скудость. Скучаю по настоящему чаю. Сейчас даже контрабандный, который продают за бешеные деньги, смешан черт знает с чем, с какой-то травой или с опилками. Много о чем я скучаю.

3 февраля 1923 года. Симферополь

В милиции объявлена чистка. По всему городу расклеены плакаты, призывающие сообщать в особую комиссию обо всех незаконных действиях сотрудников. Об этом же пишут в газетах. Хорошо, что в театрах не бывает чисток. Наверное, потому, что отсутствие таланта труднее доказать, чем какое-нибудь преступление. Этим часто пользуются наши бездари. Талант – сложная штука. Если его нет, то это сразу же бросается в глаза, но доказать бездари его бездарность невероятно трудно. Чем меньше таланта, тем больше оправданий. А уж если бездарь станет активистом (они очень это любят), то с ними совсем невозможно справиться. Р. старается не делать замечаний Ю. В. даже в тех случаях, когда тот играет не просто плохо, а отвратительно, потому что Ю. В. – председатель месткома и может в ответ на критику сделать пакость. В. В. у нас в женском комитете, она больше выступает с речами, чем в спектаклях. А. М. сделался

внештатным корреспондентом «Красного Крыма». Прежде он хвастался своим знакомством со Станиславским, а теперь – с местными властями.

7 февраля 1923 года. Симферополь

Тайком от Павлы Леонтьевны отправила письмо в московский Камерный театр. Долго колебалась, никак не решалась написать. Было очень неловко напоминать о себе старым знакомым[192]. Хоть я и не написала прямо, чего я хочу, все равно нетрудно об этом догадаться. Но и не написать я тоже не могла. В моем положении не стоит разбрасываться возможностями. Но чувство такое, будто я из хедера собралась в раввины[193]. Что ж, письмо отправлено, и назад его не вернуть. Мудрецы говорят, что лучше сделать и раскаиваться, нежели не сделать и раскаиваться.

10 февраля 1923 года. Симферополь

Поспорила с К. А. На мой взгляд, в его новой пьесе слишком много действующих лиц. Не всякой труппы хватит, чтобы их изобразить, но это еще полбеды, потому что один актер может играть несколько ролей. Главная беда в том, что обилие персонажей создает на сцене ненужную суету и мешает понять пьесу. Советую вычеркнуть всех, кого только можно. К. А. смеется, называет меня «громометательницей» и отчаянно спорит, доказывая мне, что я не могу судить о достоинствах пьесы до тех пор, пока не прочту ее целиком. Вычеркивать он никого не собирается, говорит, что при желании это может сделать режиссер. Я сначала горячусь, а потом мне становится стыдно за мою горячность. Но действующих лиц все же много. Неуютная получается пьеса. К. А. ведет себя как репортер, которому платят за каждое написанное слово. Его «Грешница» была гораздо уютнее.

13 февраля 1923 года. Симферополь

За минуту до начала спектакля «На дне», когда все мы уже были на сцене, внезапно рухнул занавес. Было много шума, а пыли еще больше. Нам удалось сохранить самообладание и начать спектакль словно ни в чем не бывало. Поразительно, но публика восприняла падение занавеса спокойно. Кто-то ойкнул,

кто-то ахнул, но паники не случилось. Все остались сидеть на местах. Нынешнего зрителя, привыкшего к «героическим экспериментам», ничем не испугать. Занавес упал из-за лопнувшей проволоки. Она давно уже провисла, но никому не было до этого дела. Хорошо еще, что не сорвали спектакль. Отец любил повторять: «Что не додумано головой, приходится докладывать из кармана».

Поймала себя на том, что думаю и пишу об отце в прошедшем времени: говорил, думал. Столько лет прошло, а от родителей и брата нет вестей. Доплыли ли они куда? Где они теперь? Что с ними? Мне хочется верить, что у них все хорошо. Мне хочется, и я верю. Но все равно, вспоминая их, всегда плачу.

21 февраля 1923 года. Симферополь

Отчаявшись найти среди современных пьес что-либо приличное, Р. собрался ставить «Где любовь, там и напасть» Шпажинского[194]. Он подготовил речь в защиту этой пьесы, доказывая, что она не буржуазная, а революционная, потому что в ней показано пагубное влияние денег на людей, но это не помогло. Пьесу не разрешили. Шпажинский был председателем Общества драматургов и композиторов, поэтому его биография не составляет секрета. Потомственный дворянин, да вдобавок и офицер, – это по нынешним временам волчий билет. Зато мы узнали, что Ю. И.[195], с которым мы познакомились в прошлом году в Севастополе, – сын того самого Шпажинского. Он не говорил об этом, а мы не догадались, несмотря на то что фамилия и отчество у него довольно редкие.

1 марта 1923 года. Симферополь

Не выношу, когда спектакли идут в однообразном вялом настроении. От таких спектаклей у зрителей остается недоумение, а у актеров (у настоящих актеров) горечь. Р. говорит в таких случаях, что спектакль «завис в воздухе». Если начинают «зависать» два-три актера, то волей-неволей «зависают» и остальные. Ломается настроение, исчезает кураж, и публика должна наблюдать этот позор. Порой я не нахожу слов для того, чтобы выразить свое возмущение, а мне так хочется выражать восхищение. Мечтаю о том, чтобы попасть в труппу, где нет ни лентяев, ни бездарей. Павла Леонтьевна говорит, что я идеалистка. Я не идеалистка, я мечтательница. Живу мечтами.

Дышу мечтами. Упиваюсь мечтами. Мечты как крылья. Они поднимают человека ввысь.

7 марта 1923 года. Симферополь

В газетах пишут, что Дункан[196] и Есенин возвращаются в Россию. Дункан горько разочарована тем, как ее встретили в Америке. Газеты на нее клеветали, зрители ее не оценили. Она сказала, что ей приятнее жить на хлебе и воде в России, чем среди роскоши в Америке, потому что в России есть свобода творчества. В словах о «хлебе и воде» я слышу ремез[197].

Свободу творчества многие путают с желанием épater[198]. Когда я слышу разглагольствования о том, что зрителя надо «поразить», то советую болтунам раздеться донага и играть в таком виде. Выйдет «поразительно». «Пробудить чувства» нельзя сводить к «поразить». Впрочем, бездарность всегда стремится к упрощению. Так ей легче.

15 марта 1923 года. Симферополь

Получила ответ на свое письмо из Москвы. Когда увидела, от кого оно, от нетерпения задрожала так, что надорвала письмо, вскрывая конверт. Сразу же заглянула в конец, потому что самое важное всегда пишут в конце, затем стала читать сначала. Увы, моим потаенным надеждам не суждено осуществиться. Положение в театре сложное. В труппе раскол, а критики обвиняют в буржуазности. «Ромео и Джульетту» не стоило ставить в наше время[199]. Кроме того, есть еще одно препятствие личного характера (надеюсь, что оно скоро исчезнет)[200]. Но мне приятно было узнать, что меня помнят и будут иметь в виду. Не знаю почему, но почему-то я уверена в том, что когда-нибудь буду играть на сцене Камерного театра[201].

Павла Леонтьевна пока еще не получила ответа ни на одно из отправленных ею писем. Я волнуюсь, а она успокаивает меня и говорит, что ответы будут позже, ближе к лету, когда в театрах начнут думать о следующем сезоне.

17 марта 1923 года. Симферополь

Проснулась в прекрасном настроении (в последнее время это случается нечасто). Высунулась в окно и пропела: «О, дней моих

весна златая»[202]. Кто-то с улицы откликнулся: «Замолчи, дура!» Настроению бы следовало испортиться, но оно стало еще лучше. Нахожу в случившемся глубокий смысл. Это очень жизненно, про нас, актеров. Мы заливаемся на сцене соловьями, а нам в ответ из зала часто слышится: «Дураки вы!» Р. любит повторять, что волшебство творится в зале, а не на сцене. Он ошибается.

23 апреля 1923 года. Симферополь

Иногда читаю «Дер эмес»[203]. В ней столько новых слов, что мне кажется, будто я забыла свой язык. Удивляет то, как много там пишут про эмигрантов. Я читаю эту газету ради статей Любомирского[204]. Мне нравится, как он пишет. Среди театральных критиков не так уж много умных людей. К сожалению, в эту профессию часто попадают те, кто потерпел неудачу на других поприщах. Спектакли критиковать проще, чем книги.

29 апреля 1923 года. Симферополь

Закрыли синагогу на Салгирной улице. Я предполагаю, что там будет какой-нибудь клуб[205]. В Симферополе осталось три синагоги. До революции их было вдвое больше. Не знаю, что стало с нашей таганрогской синагогой, в которой мой отец был старостой. Иногда во сне хожу по Депальдовскому переулку[206], будто поджидаю отца, но ни разу еще не встретила его.

В Мисхоре недавно открылся рабисовский дом отдыха[207]. Когда Р. осведомился о путевках, ему ответили, что крымчанам путевки не положены. Я считаю, что это несправедливо. Равенство так равенство. Жителям Симферополя хочется отдохнуть у моря не меньше, чем жителям Рязани.

3 мая 1923 года. Симферополь

До нас дошли слухи о невероятном успехе, которым пользуется спектакль «Падение Елены Лей»[208] в Петроградском театре новой драмы[209]. Его хвалят на все лады и даже называют «исключительным», а этим словом нынче не бросаются. Хвалят все и всех – пьесу, постановку, игру актеров, художественное оформление, костюмы. Пишут о какой-то невероятной спиральной башне из множества площадок, которая стоит на

сцене, и о столь же невероятных световых эффектах. Башня символизирует вихрь истории. С ее площадок свисают веревочные лестницы (я сразу же вспомнила другие лестницы на сцене, виденные мною здесь, в Симферополе). Впрочем, лестницы нравятся не всем. Некоторым критикам они напоминают о цирке. Наш Ж. сразу же увлекся башней и начал ее придумывать, сердясь на то, что ни в одной газете не напечатали ее чертежа. Действие пьесы происходит в Америке. Главная героиня, Елена, – кузина нефтяного короля. Она влюбляется в предводителя рабочих, которого зовут Гэз. Кузен Елены убивает Гэза, рабочие убивают его. В сюжете на первый взгляд нет ничего выдающегося, но тем не менее пьесу хвалят солидные критики. Стало быть, есть за что. Самой пьесы у нас нет, актеров, занятых в ней, мы не знаем. Мы с Павлой Леонтьевной чувствуем себя провинциалами, сброшенными с паровоза жизни. Мечтаем о Москве, подобно чеховским трем сестрам. Пока что получили приглашения из Казани и из Смоленска. Ждем, не ответят ли еще откуда-то.

На Первомай нам выдали сливочное масло и шоколад. Мы радовались как дети.

6 мая 1923 года. Симферополь

Вчера у нас прошло собрание по ликвидации неграмотности в честь дня печати. Удивляюсь, почему день печати нужно отмечать в театре и зачем нам это собрание, если у нас даже дворник грамотный? Бобе майсе![210]

20 мая 1923 года. Симферополь

На прошлой неделе нам пришло письмо из Царицына[211]. Насколько я понимаю (и Павла Леонтьевна тоже так считает), больше нас уже никуда не пригласят. Два письма так и останутся без ответа. Хочется думать, что они где-то затерялись и не дошли по назначению. Не могу допустить, что нам просто не пожелали ответить. Оставлять письма без ответа бестактно. Тем более если в них содержится просьба. У меня странный характер. Мне неловко за людей, допускающих бестактность ко мне. Даже если рассержусь, то после все равно чувствую неловкость. Детская мечта о том, как бы все было замечательно, если бы все люди жили по совести, сидит во мне глубоко. Сказал же рав Гилель: «Не делай другому того, чего себе не желаешь»[212]. Если для нас нет места, то следует написать нам об этом, чтобы мы не надеялись

понапрасну.

Выбирать нелегко. Павла Леонтьевна шутит, что лучше бы у нас было всего одно предложение. Выбор усложняется тем, что мы почти ничего не знаем о театрах, которые нас пригласили. За последние годы все изменилось, да так, что кажется, будто прошел целый век. На слухи сильно полагаться нельзя, так же, как и на то, что пишут газеты. Поэтому мы выбираем не театры, а города. Мне хочется в Казань. Меня поддерживает Ирочка, которая собирается учиться в тамошнем университете. Нынче это самый знаменитый университет в России[213]. Павлу Леонтьевну больше привлекает Смоленск. Я готова уступить ей, она уступает мне. Мы колеблемся и никак не можем выбрать. Я предложила бросить жребий, но Павла Леонтьевна считает это неуместным. О том, чтобы нам разъехаться по разным городам, не может быть и речи. Всю свою жизнь до нашей встречи я страдала от одиночества и не хочу снова испытать это горькое чувство. Тата, глядя на наши муки, качает головой и приговаривает: «Так и оставайтесь здесь. Голод пережили, нечего и уезжать». Голод мы действительно пережили, но дело не в голоде, а в нас. Это невозможно объяснить нашей Тате, которая меряет жизнь на свой аршин. Я убеждена, что в глубине души Тата считает, будто мы с Павлой Леонтьевной сошли с ума. Не знаем, каково с продуктами в Казани и Смоленске и какие там цены, а собрались переезжать. Для Таты главной причиной переезда могут считаться только цены и снабжение.

26 мая 1923 года. Симферополь

Сезон заканчивается. Летние гастроли в этом году сорвались. Далеко ехать нет возможности, а разъезды по Крыму сочли нецелесообразными. Кому-то показалось, что если в городе есть свой театр, то другим театрам туда ездить не следует. Это якобы напрасная трата народных денег. Вспомнила анекдот о том, как хелемские мудрецы[214] строили микву[215]. Вместо гастролей будут агитационные выезды. Больше суеты, меньше удовольствия. Мы с Павлой Леонтьевной не отказались бы от возможности объехать напоследок весь Крым, чтобы проститься с ним. Наш отъезд все ближе и ближе, но мы все еще не определились. Какая-то странная нерешительность овладела нами. Такое чувство, как будто от нашего решения будет зависеть вся наша дальнейшая жизнь. Мы горячо убеждаем друг друга в том, что если на новом месте нам не понравится, то это не страшно, и пр. Отыграем один сезон и уедем. Соглашаемся, что не страшно, но определяться не

спешим. Это от непонимания и незнания обстановки. Сами не знаем, и спросить не у кого, поскольку никто из наших товарищей не может помочь нам советом.

5 июня 1923 года. Симферополь

Мы выбрали Казань. Написали в театр и сообщили всем, что скоро уезжаем. Тата шьет нам новые платья. Встречают по одежке, и нам хочется произвести хорошее впечатление. Талоны на материю нам добыл К. А., и он же договорился о том, чтобы мы смогли отоварить их в распределителе[216] Крымсоюза[217]. Р. совершенно не удивился нашему отъезду. Сказал, что ожидал этого, потому что в театре нам, по его выражению, «стало тесно». А Павле Леонтьевне намекнул, что он и сам подумывает о том, чтобы сменить театр. Наша охота к перемене мест оказалась заразной болезнью. С. И. тоже уезжает, но ближе – в Ялту. Ей хочется жить у моря, и кроме того, ее туда давно зовут. Труппа в Ялте молодая, и у них нет никого на амплуа грандам[218]. А такая грандам, как наша С. И., одна на весь Крым.

Труппа наша раскололась надвое. Все на словах желают нам успеха на новой сцене, но у одних при этом глаза печальные, а у других радостные. Как же им не радоваться, если в театре вдруг освобождается столько ролей! Плетутся интриги и предпринимаются атаки на Р. Бедному Р. приходится нелегко, но я уверена, что он справится. В решающие моменты в нем просыпается характер.

11 июня 1923 года. Симферополь

Я хожу по городу с новым чувством, с предвкушением скорой разлуки. Хочется все-все запомнить, попрощаться с каждым домом и с каждым кустом. Вдруг осознала, насколько мне здесь все дорого. Вспоминаю себя прежнюю и плачу. От счастья плачу, и еще от чувства, будто теряю что-то очень ценное. Я невероятно сентиментальна. Надо брать пример с Ирочки, которая не оглядывается назад. Она ждет не дождется нашего отъезда. До него еще очень далеко, но она каждый день порывается укладывать свои вещи. Ирочка весела как никогда, а нам с Павлой Леонтьевной грустно. Павла Леонтьевна говорит, что я могу писать в анкетах, что с отличием окончила Симферопольский театральный университет. «Театральный университет» – это так смешно. Теперь зову наш театр

«университетом». Говорю: «Иду в университет».

Мы решили, что до отъезда непременно должна съездить в Коктебель, чтобы проститься с М. (его мать скончалась в январе, но он не один, с ним теперь жена), и в Евпаторию, с которой началась наше знакомство с Крымом.

Всем, кого бы я ни встретила, говорю о том, что уезжаю в Казань и буду играть там. Вдруг кто-то станет меня искать? Хочется надеяться на то, что кто-то станет меня искать.

Без даты

Я начала вести дневник по порыву души и по порыву же хочу его оставить. За эти годы все вокруг изменилось, и я тоже стала другой. Часто спрашиваю себя о том, какой я стала. Всякий раз отвечаю на этот вопрос иначе, потому что я весьма непостоянная особа. Бывают такие дни, когда я горжусь собой, а бывают и такие, когда я себя презираю. Но одно могу сказать наверняка. Я обрела уверенность. Я столько всего испытала, и хорошего, и плохого, что научилась не бояться грядущего дня. Когда я думаю о том, что день грядущий мне готовит, сердце уже не замирает от страха. Что-нибудь да приготовит, как-нибудь да переживу.

Дневник был для меня опорой все эти годы. Смотрю на четыре лежащие передо мной тетради и плачу. В последнее время я стала много плакать, платок все время мокрый. Сантименты. Дневник был для меня опорой, но сейчас я уже в ней не нуждаюсь, потому что твердо стою на ногах. У меня больше нет желания делиться сокровенным с самой собой. Пора заканчивать, тем более что и тетрадь подходит к концу. Хотелось бы записать напоследок какую-то умную мысль, но умные мысли капризны и не приходят, когда их ждут. Они имеют привычку посещать меня в те минуты, когда мне совсем не до них. Поэтому я просто поставлю точку. Все имеет начало и конец, так устроен мир.

Без даты

Завтра мы уезжаем. Все плачем. С. И. печальнее всех нас. Мы уезжаем вчетвером, а она окажется в новой труппе одна-одинешенька. Мне безумно жаль ее. Решила оставить С. И. свои тетради, чтобы хоть как-то скрасить ее одиночество. Оставляю не навсегда, а на время, до нашей встречи. Мы с Павлой Леонтьевной прощаемся с Крымом не насовсем. Планируем приезжать сюда на отдых. У нас здесь много друзей, мы станем

приезжать сюда, как домой.

notes

Примечания

1

В первой и второй тетрадях даты приведены по юлианскому календарю, т. е. по старому стилю. (Здесь и далее прим. ред.).

2

Елена Владимировна (1882–1957) – великая княжна, дочь великого князя Владимира Александровича и Марии Павловны, герцогини Мекленбург-Шверинской; внучка императора Александра II; супруга греческого принца Николая, сына короля Греции Георга I.

З

Вульф Павла Леонтьевна (1878–1961) – русская актриса, ставшая другом и наставницей Фаины Раневской.

4

Наталья Александровна Иванова (Тата) – вела хозяйство Павлы Вульф и нянчила ее дочь Ирину.

5

Комиссаржевская (Раневская пишет «Коммисаржевская», потому что так было принято писать эту фамилию в дореволюционное время) Вера Фёдоровна (1864–1910) – знаменитая русская актриса начала XX века. Умерла в феврале 1910 года в Ташкенте во время своих гастролей от оспы.

6

Сара Бернар (настоящее имя – Генриетт Розин Бернар; 1844–1923) – знаменитая французская актриса, завоевавшая всемирную славу.

7

Последний довод королей (*лат.*). Во время Тридцатилетней войны кардинал Ришелье приказал отлить эти слова на стволах французских пушек.

8

Литваки – общее название для евреев, живших на территории современной Литвы и части современной Беларуси. Отец Фаины Раневской был родом из местечка Смиливичи Игуменского уезда Минской губернии, т. е. относился к литвакам.

9

Юрий Михайлович Юрьев (1872–1948) – русский и советский актер, театральный педагог. Народный артист СССР (1939).

10

Михаил Ефимович Медведев (Меер Хаимович Бернштейн; 1852–1925) – российский певец (тенор) и музыкальный педагог.

11

Кантор (хазан) – член еврейской общины, ведущий богослужение в синагоге. Кантор читает нараспев молитвы, которые повторяют за ним остальные молящиеся.

12

Можно предположить, что речь идет о Екатерине Васильевне Гельцер (1876–1962) – русской балерине, приме советского балета 1920-х годов, принявшей большое участие в судьбе юной Фаины Фельдман и ставшей ее другом.

13

Персонаж пьесы немецкого драматурга Герхарта Гауптмана (1862–1946) «Потонувший колокол».

14

Елена Константиновна Лешковская (Ляшковская) (1864–1925) – русская актриса, театральный педагог.

15

Варвара Осиповна Массалитинова (1878–1945) – русская актриса театра и кино.

16

Ирина Сергеевна Вульф (Анисимова) (1907–1972) – дочь Павлы Вульф, советская актриса, режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР (1956).

17

Фаршированная рыба, традиционное и довольно трудоемкое рыбное блюдо еврейской кухни.

18

Там, где ты ничего не можешь, там ты не должен ничего хотеть (*лат.*).

19

Демосфен (384 г. до н. э. – 322 г. до н. э.) – знаменитый оратор Древней Греции. Согласно легенде, Демосфен был косноязычен и имел слабый голос. Чтобы избавиться от этих недостатков, произносил речи на берегу моря с камнями во рту, перекрикивая шум волн.

Между строк (*фр.*).

21

Раневская пишет о дуэли между двумя поэтами Николаем Гумилевым и Максимилианом Волошиным в Петербурге на Черной Речке 22 ноября 1909 г. Причиной дуэли стала молодая поэтесса Елизавета Дмитриева, писавшая под псевдонимом Черубина де Габриак. Вот что сам Волошин писал об этой истории: «… летом, будучи в Коктебеле вместе с Лилей [Дмитриевой], он [Гумилев] делал ей предложение. В то время, когда Лиля разоблачила себя [речь идет о раскрытии псевдонима], в редакционных кругах стала расти сплетня… Одному немецкому поэту, Гансу Гюнтеру, который забавлялся оккультизмом, удалось завладеть доверием Лили. Она была в то время в очень нервном, возбужденном состоянии. Очевидно, Гюнтер добился от нее каких-то признаний. Он стал рассказывать, что Гумилев говорит о том, как у них с Лилей в Коктебеле был большой роман. Все это в очень грубых выражениях. Гюнтер даже устроил Лиле «очную ставку» с Гумилевым, которому она принуждена была сказать, что он лжет. Гюнтер же был с Гумилевым на «ты» и, очевидно, на его стороне. Я почувствовал себя ответственным за все это и… через два дня стрелялся с Гумилевым… мы стрелялись за Новой Деревней возле Черной Речки если не той самой парой пистолетов, которой стрелялся Пушкин, то во всяком случае современной ему. Была мокрая, грязная весна, и моему секунданту Шервашидзе, который отмеривал нам 15 шагов по кочкам, пришлось очень плохо. Гумилев промахнулся, у меня пистолет дал осечку. Он предложил мне стрелять еще раз. Я выстрелил, боясь, по неумению своему стрелять, попасть в него. Не попал, и на этом наша дуэль окончилась. Секунданты предложили нам подать друг другу руки, но мы отказались». (М. Волошин, «История Черубины»).

22

Намек на дуэль между Пушкиным и Дантесом, которая состоялась на Черной Речке 8 февраля 1837 года.

23

С Максимилианом Волошиным.

24

Михаил Семенович Щепкин (1788–1863) – русский актер, один из основоположников русской актерской школы.

25

Дурной тон, моветон (*фр.*).

26

Можно предположить, что речь идет об актере и режиссере Владимире Александровиче Ермоловом-Бороздине, в чьей труппе служила в тот период Фаина Раневская.

27

Ревелем в Российской империи называли Таллин, столицу современной Эстонии.

28

«Отверженные», широко известный роман французского писателя Виктора Гюго (1802–1885), рассказывающий о непростом жизненном пути бывшего каторжника Жана Вальжана.

29

Прежнее название города Краснодара.

30

Чолнт – еврейское традиционное субботнее блюдо, приготовляемое из мяса и бобов (гороха, фасоли) с добавлением круп или картофеля.

31

Бенефис (от фр. bénéfice – «доход, польза») – спектакль, устраиваемый в честь одного или нескольких выступающих актеров (бенефицианта) как выражение признания его мастерства или чествование по случаю юбилея. Чистый доход от подобных представлений полностью поступал в пользу бенефицианта.

32

Старая ведьма (*фр*.).

33

Уменьшительное от «бонмо» – остроумное выражение, шутка. В русский язык перешло из французского (*bon mot – хорошее словцо, острота*).

34

Матвей Александрович Сулькевич (Мамед бек Сулькевич; 1865–1920) – генерал-лейтенант русской армии, политический деятель. С июня по ноябрь 1918 года был премьер-министром, министром внутренних и военных дел первого Крымского краевого правительства.

35

А. С. Пушкин «К морю».

36

Пурим – еврейский праздник в память о чудесном спасении евреев в Персидском царстве более 2400 лет назад, в период правления царя Артаксеркса. Получил свое название от слова «пур», что означает «жребий». Выражением «Пурим не каждый день» хотят сказать, что постоянного счастья или постоянного везения не бывает. Аналог русского: «Не все коту масленица».

37

Антрепренер Сергей Федорович Новожилов, в антрепризе которого Раневская служила в 1917 году. Бежал со всеми собранными деньгами, оставив труппу на произвол судьбы.

38

Шива – еврейский траурный обряд, семь дней скорби по умершему. Во время шивы нельзя выходить из дому, положено сидеть на низких стульях.

39

Таганрогская гостиница «Бристоль» принадлежала братьям Мелкону и Григорию Багдасаровым.

40

Речь идет о Летнем театре, находившемся в подмосковной Малаховке. Там началась актерская карьера Фаины Раневской (тогда еще Фельдман). В театр ее устроила Екатерина Гельцер.

41

Броская (провоцирующая) красота (*фр*.).

42

Можно предположить, что речь идет об Ольге Осиповне Садовской (1849–1919) – известной русской актрисе, заслуженной артистке Императорских театров (1911).

43

Еванг. Мат. 6:34.

44

Можно предположить, что речь идет об Илье Львовиче Сельвинском (1899–1968) – советском поэте, прозаике и драматурге, крымчаке по национальности.

45

Еврейский аналог русской пословицы: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь».

46

Александр Алексеевич Ханжонков (1877–1945) – русский предприниматель, один из пионеров русского кинематографа, продюсер, режиссер, сценарист. Владел кинематографическим ателье в Москве. В 1917 году переехал в Ялту со своим ателье и до ноября 1920 года выпускал там фильмы.

47

Александр Ханжонков родился в поселке Верхне-Ханженковском близ города Макеевка. В Новочеркасске он учился в казачьем юнкерском училище.

48

Вера Васильевна Холодная (Левченко; 1893–1919) – российская киноактриса немого кино.

49

Вера Алексеевна Каралли (1889–1972) – русская балерина, актриса немого кино, балетный педагог.

Официально в то время театр назывался Театром Таврического дворянства в городе Симферополе.

51

Можно предположить, что речь идет об Илларионе Николаевиче Певцове (1879–1934), русском актере и театральном педагоге. Раневская познакомилась с ним в малаховском Летнем театре.

52

Анастасия Дмитриевна Вяльцева (Бискупская; 1871–1913) – известная русская певица (меццо-сопрано).

53

Анастасию Вяльцеву называли «чайкой русской эстрады».

54

Ненормальный, чокнутый, балбес (*идиш*). Может употребляться в ласково-снисходительном смысле.

55

Караимы признают Танах (Ветхий Завет), но не признают Талмуд и Устную Тору.

56

Змирот или зэмирот – еврейские религиозные гимны, в основу которых положены выдержки из Торы, народные песни или же стихи, написанные известными раввинами, жившими в средневековую эпоху. Выражение «много змирот, но мало лапши» аналогично русскому «игра не стоит свеч».

Так в тексте.

58

Автомедон – нарицательное название кучера, происходящее от имени возницы древнегреческого героя Ахилла.

59

Шадхен – еврейский сват.

60

Девятое Ава (*ивр*. Тиш'а бе-Ав) – день траура у иудеев, день, когда были разрушены Первый и Второй Иерусалимские храмы. В этот день ничего не едят, не пьют, не надевают кожаную обувь. Берет начало от 9-го числа месяца ава 2449 года по еврейскому летоисчислению (1312 г. до н. э.), когда разведчики, посланные Моисеем в Землю обетованную, вернулись и произвели панику среди евреев сложностями завоевания ее. Испуганные евреи отказались войти в Землю обетованную, чем вызвали гнев Божий.

61

В еврейский праздник Пурим принято давать деньги нуждающимся.

Раневская ошибается. А. И. Деникин проявил себя с лучшей стороны как во время Русско-японской войны, так и на фронтах Первой мировой.

63

Золотая еврейская голова (*идиш*).

64

Девичья фамилия матери Фаины Раневской была Заговайлова.

65

Дмитрий Ильич Ульянов (1874–1943) – российский революционер и партийный деятель, младший брат Владимира Ульянова. После Октябрьской революции боролся за установление Советской власти в Крыму. С декабря 1917 года член Таврического комитета РСДРП(б). В апреле 1919-го был избран членом Крымского обкома РСДРП(б), назначен наркомом здравоохранения и социального обеспечения, а 5 мая того же года избран председателем Совнаркома Крымской Советской Социалистической Республики.

Если сравнить эти слова Раневской с тем, что писал Максимилиан Волошин, то можно предположить, что речь идет о нем. «Самостоятельным он [Крым] быть не может, так как при наличности двенадцати с лишком народностей, его населяющих, и притом не гнездами, а в прослойку, он не в состоянии создать никакого государства. Ему необходим «завоеватель». (Из письма Максимилиана Волошина к Александре Михайловне Петровой, 10 мая 1918 г. Коктебель).

67

Николай Николаевич Шиллинг (1870–1946) – русский военачальник, генерал-лейтенант, участник Белого движения. Командовал III армейским корпусом (бывший сводный Крымско-Азовский корпус), занявшим Симферополь в июне 1919 года.

«О времена! О нравы!» (*лат.*).

Гротеска (*фр.*).

70

Штука – старинная мера длины ткани, представлявшая собой рулон, в котором могло быть разное количество ткани.

71

Можно предположить, что речь идет о Максимилиане Волошине.

72

Раневская явно имеет в виду историю с Черубиной де Габриак. Летом 1909 года в Коктебеле на даче у Волошина он и поэтесса Елизавета Дмитриева породили идею литературной мистификации, для которой был придуман звучный псевдоним и образ таинственной красавицы, воспитывавшейся в детстве в католическом монастыре. Стихи Черубины де Габриак печатались в литературном журнале «Аполлон» и пользовались успехом. Предполагается, что часть из них написана Волошиным. Разоблачение Черубины состоялось в конце 1909 года.

73

Имеется в виду петербургский «Пассаж» (Итальянская улица, дом 19), в котором есть театральный зал. До 1917 года там играла оперетта известной русской певицы и актрисы Валентины Ивановны Пионтковской. Ныне в этом помещении расположен Академический драматический театр имени В. Ф. Комиссаржевской.

74

Пьеса русского прозаика и драматурга Ильи Дмитриевича Сургучева (1881–1956), написанная им в 1915 году по заказу К. С. Станиславского для Московского Художественного театра. Пьеса имела большой успех. Сюжет построен вокруг попытки главной героини, вступившей в пору увядания, женить своего молодого любовника на своей приемной дочери, чтобы они могли бы быть рядом, не опасаясь общественного мнения и слепнущего мужа главной героини.

75

Жданова Мария Александровна (1890–1944) – русская актриса, выпускница школы Московского Художественного театра (МХТ). В труппе МХТ служила с 1907 по 1924 г., за это время сыграла в пятнадцати пьесах. К. С. Станиславский считал Жданову одной из наиболее одаренных своих учениц. Жданова была первой исполнительницей Верочки в «Осенних скрипках». В 20-е годы прошлого века волею случая оказалась вне труппы, пережила долгий период душевного нездоровья, эмигрировала в Литву и некоторое время служила в драматическом театре в Каунасе, тогдашней столицы Литвы. Умерла в Париже.

76

В дословном переводе с идиш: «Когда (хочется воскликнуть) «ох!» и «вей!». Выражение, выражающее крайнюю степень недовольства, горести, презрения и т. п.

77

«Колокольчиками» или «колоколами» назывались денежные знаки Главного командования вооруженными силами на Юге России. Печатались в Ростове-на-Дону. Обиходное название получили от изображенного на тысячерублевом билете московского Царь-колокола. Быстро обесценивались. Из-за относительной простоты своего изготовления широко подделывались.

Раввином.

Ажиотаж, возбуждение (*фр.*).

Первый среди равных (*лат.*).

81

Музыкально-драматическая школа, открытая в 1904 году украинским композитором и педагогом Николаем Лысенко (1842–1912). После смерти Лысенко была названа его именем.

82

«Морэ невухим» («Наставник заблудших») – философское произведение, написанное Рамбамом (раби Моше бен Маймоном, 1135–1204), крупнейшим средневековым еврейским законоучителем и философом. Частью еврейского общества воспринимается скептически, поскольку обосновывает постулаты веры оригинальным способом, опираясь, в частности, на греческую философию (рационализм Аристотеля). «Морэ невухим» старались не держать на виду. Упоминание Раневской о том, что ее отец доставал эту книгу из шкафа, выглядит не случайным.

83

Мордехай – персонаж Ветхого Завета, один из героев, связанных с еврейским праздником Пурим. Вместе со своей двоюродной сестрой Эстер (Есфирь) он стал спасителем еврейского народа от козней Амана, одного из придворных персидского царя Артаксеркса.

84

«Лев Гурыч Синичкин, или Провинциальная дебютантка» – комедия-водевиль в пяти действиях, авторизованный перевод Д. Т. Ленским французского водевиля Э-Г. Теолона и Ж-Ф. Баяра «Le Père de la débutante» («Отец дебютантки»). Впервые был поставлен в Москве в 1839 году и прочно вошел в русский театральный репертуар, став одним из самых известных и популярных водевилей.

85

Главная героиня пьесы.

86

Ротшильды – европейская династия банкиров еврейского происхождения. Имя Ротшильдов стало у евреев нарицательным и ассоциируется с несметными богатствами.

87

«Мазлтов» («Мазаль тов») – в буквальном переводе «хорошее везение», фраза, используемая у евреев для поздравления в честь какого-либо счастливого события в жизни человека.

88

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – барон, русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из руководителей Белого движения. Получил прозвище «черный барон» из-за того, что с сентября 1918 года ходил в черной казачьей черкеске с газырями. В январе 1919 года недолгое время командовал Добровольческой армией, затем Кавказской Добровольческой армией. Врангель находился в натянутых отношениях с Деникиным, так как спорил с ним по стратегическим вопросам (так, например, Врангель требовал наступления в царицынском направлении для соединения с армией Колчака, а Деникин настаивал на первоочередном наступлении на Москву). 8 февраля 1920 года Врангель приказом Деникина был уволен в отставку и отбыл в Константинополь. После того, в апреле 1920 года, Деникин принял решение уйти в отставку с поста главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, главнокомандующим был выбран Врангель.

89

Гелзеле (точнее «гефилте гелзеле») – фаршированные куриные (гусиные) шейки, традиционное блюдо еврейской кухни.

90

Цимес – сладкое овощное рагу, традиционное блюдо еврейской кухни. У ашкеназов (евреев Центральной Европы и России) является обязательным блюдом на еврейский Новый год Рош Ха-Шана.

Эскапады, дерзкой выходки (*фр.*).

92

Речь идет о Константине Андреевиче Треневе (1876–1945) – российском советском писателе и драматурге, авторе широко известной в советское время пьесы «Любовь Яровая».

93

В январе 1921 года, вскоре после установления Советской власти, приказом Ялтинского ревкома Ялта была переименована в Красноармейск, как было написано, «в ознаменование победного похода Красной армии, конечным пунктом которого явилась Ялта», но уже в августе того же года городу вернули прежнее название. Согласно легенде, это произошло по личному указанию В. И. Ульянова-Ленина, который отказался утвердить приказ о переименовании Ялты.

Караул! Ужас! (*идиш*).

95

Разновидность учетных бухгалтерских книг.

Мемуаров (*фр.*).

Непременное условие (*лат.*).

«Биселе» (*идиш*) – «немного».

99

«Марсельеза» (в переводе с фр.: «марсельская», «марселька») – самая знаменитая песня времен Великой французской революции, сначала ставшая гимном революционеров, а затем и Франции. Изначально называлась «Военный марш Рейнской армии».

100

Можно предположить, что это Сергей Михайлович Соболев (1900–1939), бывший в то время ответственным секретарем Симферопольского городского комитета РКСМ (Российского коммунистического союза молодежи).

101

Еврейский аналог русской поговорки «В каждой бочке меда есть ложка дегтя».

102

Агитпроп (сокращение от «агитация и пропаганда») – обиходное название отделов агитации и пропаганды при партийных комитетах в СССР.

103

«Торговый Дом Владимир и Павел Сойфер» в г. Харькове.

104

Фамилия Сойфер (или Софер) в переводе с иврита означает «переписчик» (не обычный, а тот, который переписывает религиозные тексты – свитки Торы и т. п.).

105

Атлант или Атлас – в древнегреческой мифологии могучий титан, держащий на своих плечах небесный свод.

106

В оригинале сначала было написано «подачкам», затем «ч» исправлено на «р».

107

Пьеса норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906), написанная в 1879 году. В пьесе освещаются проблемы положения женщины в обществе и свободы человеческой личности вообще.

108

Автор пьесы «Осенние скрипки» И. Д. Сургучев эмигрировал в 1920 году.

109

«Кочка» – разговорное название Крымской Областной Чрезвычайной Комиссии, сокр. КОЧК.

110

Совзнаки (расчетные или денежные знаки РСФСР) – бумажные деньги, выпускавшиеся Народным комиссариатом финансов РСФСР с 1919 года и имевшие хождение в РСФСР и СССР до 1924 года.

111

Опытно-героический театр – драматический театр, существовавший в Москве в 1921–1923 годах. Был основан актером и художником Камерного театра Борисом Фердинандовым (1889–1959) в содружестве с поэтом и драматургом Вадимом Шершеневичем (1893–1942).

Ныне г. Белогорск.

113

Демьян Бедный, «Революционный гудок» (1918).

114

Фельдман, настоящая фамилия Фаины Раневской, дословно переводится с идиш как «человек поля», т. е. крестьянин. Раневская из «Вишневого сада» Чехова была помещицей.

115

Экранизация одноименного мелодраматического романа Анастасии Алексеевны Вербицкой (1861–1928), снятая в 1914 году режиссером Владимиром Гардиным.

116

Драма, снятая режиссером Борисом Чайковским в 1915 году.

117

Варвара Поликарповна Янова (1890–1942) – русская актриса театра и кино. Эмигрировала в 1920 году.

118

В картине «Портрет Дориана Грея», снятой в 1915 году режиссером Всеволодом Мейерхольдом по мотивам одноименного романа Оскара Уайльда, Варвара Янова исполнила роль Дориана Грея.

119

Мария Александровна Арцыбушева была директором московского Театра миниатюр, который находился в Мамоновском переулке близ Тверской улицы.

120

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель. Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета с 1919 по 1938 г. В 1919 году Лев Троцкий назвал Калинина «всероссийским старостой», после 1935 года его стали называть «всесоюзным старостой». Член ЦК РКП(б) – ВКП(б) (1919–1946). Председатель Президиума Верховного Совета СССР с 1938 по 1946 г.

121

Харьков был столицей советской Украины с 1919 по 1934 г.

122

Петровский Григорий Иванович (1878–1958) – российский революционер, советский партийный и государственный деятель. Член ЦК РКП(б) – ВКП(б) в 1921–1939 гг. Председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета с 1920 по 1938 г.

123

Уездный комитет РКП(б).

124

«Барыня с двумя лакеями, старуха 70-ти лет, полусумасшедшая» – один из второстепенных персонажей драмы А. Н. Островского «Гроза».

125

Уездный исполнительный комитет.

126

В первые послереволюционные годы оценки в школах были отменены как старорежимный пережиток.

127

Феодосийская табачная фабрика, основанная в 1861 году фабрикантом Осипом Стамболи.

Карт-бланш (*фр.*).

129

Партиец – член партии (*устар.*).

130

Намек на то, что в 1900 году здание ялтинского театра сгорело дотла из-за опрокинутой пьяным рабочим свечи. На самом же деле в выражении «актер погорелого театра» подразумевается не сгоревший театр, а погоревшая, то есть обанкротившаяся, антреприза.

131

Найденов Сергей Александрович (настоящая фамилия Алексеев; 1868–1922) – русский драматург, автор известной пьесы «Дети Ванюшина».

132

Ливадия, находящаяся в трех километрах от Ялты, была летней резиденцией последних царей из династии Романовых – Александра Второго, Александра Третьего и Николая Второго.

133

Картина, снятая в 1914 году режиссером Яковом Протазановым по одноименному роману писательницы Евдокии Аполлоновны Нагродской (1866–1930).

134

Роман «Гнев Диониса» привлек всеобщее внимание наличием эротических сцен.

135

Преображенская Ольга Ивановна (1881–1971) – русская актриса, режиссер, сценарист. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1935). Считалась одной из ведущих актрис русского дореволюционного кино.

136

Никулин Вениамин Иванович (настоящее имя Вениамин Вольфович Олькеницкий; 1866–1953) – русский актер и антрепренер. Был антрепренером Воронежского зимнего драматического театра в 1897–1917 гг. Написал весьма интересные мемуары «Записки театрального директора: Государство, общество и театр», опубликованные в Нью-Йорке в 1942 году издательством «Colonial Printing and Publishing Co».

137

Правдин Осип Андреевич (настоящее имя – Оскар Августович Трейлебен; 1849–1921) – известный русский актер и театральный педагог. Служил в труппе Малого театра с 1878 по 1921 г. В августе 1917 года был назначен товарищем комиссара Временного правительства по московским государственным театрам и управляющим труппой Малого театра.

138

Персонаж пьесы А. Н. Островского «Бешеные деньги».

139

Персонаж пьесы «Дело» («Отжитое время») А. В. Сухово-Кобылина.

140

Персонаж пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор».

141

Жихарева Елизавета Тимофеевна (1875–1967) – русская советская актриса. Заслуженная артистка РСФСР (1939). Эмигрировала в 1918 году вместе со своим мужем, известным актером Илларионом Певцовым (1879–1934), вернулась в СССР в 1927 году.

142

Всеукраинское фотокиноуправление (ВУФКУ) – государственная кинематографическая организация, созданная 13 марта 1922 года на базе Всеукраинского кинокомитета и существовавшая до 1930 года.

143

В 1923 году Ханжонков вернулся на родину. Жил в Москве. Работал консультантом «Госкино», затем заведующим производством «Пролеткино». В 1926 году вместе с другими руководителями «Пролеткино» был арестован по уголовному делу о финансовых злоупотреблениях. Ввиду отсутствия доказательств его вины был освобожден, но был ограничен в правах и получил запрет на работу в кинематографе. Из-за резкого ухудшения здоровья вынужденно переехал из Москвы в Ялту. В 1934 году Ханжонков обратился к председателю кинофотоуправления Борису Шумяцкому с письмом, в котором написал о своем бедственном положении, после чего был реабилитирован и получил правительственную персональную пенсию. В последние годы жизни Ханжонков занимался написанием мемуаров.

144

Экспериментальный театр-кабаре (театр художественной пародии, сатиры и миниатюры) «Голубой глаз», основанный режиссером и актером Евгением Ивановичем Чигринским (1884–1942) и художником Евгением Андреевичем Агафоновым (1878–1955), существовал в Харькове на углу улицы Гоголя и Провиантского переулка с 1909 по 1911 г.

145

Драматический театр, открытый в Киеве в 1909 году антрепренером А. Н. Кручининым. В 1912 году был преобразован в Художественный театр миниатюр.

146

Никита Федорович Балиев (настоящее имя Мкртыч Асвадурович Балян; 1876–1936) – актер, режиссер, основатель и директор пародийного московского театра «Летучая мышь».

147

Весной 1920 года часть труппы театра «Летучая мышь» во главе с Никитой Балиевым отправилась на гастроли по Кавказу, откуда им удалось добраться до Константинополя.

148

Шкатулка для драгоценностей (*фр.*).

149

Можно предположить, что Раневская намекает на пролетарского поэта Демьяна Бедного (настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945), у которого в стихотворении «Печаль», написанном в 1920 году и опубликованном в журнале «Красная новь» в 1921 году есть такие строки:

«Дрожит вагон. Стучат колеса.
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Один, другой… Следы борьбы.
Остановились. Полустанок.
Какой? Не все ли мне равно.
На двух оборванных цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна – вот эта, что моложе, —
Так хороша, в глазах – огонь.
Красноармеец – рваный тоже —
Пред нею вытянул ладонь».

150

Всеволод Эмильевич Мейерхольд (настоящее имя – Карл Казимир Теодор Майергольд; 1874–1940) – русский советский театральный режиссер, актер и педагог. Народный артист РСФСР (1923).

151

Сокращение от слов: «коммунальное хозяйство». Так назывались органы, в ведении которых оно находилось.

152

Барон Дризен (точнее, Остен-Дризен) Николай Васильевич (1868–1935) – театральный деятель, историк театра. Был цензором драматических сочинений при Главном управлении по делам печати и редактором «Ежегодника императорских театров». Эмигрировал в 1919 году. Оставил интересные воспоминания о театральной жизни Петербурга конца XIX – начала XX веков «Сорок лет театра. Воспоминания, 1875–1915».

153

Контраст (*фр.*).

154

Раневская ошибается. «Caramba!» – это на самом деле не итальянское, а испанское восклицание «Черт побери!» (дословно: «Черт!»).

155

Пьеса А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты».

156

Мария Васильевна Войницкая из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» является вдовой тайного советника. Этот гражданский чин третьего класса по Табели о рангах соответствовал чину генерал-лейтенанта.

157

В СССР бенефисы были официально упразднены на государственном уровне лишь в 1925 году постановлением V Всесоюзного съезда профсоюза работников искусств.

158

Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978) – русская балерина, артистка балета Мариинского театра (1902–1918), исполняла ведущие партии в балетах классического репертуара.

159

Ваганова Агриппина Яковлевна (1879–1951) – русская балерина, артистка балета Мариинского театра (1897–1916), балетмейстер и педагог. Не отличалась хрупким «балетным» сложением, была невысокой и коренастой, но обладала отточенной техникой.

160

Намек на слова из «Интернационала: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем».

161

Еврейское название Кракова.

Шанда (или «шанде»; *идиш*) – стыд, позор.

163

Можно предположить, что «реварт» – это сокращение от «революционный артист».

164

Финотделы (сокр. от «финансовые отделы») – налоговые органы, созданные декретом Совета Народных Комиссаров 31 октября 1918 г. взамен упраздненных казенных палат, акцизных управлений и финансовых органов местных самоуправлений.

165

Крымский областной комитет РКП(б) – ВКП(б).

166

Израилович Абрам Ильич (1883–1937) – революционер, врач по образованию, крупный советский чиновник. С ноября 1921 года по октябрь 1922 года был ответственным секретарем Крымского областного комитета РКП(б).

167

Центральный комитет РКП(б).

Ныне улица Ленина.

169

В наше время принято писать «Малый Каковинский».

170

«Кошку за маслом не посылают» – еврейская пословица, соответствующая русскому выражению «Пустить козла в огород».

171

Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937) – русский военачальник, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из руководителей Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Правитель Приамурского земского края в 1922 году. В октябре 1922 года был вынужден эмигрировать в Китай и осел в Шанхае. В 1930-м стал председателем Дальневосточного отдела Русского Общевоинского Союза. Автор книги «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале».

172

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) – революционер, советский государственный и военный деятель, один из наиболее крупных военачальников Красной армии во время Гражданской войны, военный теоретик. С января по октябрь 1925 года был председателем Реввоенсовета СССР и наркомом по военным и морским делам. В ноябре 1920 года Фрунзе командовал войсками Южного фронта РККА, освободившими Крым от белых.

173

Уборевич Иероним Петрович (1896–1937) – советский военный и политический деятель, командарм 1-го ранга. С августа 1922 года был председателем Военного Совета и военным министром т. н. Дальневосточной Республики и главнокомандующим ее армией и флотом. Командовал войсками, вошедшими 25 октября во Владивосток. Расстрелян по «Делу Тухачевского» (1937).

174

На самом деле мест в историческом зале Большого театра (основная сцена) в то время было около 2300.

175

«Пролетариям нечего в ней [революции] терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» – фраза из «Манифеста Коммунистической партии» (1848), написанного Карлом Марксом (1818–1883) и Фридрихом Энгельсом (1820–1895).

Южное театральное агентство Е. Гениса и П. Зенкевича.

177

Советский червонец – банковский билет, который обеспечивался золотом и активами Государственного банка России. С 27 ноября 1922 года в СССР начали поступать в обращение банкноты номиналом в 5 и 10, несколько позже – в 1, 3, и 25 червонцев. На банкнотах было написано, что 1 червонец содержит 1 золотник 78,24 доли (8,6 грамма) чистого золота, что он подлежит размену на золото и что начало размена устанавливается особым правительственным актом (никакого правительственного акта о размене червонцев на золото так и не вышло). С 1 апреля 1924 года курс червонца начал котироваться на Нью-Йоркской фондовой бирже.

178

Ротенберг Александр Иосифович (1886–1943) – революционер, чекист. В ноябре 1921 – сентябре 1922 г. был председателем ЧК (начальником отдела ГПУ) Крымской АССР. Был снят с этой должности, но до середины 1923 года оставался заместителем нового начальника отдела ГПУ Станислава Реденса.

179

Иорданов Павел Федорович (1857–1920) – врач, общественный деятель, городской голова Таганрога (1905–1909), член Государственного совета (1909), тайный советник, сенатор (1917). В 1-м и 2-м классах таганрогской гимназии был соучеником А. П. Чехова. Происходил из богатой греческой купеческой семьи.

180

Пиндос – уничижительное прозвище местных греков на черноморском побережье Российской империи в XIX – начале XX веков. Его можно встретить даже у А. П. Чехова: «… за неимением порядочных, развитых людей, и выходят бог знает за кого, за разных маклеров да пиндосов, которые только и умеют, что пить да в клубе скандальничать…» (повесть «Огни»).

181

Имеется в виду т. н. «черта постоянной еврейской оседлости» – территория, в пределах которой законодательством Российской империи было разрешено проживать евреям. Существовала с 1791 по 1917 год. В черте оседлости существовали дополнительные ограничения для евреев. Им разрешалось проживать только в специально оговоренных городах и местечках, вне сельской местности. Запрет на проживание в сельской местности объяснялся борьбой с эксплуатацией крестьянства евреями. Запрет не распространялся на некоторые категории, например, на купцов первой гильдии или на врачей, состоящих на государственной службе. Фактически черта оседлости была отменена 19 августа 1915 года, когда управляющий Министерством внутренних дел разрешил, в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени, проживание евреев в городских поселениях вне черты оседлости (за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров императорского двора и военного). Юридически ее отменило Временное правительство после Февральской революции.

182

Таганрог и Ростов-на-Дону были исключены из черты оседлости в 1887 году после вхождения в область Войска Донского. Евреи, которые там проживали, не были выселены, но тем, кто после 1887 года приезжал со стороны, требовалось разрешение на право проживания вне черты оседлости, называемое «правожительством».

183

Вероятнее всего, речь идет о еврейском погроме, произошедшем в Могилеве 19 ноября 1922 года. Причиной послужил рост рыночных цен на продукты, в котором обвинили евреев, несмотря на то что далеко не все торговцы были евреями. В погроме приняли участие часть расквартированных в Могилеве красноармейцев. В ходе погрома 6 человек погибло, более 20 было ранено.

184

Декрет Совета народных комиссаров (СНК) «О введении Международной Метрической системы мер и весов» был принят 11 сентября 1918 года. Согласно ему 1 января 1919 года по всей Советской Республике была введена международная метрическая система мер и весов с десятичными подразделениями и производными. Основной единицей длины становился метр, а основной единицей веса – килограмм. В декрете было оговорено, что окончательный переход на новую систему должен завершиться к 1 января 1922 года, когда должно быть прекращено изготовление мер и гирь русской системы. С 1 января 1923 года прекращалась их продажа, а с 1 января 1924 года полностью запрещалось применение всяких мер и весов, кроме метрических.

185

В ходе Великой французской революции во Франции декретом Национального конвента от 5 октября 1793 года был введен республиканский (революционный) календарь, отмененный Наполеоном с 1 января 1806 года.

186

Месяц август получил свое название в честь римского императора Октавиана Августа, именем которого, в 8 г. до н. э. римский сенат назвал месяц, считавшийся особенно счастливым в жизни императора.

187

Старк Георгий Карлович (1878–1950) – русский морской офицер, контр-адмирал. В июне 1921 года прибыл во Владивосток и возглавил Сибирскую флотилию, остатки которой увел из Владивостока 23 октября 1922 года.

188

Первый президент Польши Габриэль Нарутович (1865–1922) был убит на пятый день своего президентства Элигиушем Невядомским (1869–1923). Раневская ошибается, называя Невядомского актером (видимо, повторяет газетную ошибку). На самом деле он был художником.

189

По этой реплике можно сделать вывод о том, что речь идет о пьесе Константина Тренева (К. А.) «Любовь Яровая».

190

Примерно 3 литра.

191

Вероятнее всего, речь идет о «Вестнике работников искусств», иллюстрированном журнале, органе Центрального комитета Всероссийского профсоюза работников искусств, издававшемся в 1920–1926 гг. в Москве.

192

Речь идет об Алисе Алис Георгиевне Коонен (1889–1974), супруге основателя и бессменного художественного руководителя московского Камерного театра Александра Яковлевича Таирова (1885–1950). Раневская познакомилась с Коонен в 1910 году.

193

Хедер – еврейская религиозная начальная школа. Выражение «из хедера в раввины» употребляется, когда надо подчеркнуть необоснованность чьих-то притязаний.

194

Шпажинский Ипполит Васильевич (1844–1917) – русский драматург. Занимал должность председателя Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. Автор либретто для «Чародейки» П. И. Чайковского.

195

Шпажинский Юрий Ипполитович (1872–1940) – советский художник. В 1920-е годы жил в Севастополе, преподавал в художественной студии Нарообраза и некоторое время занимался режиссурой в театре имени А. В. Луначарского.

196

Айседора Дункан (настоящее имя Дора Энджела; 1877–1927) – знаменитая американская танцовщица, основоположница системы свободного танца. Была женой поэта Сергея Есенина в 1922–1924 гг.

Ремез (*идиш*) – глубокий смысл, намек.

Ошеломлять, эпатировать (*фр.*).

199

Премьера спектакля «Ромео и Джульетта» в Камерном театре состоялась 17 мая 1921 года.

200

Можно предположить, что речь идет о романе Александра Таирова с художницей Александрой Александровной Эстер (в девичестве Григорович; 1882–1949), который, то вспыхивая, то угасая, длился с момента их знакомства в 1916 году до эмиграции Эстер в 1924 году.

Эта мечта в некотором смысле сбылась. В 1955–1963 гг. Фаина Раневская служила в московском драматическом театре имени Пушкина, который находился в здании, ранее принадлежавшем Камерному театру, закрытому в 1950 году во время кампании по борьбе с космополитизмом.

202

Строчка из стихотворения (песни) В. А. Жуковского «Мечты».

203

«Дер Эмес» (в переводе с идиш «Правда») – советская еврейская газета на идиш, выходившая с 1918 по 1939 г.

204

Любомирский Овсей (Иошуа) (1884–1977) – театровед, литературный критик, активный участник создания советского еврейского театра. Автор книг на идиш «Революционный театр» (1926), «Государственный еврейский театр на Украине» (1931), «Как подготовить спектакль» (1937).

205

Предположение Фаины Раневской оказалось верным. В здании бывшей симферопольской Хоральной синагоги, закрытой в апреле 1923 года, открылся клуб работников промкооперации, ставший впоследствии клубом медицинских работников, а затем складом. В 1965 году здание сильно пострадало от пожара, в 1975 году было снесено.

206

Ныне Тургеневский переулок (здание синагоги, о котором упоминает Фаина Раневская, находилось там, но не сохранилось до наших дней).

207

Дом отдыха профессионального союза работников искусств был открыт в 1922 году в селе Мисхор близ Ялты на бывшей даче купеческой семьи Токмаковых. Дача была небольшой, двухэтажной, на 11 комнат. С момента своего открытия дом отдыха стал «элитным», рядовые работники искусств не могли получить туда путевку, даже если они жили не в Крыму.

208

Пьеса Адриана Ивановича Пиотровского (1898–1937) – советского драматурга, литературоведа и киноведа.

209

Петроградский Театр Новой драмы (он же Государственный Лиговский театр и Театр Пролеткульта), созданный учениками В. Э. Мейерхольда Б. В. Алперсом, А. Л. Грипичем и др. Существовал всего три сезона, с 1921 по 1924 г.

210

Бабушкина сказка! (*идиш*). Выражение употребляется, когда хотят сказать «какая чепуха!».

211

Ныне г. Волгоград.

212

Гилель или Гиллель (112 г. до н. э. – 8 г. н. э.) – один из наиболее чтимых еврейских мудрецов всех поколений. Когда один язычник заявил, что готов принять иудаизм при условии, что его научат всей Торе сразу (дословно: «пока он стоит на одной ноге»), Гилель ответил ему: «Того, что ненавистно тебе, не делай другому, в этом вся Тора, а все остальное – комментарии к ней. Иди и учись».

213

В Казанском университете в 1887 году три месяца проучился В. И. Ульянов-Ленин (был исключен за участие в студенческих беспорядках).

214

«Хелемскими мудрецами» в еврейском фольклоре иронично назывались жители города Хелм (на идиш произносится как «Хелем»), ныне находящегося на территории Польши. Жители Хелма служили олицетворением наивности и глупости, а сам Хелм называли «городом дураков». По преданию, когда ангелы разбрасывали над землей мудрость и глупость, мешок с глупостью прохудился над Хелмом, и вся глупость мира досталась этому городу. В советском еврейском театре с успехом шла комедия драматурга М. Гершензона «Хелмер хахомим» («Хелмские мудрецы»).

215

Миква – бассейн для ритуального омовения у иудеев.

216

Распределителями назывались учреждения торговли, отпускавшие товары определенным категориям населения или сотрудникам определенного учреждения по талонам, карточкам, бонам и пр. Цены в распределителях были низкими (нередко товары отпускались только по карточкам, без денег), а ассортимент – относительно широким.

217

Крымский союз потребительских обществ – объединение кооперативных организаций, созданное 12 июля 1918 г.

218

Грандам (от фр. «Grande dame» – знатная дама) – театральное амплуа, актриса, играющая роли немолодых знатных женщин.